

**Вице-королева:
хочу выйти замуж...**
(Читайте стр. 8-9)

ISSN 0131-6656

СПОЖИВО

24

- О «безопасных» рентгенах и дезинформации. Полемика
- Рассказ Ивана Шмелева «Рождество в Москве» • «Флетч». Роман Г. Макдональда
- Как стать сумасшедшим. Очерк нравов • Покажите им дорогу... Фоторепортаж

Елена ЯКОВЛЕВА:

«Я — за здравый смысл!»

— Как себя чувствует «интердевочка-89» в лице актрисы Елены Яковлевой?

— Да никак она себя не чувствует! Фильм вышел, работа и жизнь продолжают... Обычным своим чередом. Единственную надежду вселяет привилегия вступить в Союз кинематографистов «автоматом» — говорят, с призом Международного кинофестиваля можно... В Токио получила. За лучшее исполнение... Все равно придется заполнять листки какие-то, роли-фильмы перечислять. Господи, ну до каких же пор бюрократия везде будет!

— Ощущаете свою популярность? Не угнетает «бремя славы»?

— Какая уж «популярность»? Интервью иногда просят, но в основном про «Интердевочку» разговор ведут. Недавно, правда, был приятный звонок — журналистка рано утром: «Извините, беспокою вас только для того, чтобы поблагодарить за работу вашу в фильме «Сердце не камень». «Интердевочку», конечно, смотрела, но предположить не могла, чтобы та же самая актриса совсем иное так сыграла!» И от коллег своих — это ведь редко бывает! — много слов хороших услышала про работу у Пчелкина... А насчет «популярности» — обидно даже: иду по улице — и никаких приставаний, никаких шушуканий...

Последние четыре года для меня разделились на разные состояния: в первых, конечно, «Плюмбум...», потом были три очень разные картины, там трудно было для меня «соответствовать» кому-то из героинь, ну, и последний год, работа с Петром Ефимовичем Тодоровским и Леонидом Аристарховичем Пчелкиным — это ведь мастера, у которых и профессионализм, и знание актера, вкус в работе с ним. Может, благодаря им я и не чувствую пока какого-то профессионального «потолка» над собой, готова работать в любом жанре и надеюсь, что многое еще смогу...

— Что бы вы пожелали читателям «Смены», своим зрителям в новом году?

— Что можно «праздничного» пожелать? Обычно я желаю здоровья — не в медицинском плане, а в «морально-этическом», что ли. Чтоб всегда в нашей жизни присутствовал здравый смысл, чтоб перестройка, о которой так много говорится, ощущалась в частности каждого ко всему, что вокруг происходит, а не только в разговорной, которой просто перестаешь уже верить.

Олег ТАБАКОВ:

«Интересно все, что связано с будущим».

— В канун Нового года политологи и экономисты дают прогнозы, причем ничего утешительного в них нет. А что ожидает в следующем году театр?

— Мне трудно отделить судьбу и жизнь нашего театра от судьбы и жизни общества в целом. Театр, как бы он ни был хорош или плох, есть плоть от плоти общества, или, перефразируя европейцев, мы имеем тот театр, который мы заслуживаем. А что его ждет? Зритель становится суровее в своих оценках: люди идут только на те спектакли, которые, по их представлению, заслуживают внимания. Говорю об этом не теоретически, а как актер МХАТа и как руководитель Московского театра-студии на улице Чапыгина.

Я полагаю, что в последнее время маятник зрительского внимания качнулся сильно в сторону политических, экономических, государственных событий и, естественно, произошел отлив от театральные дел. Но, наверное, это связано еще и с тем, что мы недостаточно интересно работаем. Мало чрезвычайных событий, мало радостных сенсаций, мало праздников в театре. Так что в определенном смысле я несколько не сетую на угасание зрительского интереса к театру. Удивительно соразмерно зритель платит той отдаче делу, которую он встречает на сцене, и, напротив, наверное, таким же соразмерным отчуждением он реагирует на равнодушие, которое встречает на сценических подмостках.

То, что происходит с театром, тесно связано с политической ситуацией в стране. Государство должно стать нормальным, цивилизованным. Для этого, как мне думается, необходимо решить вопрос о собственности, вопрос о земле. Вне решения этих проблем судьба театра и судьба многих культурных институтов представляется мне весьма проблематичной.

— Долгое время мы жили в мире абсурда, зато в искусстве нас окружал социалистический реализм. Сейчас мы постепенно становимся реалистами, начинаем трезво смотреть на окружающую действительность. Что же ждет нас в искусстве?

— Я полагаю, что нас ждет трезвая оценка нашего труда, если мы, даст бог, сможем вырваться из дефицита.

Мы большие мастера по созданию дефицита, и не только искусственного, а и вполне реального, во всех областях, в том числе и в театре.

Вы говорите, мы жили в мире абсурда, мы и сейчас живем в мире абсурда. В городе с 8,5-миллионным населением у нас всего 40 с небольшим государственных театров, тогда как в Финлян-

дии 46 театров на 4,5 миллиона человек.

Я полагаю, наш северный сосед значительно дальше нас продвинулся в доведении культуры театра до масс. Так вот, если мы избавимся от дефицита, нас ожидает трезвое отношение к тому, что мы делаем, это с одной стороны (без авансового доверия), а с другой — отток зрительского интереса от театра, который наблюдается во многих городах России и, полагаю, не минует и Москву. Театр ожидают трудные испытания, в результате которых уцелеет сильнейший, уцелеют «живые», те, кто будет разговаривать интеллигентно, серьезно со своим зрителем и на серьезном литературном материале. Во всяком случае, легкой жизни или «простим многое за нашу бедность» я уже не жду. Впрочем, думаю, что это хорошо.

— Олег Павлович, что отличает первых студийцев — создателей театра «Современник» от ваших сегодняшних учеников?

— Очень трудно говорить о себе. Я, наверное, буду необъективен по отношению к себе и к моим прежним товарищам. Одно могу сказать определенно: количество «табу» и страхов было у нас значительно больше, нежели у сегодняшних молодых людей, об остальном было бы неверно и нескромно говорить.

— Какой праздник вы считаете самым счастливым для себя?

— Новый год все-таки. Новый год и 9 Мая, пожалуй, два последних человеческих праздника, которые для меня остались. Раньше, когда были живы родители, праздниками были дни их рождения. Сейчас это дни рождения детей, день рождения внуки. Я в прошлом году стал дедом. Наверное, то, что связано с будущим, с тем, что будет после меня, как ни мрачно это звучит, интересно для меня. 28 октября исполнилось 15 лет студии на улице Чапыгина. Нет, все-таки есть какие-то человеческие даты, во всяком случае, для меня.

Крис КЕЛЬМИ:

«Приятно, что тебя знают...»

— Что славного, Крис, произошло в твоей жизни в этом году?

— Съёмки первого советского эротического видеоклипа «Ночное randevu» и рождение ребенка.

— Есть ли связь между этими событиями?

— По всей видимости. Впрочем, об этом лучше спросить у моей жены.

— «Ночное randevu» на стихи К. Кавалерьяна долго терзало хит-парады. Чем, по-твоему, оно так зацепило сердце широкого слушателя-зрителя?

— Исключительно тем, что в тексте случайно встречается магическое для нашей эстрады слово роза.

— Ну да, «Белые розы», «Розовые розы», «Розовый бант»... Как бы то ни было, ты стал большой звездой. Есть ли связь между возросшей популярностью и тем, что у тебя обчистили квартиру?

— Очень хотелось бы верить.

— Воров, разумеется, нашли?

— Разумеется, нет. Зато я убедился, что в милиции трудятся чуткие, душевные, на редкость отзывчивые люди с широким кругозором. Очень приятно, что тебя знают, ценят, интересуются творческими планами. Приятно, что среди людей этой суровой и нелегкой профессии есть рок-меломаны.

— Ну, а самое неприятное событие для тебя?..

— Поездка по Европам...

— ?

— Искреннее возмущение у советского человека вызывает рост цен на Западе. Кружка крепкого пива в Швеции стоит уже 5 долларов. Это же, судя по новому курсу, более 30 родных рублей!

— А что, там есть еще и некрепкое пиво?

— Очень не хочется тебя расстраивать, но... Крепись!

— Ну, а как твой сын, идет по стопам отца?

— Сейчас он в репетиционном периоде. Тренируется в основном по ночам, отрабатывает постановку голоса, который зверски напоминает фальцет молодого Гиллана. Быть парню металлистом!

— Ты, я слышал, записываешь новый альбом на «Мелодии»?

— Да. Но ошибок прошлых лет я уже не допущу. Слово розы полновесно войдет в каждую композицию.

— И как же диск будет называться?

— Мы перебрали массу вариантов, спорили до хрипоты ночь напролет и остановились, по-моему, на самом удачном названии — «Увяли розы!».

Владимир МИНИН:

«Надеюсь осуществить замыслы».

В уходящем году на первом Всемирном конгрессе хоров в Вене Московский камерный поразил своим мастерством и слушателей, и жюри, а профессор В. Н. Минин был признан лучшим хоровым дирижером мира. Мы, соотечественники, по-прежнему тепло зовем этих певцов мининцами, а хор — мининским.

— Владимир Николаевич, каковы для вас итоги уходящего года, какие надежды связываете с новым?

— Мне кажется, главный итог заключается в том, что я начал понимать глубину Музыки. Это для меня связано с русской хоровой классикой, с отечественной духовной музыкой, с произве-

дениями Георгия Свиридова. Думаю по-другому исполнить те хоровые концерты Георгия Васильевича, которые постоянно в нашем репертуаре со дня основания хора. Может быть, это мое заблуждение, но кажется, я в том состоянии, когда пришло соединение профессионального опыта и человеческой зрелости.

— Но и публика за время деятельности хора изменилась — стала мудрее, тоньше.

— Все так. Сегодня ей нельзя предлагать то прочтение, которое было десять лет назад. Я сейчас по-другому работаю над записями Свиридова. Думаю, что исполнение концерта «Памяти Юрлова» будет новым витком в проникновении в это трагичнейшее произведение.

— Какую новую программу вы готовы на будущий год?

— Я не хотел бы сейчас говорить о программах, потому что наш коллектив, как и многие профессиональные государственные коллективы, переживает довольно трудный период. Дело в том, что государство не смогло противостоять конкуренции частных предпринимателей. Опытных певцов переманивают хорошо платящие кооперативы. Вот и наш хор пока несет урон. Мы вынуждены иметь дело с молодыми, «необстрелянными», неопытными людьми. Но я надеюсь, что через пять-шесть месяцев вернемся к своей прежней форме. В ближайшие два года, к 20-летию хора, если все будет ладно, я надеюсь осуществить свои замыслы. А дальше... время покажет.

Сергей ПРИСЕКИН:

«Работать не на откуп».

— Сергей, ваши полотна демонстрировались в лучших выставочных залах страны. Они поражают грандиозными размерами, и, пожалуй, темой. Вы как бы иллюстрируете историю Родины от славных побед Александра Невского до триумфа военачальников Великой Отечественной. Можно сказать, что вы в свои тридцать достигли признания. Вас узнают на улицах?

— Конечно же, нет. Узнают только мои друзья. Это таких мэтров, как Глазунов и Шилов, «знают в лицо». Да и то, думаю, благодаря телевидению. И скорее не как художников, а как общественных деятелей, актеров, режиссеров, писателей — и все в одном лице. Увы, я такими талантами не обладаю.

— А хотелось бы?

— Да как сказать. Считаю, главное для художника, когда у него есть свой зритель. Когда человек приходит на выставку — и узнает художника по его почерку, манере, индивидуальности. Вот это и есть признание. Не ошибусь, сказав, что это мечта каждого живописца. Ведь мы работаем для народа. У нас самая гласная, самая открытая и самая, скажем, общественная, на мой взгляд, работа. Вся жизнь работаем не

на откуп, а на зрителя. Сам для себя картину писать не будешь.

— Что бы вы пожелали тем, кто никогда не переступал порог музея?

— В первую очередь не обкрадывать себя. Сознательно не лишать радости общения с прекрасным. Научиться понимать язык живописи, увидеть мир в красках, во всем его немислимом многообразии. А во-вторых, наконец-то переступить порог, но не только художественных музеев. У нас есть великолепные музеи исторических ценностей, синтетические музеи. Каждому человеку нужно развивать исторические знания, получать иллюстративную информацию о различных эпохах. Все это «работает» на душу человека, воспитывая его нравственность, а это так необходимо в наше время.

— В какую эпоху вы хотели бы жить, при условии, конечно, что остались бы художником?

— В нашу. И подольше.

— А Ренессанс не прельщает?

— Интересует, как любого человека, но с исторической точки зрения. А жить? Нет. Каждому свое время, своя судьба. Свой миг.

— Есть ли у вас враги?

— А!.. (Пауза.) У меня? Да не думаю... Для меня мой враг — это я сам. Несмотря на кажущуюся энергичность и в общем-то работоспособность, я очень страдаю от природной, прямо-таки национальной лени... А тем, кто считает меня своим врагом, я бы напомнил простую истину: места под солнцем хватит всем.

— Что бы вы хотели пожелать себе в новом году?

— Завершить начатые работы. У меня много сейчас заделов. И хотелось бы завершить их так, как мечталось: на одном дыхании, а не как получится... И еще нормальных условий для творчества. Минимальных хотя бы. И если бы встретил Деда Мороза, я бы попросил у него свой угол. Как новогодний подарок.

Константин РАЙКИН:

«В каждом человеке меня привлекает доброта».

— Существуют ли в вашей жизни самые счастливые, самые незабываемые и самые тягостные дни?

— Наверное, да. Только не берусь четко их определить и на этом успокоиться. Я еще надеюсь на многое. На то, что впереди. Пока не подвожу итоги.

А счастливые дни в жизни бывают: дочка, например, недавно родилась... Вообще с некоторых пор стал понимать, что жизнь гораздо сильнее, и богаче, и важнее искусства. Раньше, если бы знал, что такое скажу, очень бы удивился, потому что категорически считал: на первом месте театр. Неправильно счи-

тал... Самое важное — не какой ты артист, а какой ты человек.

— Что вам нравится в людях и что отталкивает?

— Привлекает прежде всего доброта. Ничего ценнее ее нет. Доброта не богато к бедному; доброта необъяснимая, немотивированная, истинная. Чувство... Не целесообразность — вот, мол, у меня больше, поэтому я делюсь с тем, у кого нет. Меня всегда привлекает в людях талант, привлекает ум, но ничего ценнее доброты не может быть. И не должно быть. Кто думает, что злой, нехороший, но талантливый ценнее, чем просто добрый, тот сам не человек. Это же совершенно ясно! По-другому считать нельзя, не по-божески это...

Не нравятся мне, во-первых, угодничество и цинизм. Мы живем в такой рабской стране! Это мой дом, я его люблю и ни на какой другой не променяю, но это рабская страна. Страшно, когда в людях много рабства и мало достоинства. Кажется, Булгаков считал, что страх, трусость — самое ужасное в человеке. Рабство порождает хамство, упоение властью — любой, самой мизерной. Рабы, рабы... С болью вижу это везде: в себе это замечаю, в других, я в огромном количестве видел это на Съезде народных депутатов, на сессии Верховного Совета... Как пример противоположного рода меня поражает академик Сахаров. Удивительно — рождает же таких людей земля!

Мне часто приходится бывать за границей, и, возвращаясь, я как-то очень быстро перестраиваюсь на нашу привычную линию поведения. Я не сравниваю, нет. Для себя уже давно определил, что здесь моя Родина, моя любимая работа. Во мне глубоко сидит патриотизм. Я только не люблю, когда делают вид, что самая лучшая страна — наша. Поймите, мне не надо, чтобы про мою мать говорили, что она самая красивая и умная женщина. Она не самая красивая и умная, но я ее люблю больше всех на свете, потому что она меня родила, и она меня любит больше всех на свете. Так же и о стране. Это мои традиции, моя культура. Я ее люблю за это, а не за то, что она «самая лучшая»... Она далеко не самая лучшая. То, что мне в ней не все нравится, — большая моя боль.

— У вас есть мечта?

— Есть. Но, знаете, я не буду про это говорить. Не хочу быть книжкой, которая висит на веревочке, и каждый ее может листать.

— Извините. Тогда вопрос такой: что бы вы хотели пожелать своему зрителю в канун Нового года?

— Наверное, того, чего желаю и себе: умения быть счастливым... Кто-то очень умный сказал: «Счастье — это не станция назначения, а способ путешествия». Счастье — в нас самих. Умение быть счастливым — это замечательно. Формулу счастья и составляет, по-моему, умение ежечасно, ежесекундно радоваться самому простому, умение видеть смысл жизни в самой жизни... Это очень трудно сохранить с возрастом. Но необходимо. Этого я желаю и зрителю, и себе.

Замечательно также, когда у людей в любом возрасте остаются вопросы к миру. Обычно к зрелости человек уже хочет, чтобы мир его о чем-то спросил... Люди, у которых есть вопросы к миру, приходят в театр по необходимости, а те, кто эти вопросы растерял, — из соображений престижа или еще чего-нибудь.

Смотришь иногда: ну такое у человека лицо, как будто его бог поставил начальником! Ну нет у него вопросов к миру! Я очень не хочу стать таким. Никогда. Мой отец не был таким. Он был наивным, прелестным зрителем, наивным человеком, сомневающимся в себе. На вершине славы был предельно скромным, так любил удивляться, не мог без этого, страдал, придумывал себе удивление... И у него была масса вопросов к миру. Это важно. И этого я тоже желаю всем.

Александр ЗАЦЕПИН:

«Ищу хороших солистов».

— Александр Сергеевич, три года назад вы приехали из Франции, где несколько лет прожили со своей супругой-француженкой. Вернулись без жены?

— Да. «она уже в Париже, мы снова говорим на разных языках»: не хочет жить в России, а я не хочу во Франции.

— Расскажите еще что-нибудь, более веселое. Помню, когда вы уезжали, оставались совсем не собирались и, естественно, подданства не меняли, из Союза композиторов и Союза кинематографистов не выходили, но тем не менее вас чуть было не исключили из Союза композиторов. Может, взносы не платили?

— Взносы платил исправно. Просто московская организация Союза заклеила меня позором за мое неучастие в общественной работе и постановила: исключить! Благо в Союзе композиторов СССР не поддержали московских музыкальных бюрократов.

— Интересно, а какую общественную работу выполняют музыкальные бюрократы?

— Не знаю. Наверное, собрания профсоюзные проводят, лекции о вреде пьянства читают, в командировки за границу ездят опытом меняться — мало ли чем полезным можно заниматься вместо сочинения музыки.

— Александр Сергеевич, давно мечтаю поздравить вас с присуждением какого-нибудь почетного звания или лауреатства...

— Мне трудно помочь вам в этом благородном деле. Звания не дают: общественной работой ведь не занимаюсь. За что же давать? Но я не печалюсь. Впереди у меня еще много юбилеев — и 65, и 75, и 85...

— Знаю, что сейчас вы заканчиваете работу над музыкой к новой комедии Леонида Гайдая, сочиняете и для Леонида Квинихидзе. Какие самые большие трудности вас ожидают в новом году?

— Найти хороших солистов. Может, поможет?

Блиц-интервью провели: Людмила БАРЫКИНА, Татьяна ДУГИЛЬ, Ася КОЛОДИЖНА, Елена КОНГАЛЕВА, Александр МАРКЕВИЧ, Юрий РАГОЗИН, Геннадий СУХИН.

PO

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Прочитав набор первой книги Ивана Шмелева (1873—1950), обер-прокурор святейшего синода Победоносцев начертил на ней: «Задержать!» Только «всесильный», как звали его, оказался слабее: книги Шмелева пошли чередом, одна за другой, и шли, читателями неизменно приветствуемые, вплоть до середины 20-х годов, когда окончательное «задержать» вышло уже без помощи Победоносцева. Что же произошло?

Исключая Булгакова, Платонова, Пильняка, Бабеля, весь цвет живой русской прозы — а это Бунин, Куприн, Замiatин, Ремизов, Зайцев — оказался далеко от своего родного, но только не сгинув там, не «сгубив таланты», как талдычили нам полвека, а работая во славу русской литературы. В такой «компании» нетрудно, согласитесь, затеряться и сильному таланту, а между тем в 1933 году А. И. Куприн писал: «Шмелев из всех русских самый распрерусский, да еще и коренной, прирожденный москвич, с московским говором, с московской независимостью и свободой духа». И: быть может, не случайно автор «Человека из ресторана» и «Лета господня» представлен в новой рубрике «Смены» именно этим — «московским» — очерком, отысканным нами в зарубежной русскоязычной периодике.

Всего, о чем здесь речь, давно уже нет, и тем, кто помнит, срок тоже истек. В археологических слоях — не самых нижних — отыскиваем мы былое с помощью русской литературы — единственной на крутых поворотах истории хранительницы народного языка, если, конечно, достается нам открывать заново таких его мастеров, как И. Шмелев. Помимо звука, есть в его языке цвет, вкус, вес, запах — все то, что несет в себе жизнь. И еще одна, важная очень особенность: язык И. Шмелева, как настойка на русских травах-говорах, где гуце и слаще всего — московский. Впрочем, читатель и сам убедится в этом, если прочтет предлагаемое произведение возвращаемого нам русского прозаика.

ЖДЕСТВО В МОСКВЕ

Иван ШМЕЛЕВ

Я — человек торговый, в политике плохо разбираюсь, а так, прикидываю на совесть. К тому говорю, чтобы не показалось, будто я по пристрастию так расписываю, как в прежней России жили, в теплой Москве, укладливой. Москва — нашему всему корень. Эх, как разворошишь все, — и самому не верится, будто так все и было. А совести-то не обойти: так, именно, и было.

Вот, про Рождество мы заговорили... а не видавшие прежней России нашей и понятия не имеют, что такое русское Рождество, как его поджидали и как встречали. У нас в Москве знамение его издавна светилось-золотилось куполом-исполином в ночи морозной — Храмом Христа Спасителя: Рождество-то Христово — его Праздник. На копейку народную, со всей России, воздвигся Храм. Силой всего народа вымело из России воителя Наполеона с двенадцатью языки, и к празднику Рождества, 25 декабря 1812 года, не осталось в ее пределах ни единого из врагов ее. И великий Храм-Витязь, в шапке литого золота, всюду видный, с какой бы ты стороны ни въезжал в Москву, освежал в русском сердце великое былое. Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его... — разве о нем расскажешь! Где теперь это знамение русской народной силы?! Ну, по череду расскажу, — будет и о нем словечко.

Рождество чувствовалось в Москве задолго, — веселой-деловой суетливостью. Только заговорились в Филипповки, 14-го ноября, к Рождественскому Посту, а уж по товарным станциям, в Рогожской особенно, гуси и день и ночь гогочут, — «гусятские поезда», в Германию: раньше это, до ледников-вагонов, живой нагрузкой. Но поверите, — сотни поездов! Шел гусь через Москву — с Козлова, Тамбова, Курска, Саратова, Самары... Не поминую Полтавщины, Литвы, Волыни: оттуда пути другие. Утка, кура, индюшка... глухарь и рябчик, бэкон-грудника, и... — чего только требует к Рождеству душа. Горам от нас валило отборное сливочное масло, «царское», с привкусом на-чуть-чуть грецкого ореха, — знатоки это о-чень понимают, — не хуже прославленного датчанского. Катил жерновомы мягкий и сладковатый, жирный, остро-душистый «русско-швейцарский» сыр, верещагинских знаменитых сыроварен, — «одна ноздря!» Чуть не в пятак ноздря. Никак не хуже швейцарского, и подешевле. На верещагинских сыроварнях вписаны в книгу анекдоты, как отменные сыровары по Европе прошибались на дегустациях. А со ставропольских степей катился «голландский» — лиловая головка, розовато-лимонный под разрезом, — не настояще-голландский, а чуть получше. Ну, и «мещерский» шел — мелко-зернистый, терпкий, требовался в биргаллах. Заядлые пивовивы распробовали-таки тараньку нашу: входила в славу, просилась за границу, — белорыбьего балычка не хуже.

Да как мне не знать, хоть я и полотняной части, доверенным был известной фирмы «Г-ва С-вья», небось слышали? От полотна до гуся и прочего харчевого обихода рукой подать, ежели все торговое колесо прикинуть. Рассказать бы о нашем полотне, как мы с хозяином раз, в Берлине, ради смеха, искали венчалную рубашку... все заграничные марки перебрали, нашли-таки — «нет лучше!» — за свою наш же покупатель-немец выдал, а по фактуре-то на-ша оказалась, в нос ему так и сунули. Сам же с нами и гоготал... — сто-о восьмидесят процентов навару сорвать хотел!.. Мало мы свое знали, мало себя ценили.

Гуси, сыры, дичина... — еще задолго до Рождества начинали свое движение. Свиныня, поросята, яйца... — сотнями поездов. Волга и Дон, Урал, Азовские отмели, далекий Каспий... — гнали рыбу ценнейшую, красную, в европах такой не водится. Бочками, букowymi ларцами, туесами, в полотняной рубашечке... — икра катилась: салфеточная-отбор, троечная, мешечная, чуть-малосоль, и совсем «рыбье молочко» — экстрара, паровая-зернистая, белужья. По всему свету гремел русский «кавьяр». У нас из нее чудеснейший суп варили, на огурцах, ка-льо, — не знаете, понятаю. А простолюдин любил крутосоленую, воблину-чистяковку, чуть розоватую, из скошенных окоренков: семь копеечек фунт, лопаточкой на газетку. В похмелье — первейшая оттяжка, здорово холодит затылок.

Так вот-с, все это — туда. А оттуда, понятаю, жиж, легкий товар, по времени: галантерея рождественская, елочная, всякая щепетилка мелкая, игрушка механическая... водяные картиночки, красочки, перышки-карандашики-готовальни, глобусы там учебные... так сказать, просвещающе-полезное, для пытливого, детского умишка. Эх, о ситичке бы порасскажать... — да долго, не буду отклоняться.

Рождественский Пост — легкий, веселый пост. Рождество уж за месяц засветилось, поют под Введение — «Христос рождается — славите!» И с ним — суета веселая, всяких делов движенье. Я вам об обиходе все... ну, и душевного чуть коснусь, прохождем. А пока — пост, ры-ба плавает всюсюду.

Вы рыбу российскую не знаете, как и многое прочее-другое. Ну, где тут послужат тебе... на-важкой?! А она самая предрождественская рыбка, точно-сезонная: до Масленой еще играет, а в Великому Посту — пропала. Про наважку можно великую книгу исписать. Есть — бредят ей: так и зовут — «наважники». У ней в головке, за глазами, парочка перламутровых костянок, зернышки, будто огурешные; девочки на ожерелья набирали. В детстве, радостно змирал, как увижу далекую, с Севера, наважку, — зима пришла! — в кулечке мочальном-духовитом, снежком чуть запорошенную, в сверканьях... — вку-са... неописуемо! Только в одной России ее найдешь. Самые знатоки-едали, от дедушки Крылова... наважку особо отличали. А что такое — снеточек белозерский? Наш снеток — всенародно-обиходный. Петр Великий, говорят, походя его

ел, сырьем, так и носил в кармане. Щи со снетком-песочком... — ну, не скажут!..

О нашей рыбе можно целые фолианты исписать... — сига, розовые-маслистые, селедка-переславка, ряпушка-корюшка, копчушка, шема, стерлядка, свержюжка-осетринка, белуга, семга, белорыбца, нельма — недо-трога-шельма, боится перевозки... лососина пяти сортов... А вязигу едали, нет? — рыба «струна» такая. У Тестова или у Судакова, на Варварке, — пирожи-расстегаи с вязигой-осетриной, к ухе ершовой... — не найдете нигде по свету. А самая всенародная основа — сельдь-астраханка, «бешенка». Миллионы бочек катились во всю Россию. Каждый мастеровой, каждый мужик, до последнего нищего, ел ее и в посту, и мясо-едом, особенно любили головку взасос вылушивать. Пятак штука, а штука-то до полфунта, жирнощя-сочнящая, ух, пахучая!.. но... ни-ни, чтобы «духовного звания», а чуть коли отдаст, это уж тонкой марки, для знатоков. Доверенные крупнейших фабрик, «морозовских», ездили специально в Астрахань, сотнями бочек закупали для рабочих... — это вот «пот-кровь-то с народа-то сосали»... — по припеву «жалетелей!»... по оптовой отпущали фабричные харчевые лавки. А хлеб-то — копеечка с четвертью фунт, а зверь-селедка... а ткач-то выгонял на месяц за тридцать рубликов!.. Оставляю эти прикидочки.

В Охотном перед Рождеством — бучило. Рыба помаленьку отплывает, мороженный лещ, карасики, карпки, судаки... О судаке роман можно написать: чтение завлекательное. Мне рыбак на Белоозере про судака рассказывал... — прямо в стихи пиши. Про Ерша-Ершовича сказ есть, а он судаку только племянником придется... — по-э-зия!..

Крепко пахнет с низка, в Охотном, Старенькая там церковка, Пятницы-Граскави... — редкостная была игрушечка! Века светилась розовым огоньком лампады в решетчатом оконце, с Ивана Грозного. И ее, тихую... — на амортизацию отнесли!.. — мешала. Был там узенький-узенький проходец, и из самого этого проходца, аршина в два... — таким-то копченым тянет, с копильни Баракowych, и днем, и ночью. Там, в полутемной лавке, длинной и низенькой, веками закопченной, для ценителей тонкого копченья, — выбор неописуемый! Идешь мимо, раздумываешь об эдаком высоком и прекрасном, — о звездах там, и что, к примеру, за звездами... — и вдруг пронзит тя до глубины утробы... и сыт по горло, а потянет зайти полюбоваться, и уйдешь, до сердца прокопченный, с кульком барак-овского богатства. На что уж профессора... — университет-то вот он, — а и они забывали Гегеля там со Штигелем, проваливались в копильню... — такой уж магнит природный. Для людей с капиталами? Копчушек щепную коробочку и бедняк покупал на Масленой.

И всегда о ту пору объявится первинка — народная пастила, яблочная и клюквенная, в таких корытцах, чувств ли не пятак фунт. В детстве — первое удовольствие: крепкая пастила, родная, с великого раздолья, — ду-ух!..

Двигается к Рождеству, ярче сиянье Праздника. Игрушечные ряды сверкают, остро воняет скипидарцем: подошел елочный товар. Святочные маски, румяные, пустоглазые, щекастые, поднимают в вас радостное детство, пугают рыжими бакенбардами, «с покойника». Бежишь по делу, а остановишься, стоишь — и не оторвешься. Радостные, золотистые-серебристые хлоплушки, таинственные своим «сюрпризом», в золотисто-заманном пузике: пунцовые, зеркально-играющие шарки из стекла и матовые, из воска, звезды, хвостатые кометы, струящиеся «солнца» херувимы, золоченые шишки и орешки, церквушки-крошки с пунцовыми огоньками из слюдяных оконцев, трепетный «дождь» рождественский, звездная пыль небесная — елочный брильянтин, радостные морковки-зелень, зеркальные дуделки, трубы такими завитками, неописуемо-тонкий картонаж, с грошиками из шоколада, в осыпи сладкой крупки, всякое подражание природе... — до изумления. Помните — «детские закусочки»? — рыбки на блюдечках точеных, чуть пятака побольше, языковая колбаска и ветчинка, сыр с пяташками-ноздрями, икорка и арбучик, огурчики зеленые... румяная стопочка блинков, облитая сметанкой, и хвостик семужий, и грудка икры зернистой, сочной, в лачку пахучем... — совсем живое, до искушения, весело пахнет красочкой. Смотришь — и что-то постигаешь, о-чень глубокое. Хоть и по торговой части, а я и любомудрию подвержен, с образовательной стороны: Императорское Коммерческое кончил. Да и за прилавком почитывал про всякие комбинации ума, от философии. Смотришь на это самое, елочное-веселое, и... — будто все это души земной неодошвенности, как бы «вещей идеи!» — по мудрецу-Платону. И чудится глубина... — духовная, — смысл сокровенный елки, знаменье Рождества... заманное, рождественская радость, детское что-то в ней... как бы рожденье живых вещей. Не потому ли радует и старых, и младенцев? Вот оно — чу-до-то Рождества! Вот бы господам философам заняться — «о чем говорит рож-

дественская елка?» — радость и упование. И тут, бобыль-бобылем, а елку украшаю-возжигаю. Сижу перед ней и думаю, в созерцании ума и духа.

Но главный знак Рождества — обозы: ползет свинина. Гужом подвигается к Москве, с благостных мест Поволжья, с Тамбова, Пензы... — тянет, скрипя, в Замокворечье, на Конную. Уставится она вся, великая, — конца не видно, — широкими санями, полными всякой снеди: груды черных и белых поросят... — белые — на заливное, черные — с кашей жарить, опытом дознано, хрусткую корочку дает, — уток, гусей, индюшек, груды перья обмерзлого, гусяно-куриных потрохов, обвязанных мочалкой, — пятак штука! — все пылкого мороза, заваянное снежком, свалено на санях и на рогах, вздернуто на шестах, оглоблях, манит-кричит — купи! Прорва саней и ящиков, корзин, кулей, сотневедерных чанов, все полно птицей и поросятиной, окаменевшей бараниной, розоватой замерзшей солониной, — каков мороз-то! — в желто-красных лыдях. Свиные туши сложены в штабеля, — живая стена задов паленых, розово-черных «пятаков»... — свиная сила, неисчислимая.

За два-три дня до Праздника на Конную тянется вся Москва — закупить посходней на Святки, на мясоед, до Масленой. Исстари так ведется. И так, поглазев, восчувствовать крепче Рождество, встряхнуться-освежиться, поесть на морозе, на народе, горячих пышек, плотных, вязких постных блинчиков с лучком, полных конопляным маслом до черной зелени, пронзительно-душистых, кашных и рыбных пирожков, укрывшихся от мороза под перины; попить из пупырчатых стакашков, весело обжигая пальцы, чудесного сбитню русского, древнейшего нашего напитка, из имбиря и меда, душистейшего «вина морозного», пламенного согрева, с привкусом сладковатой гари, пряной какой-то карамели, чем завлекает-пахнет возле конфетных фабричек, — сладкой какой-то радостью, Рождеством?..

Верите ли... в рождественско-деловом бучиле, — самая жгучая пора, отпуск приданого на всю Россию, на мясоед, до Масленой, дела на большие сотни тысяч, — всегда урывал часок, брал лихача, — «на Конную!». И я, и лихач — сияли, мчали, как очумелые... — вот оно, Рождество! Неоглядная Конная густо черна народом, гудит и трещит в морозе. Дышишь этим морозным треском, звенящим гудом, пьешь эту сыть веселую, розлитую по всем-то лицам, личикам и морозным ромам, смотришь радостными на все глазами: летят из-под топора мерзлые куски, — плевать, нищие подберут. Вся тут предпраздничная Москва, крепко-ядренная с мороза, какая-то ошалелая... — и богач, кому не нужна дешевка, и последний нищий.

— «А ну, нацеди стакашку!»..

Бородатый мужик, приземистый, будто все тот же, с детства, всегда в широченном полушубке, гремучем на морозе, в вязке мерзлых калачиков на брюхе, — копейка штука! — всегда краснорожий и веселый, всегда белозубый и пахучий, — имбирь и мед! — цедит из самовара-шара янтарный сбитень, в тот же пупырчатый стакаш, тяжелый с детства. Пышит горячим паром, не обжигает пальцы.

В Городе и не протолкаться. Театральной Площади не видно: вырос еловый лес. Бродят в лесу собаки — волки, на полянах дымятся сбитеньщики; недвижно, в тиши морозной, радуют глаз сияньем грозди шаров воздушных — колдовской «зимний виноград»; роняя снег, валяясь елки в санки, едут во всю Москву, радуя новыми крестовинками, морозной смолкой, просятся под наряд.

Булочные завалены. И где они столько выпекают?! Пышит теплом, печеным, — от куличей, от слоек, от пирожков, в предпраздничной суете некогда дома стряпать, пробаваются булочным товаром. Ошалелые от народа, сдобные молодцы, мучнистые, вносят и вносят скрипучие корзины и противни жареных пирожков, горячих, — жжет через тонкую бумажку; с груздями, с рисом-рыбой, с кашей, с яблоками... не ошибутся, кому-чего, знают по тайным меткам. Сыплются подрумяненным потоком, в тепло и сытном запахе, сайки и калачи, подковки и всякие баранки, с маком, с солянкой, с анисом; валяются сухари и кренделечки, булочки, завитушки и подковки... С морозу забегают погреться пирожками, весело обжигают глотки, облизывают пальцы, летят пятаки, куда попало, — скорей, нечего тут считать. Фабричные забирают для деревни, валят в мешки-пакеты — московские калачи и сайки, бело-слоистый ситный, пышной пуха. На все хватает: на ситчик и на платки, на сдобные баранки, на розовое мыльце, на карамель-гадалку, на пряники...

Тула и Тверь, Дорогобуж и Вязьма завалили своим товаром — сахарным пряником, миндальным, мятным, душистым, вязким, с начинкой, имбирной-апельсиновой, с печатью старинной вязи, чуть подгоревшей с краю — в вязьм... Мятные белые овечки, лошади, рыбки, зайчики, петушки и человечки, круто-крутые, сладкие, — самая елочная радость. Сухое варенье, «киевское», от Балабухи, беспалево-мучнистая, сладко увязнут зубы в мягко-упругом чем-то, яблочном, клюковном, рябиновом. «Калужское тесто» мазкое, каменная «резань» промерзлая, сладкий товар персидский — изюм, шептала, фисташки, винная ягода, мушмала, кунжутка, халва-нуга, сахарные цукаты, рахат-лукумы, сжатые абрикосы с листиком... грецкие и «американские» орехи, жареный миндаль в сахаре, орехи заливные, свои-

лесные — кедровый и каленый, «шпанский»... — святочных вечеров забава. Помадка и постный сахар, сухой чернослив «французский», седой от старости, сочный-моченый русский, сахарный мармалад хрустящий, Абрикосова С-вья, радужная «соломка» Яни, стружки-буравчики на елку, из монпасье, золоченые шишки и орешки, крымские яблочки-малютки, сочные, в крепком хрусте... леденцовые петушки, сахарные подвески-бусы... — валится на Москву горами.

Темнеет рано. Кондитерские горят огнями, медью и красным лаком зеркально-сверкающих простенков. Окна завалены доверху: атласные голубые бонбоньерки, — на Пасху алые! — в мелководных буффиках, в золотеных застезках, с деликатнейшим шоколадом от Эйнема, от Абрикосова, от Сју, от Крафта... пуншевая — карамель-боченки, Бормана, россыпи монпансье Ландрина, шашечки в сливках Флэя, ромовые бушэ от Фельша, пирожки-воздух от Транблэ... Барышни-продавщицы замотались, некогда в зеркальце погудряться: заказы и заказы — на суп-англез, на торт-а-Пари в мороженом, на ромовые кэскы и пломбирсы...

День и ночь дымят трубы конфетных фабрик: сотни вагонов тонкой муки, «конфетной» — «фин-флэр» — высыплет на Москву в бисквитах, в ящиках чайного печенья. «Соленые рыбки-дуйтики» Эйнема, новость, попали в точку — острят аппетит на чай и кофе, пивные оценили! — Эйнем-немец бьет Абрикосова: будет с тебя и мармаладу! Русская вековая фирма не сдастся: бьет марципанной славой — четким художеством натюрморт: блюдами отбивных котлет, розовой ветчиной с горошком, блинами в стопке, полными икрой зернистой, живыми фруктами... — все из тертого миндаля, из «марципана», обман глазам: лопнет витрина от народа. Мало?! — так вот, набавлю: «звездная карамель», рождественская новость! Эйнем ответил — святочно-радостным подарком, высокою крэм-брюлэ, с Вифлеемской звездой под серпиком. Нет, стойте... двинулся Иванов, не стыдится своей фамилии: празднует Рождество победно, редко-чудесным шоколадом. Двигается-богатеет жизнь...

Гремят гастрономии оркестры. Андреев, Генералов, Елисеев, Белов, Егоров... — спяют огнями, блеском высокой кулинарии, по всему свету знаменитой: пулярды, поросята, осыпанные золотом крошкой прозрачно-янтарного желе, фаршированные индейки, сыры дичинные, паштеты, пылки волованы в провансале, пожарские котлеты на кружевах, сити-гиганты в розово-сочном теле... пломбирсы-храмы, светящиеся оконцами, вишни, клубника, персики — с новейших теплиц под Воробьевкой, вина победной марки, «удельные», высокое «русское шампанское» — Абрау-Дюрсо — начинает валить французское...

«Мамоны», пожалуй, и довольно... Но она лишь земное выражение радости Рождества. А самое Рождество — в душе, тихим сияет светом. Это оно повелевает: со всех вокзалов отходят праздничные составы, с теплушками, по самому низкому тарифу, чуть ли не грош с версты, спальное место каждому. Сотни тысяч едут под Рождество в деревню, на все «Святки», везут «гостицы» в тугих мешках, у кого не пропита получка, — купленное за русскую дешевку, за труд немалый. Млеком и медом течет великая русская река.

Вот и Канун Рождества — Сочельник. В палево-дымном небе зеленовато-бледно проступают рождественские звезды. Вы не знаете этих звезд российских: они поют. Сердцем можно услышать, только: поют и славят. Синий бархат затягивает небо, на нем — звездный, хрустальный свет. Где же ты, Вифлеемская?.. Вот она: над Храмом Христа Спасителя. Золотой купол Исполина мерцает смутно. Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его плавает над Московской вечерней, рождественской. О, этот гул морозный... можно ль забыть его?! Звон-чудо, звон-виденье. Мелкая суета дней гаснет. Вот, воспоют сейчас мощные голоса Собора, ликуя, всепобедно. «С на-ми... Бог!» Священной радостью, гордостью ликования, переполнятся все сердца.

«Ра-зумеете язы-и-и-цы-ы...»

«И по-ко-ряй-те-ся-а-а...»

«Я-ко... с на-а-а-а...ми Бог!»..

Боже мой, плакать хочется... — нет, не с нами. Нет Исполина-Храма — и Бог не с нами... Бог отошел от нас...?..

Не спорьте. Мы отошли от Бога... — и каемся.

Звезды поют и славят. Светят пустому месту, испепеленному. Где оно, счастье наше? легкость, свобода наша?.. Бог поругаем не бывает. Не спорьте: я видел, знаю. Кротость и покаяние — да будут.

И срок придет.

Воздвигнет русский народ, испукавший грехи свои, новый чудесный Храм — Храм Христа и Спасителя, величественней и краше, и ближе сердцу... и на светлых стенах его, возродившийся русский гений расскажет миру о тяжком русском грехе, о русском освобождении из тьмы... — святую правду. И снова тогда услышат пенie звезд и благовест. И, вскриком души свободной, в вере и уповании, воскричат:

С НАМИ БОГ!

Предисловие и публикация
Алексея КАРЕТНИКОВА.

ИРЯНЬИЧЕШП
ИМОЛАН

Французы включают тексты бардов в поэтические антологии на равных правах со стихами «для глаза». Авторская песня — наиболее мобильный жанр (именно жанр!) поэзии. Поэтому упрекать бардов в излишней (!) злободневности, как это часто делается до сих пор по отношению к нашим авторам, так же нелепо, как спрашивать у птиц, отчего это они позволяют себе роскошь летать.

После прошлогодней публикации в «Смене» текстов песен А. Пшеничного в редакцию посыпались письма с просьбой повторить встречу с ним. И мы, естественно, идем навстречу широкому читателю, который, как в песне Пшеничного, «на зеленый — ускоряется, и на красный — тормозит», однако фальши не терпит. Ибо сказано уже: КОГДА ЛАКИРУЮТ — ДУШНО!

ПЕСНЯ О КОНФЕРЕНЦИИ

На партийной конференции,
Где доклады до зарниц,
Меньшинство интеллигенции,
Большинство нормальных лиц.
Там звучат тирады гневные,
Обличая аппарат,
Там на темы злободневные
Злободневно говорят.

Говорят, что мы бы рады бы
Не грустить, не горевать,
Говорят, что нам не надо бы
Друг у дружки воровать,
Нам бы блага непрерывные
И порядок бы кругом...

А мы-то думали, наивные,
Что давно мы так живем.

Там героев величалники
Пригубили до земли,
Там согнали партначальника
И министра извели.
И из пафоса спортивного,
Не жалея сил и жил,
Там в генсеки беспартийного
Кто-то выбрать предложил.

И отечества спасатели
Колыхались по рядам,
Наблюдая, как писатели
Быют друг дружке по мордам,
За дела свои противные,
За разбой, где ни копни...

А мы-то думали, наивные,
Что народные они.

А Москва флажки развесила
Над Москвою над рекой.
Жалко, питерского крейсера
Нет в столице под рукой,
А не то б из орудийного
Намекнули там ствола,
Чтоб скорее власть партийная
Власть Советам отдала!

Но среди форума московского
Был к другому интерес:
Били Ельцина, как Троцкого,
Чтобы в лидеры не лез,
За погромы магазинные
И за кадровый аврал...

А мы-то думали, наивные,
Что поможет нам Урал.

Вся земля включала телики
И спешила прочитать,
Мы Европе и Америке
Показали нашу статью.
И, с утра по веткам лазая
В нервных поисках еды,
Пели Африка и Азия,
Что мы им «камарады».

А народ наш улыбается,
Не хандрит и не бунтует,
На зеленый — ускоряется,
И на красный — тормозит.
Вьются очереди винные,
Как бинты вокруг страны...

А мы-то думаем, наивные,
«Лишь бы не было войны!...»

Были приняты решения,
Хоть пока их не нашли.
Механизмы торможения
Рассекреченные шли.
Но по каждой резолюции
Их поползала рука.
А это значит — революция
Не закончилась пока!

БИТВА С АЛКОГОЛЕМ?

Мы все теперь
в открытую глаголем,
Грехи свои кляня наперечет,
Но в этой страшной битве

Не в нашу пользу
с алкоголем
высветился счет!

Но в той борьбе
и нам была полезность,
Особенно в начале всех начал —
Когда вступали

в общество «За трезвость»,
То дело это каждый отмечал!
Конечно, были трудности

в природе —
Лоза укоротилась и мораль,
И популярной сделалась в народе
Капучая, горячая спираль.
Зато теперь узнало руководство
Такой диалектический сюжет,
Что с сокращением

винопроизводства
Военный сокращается бюджет!

Ведь до сих пор
тот случай не забытый —
Как вспомним —
в кулаках услышим хруст,

Когда,
ничем по трезвости не сбитый,
На флаг наш приземлился

немец Руст!
Теперь про то всему известно шару:
Была бы водка —

было бы чем сбить...
Нет, неспроста трагедия по жанру
Та пьеса,

где есть «пить или не пить?».
И согласиться с выводом придется,
Что надо в перспективе кой-кому
Не с тем бороться —

что в народе пьется,
А с тем бороться — пьется
почему!

УБИТЫЕ ЗВЕРИ

Вдоль автострад — убитое зверье.
Как простыня над ними —

ветер века.
Шальная скорость сделала свое,
Не стой, зверье,

на тропах человека!
Давно ль и я
не знал про «авторут»,
Живя в дворнягах

и не веря сроду,
Что где-то там
медали раздают

не за геройство —
просто за породу.
Но тех собак не выпустят к шоссе,
Ну, а дворняги —

что в них за пролажа!

И два пятна горят на колесе,
Как две звезды

на кромке фюзеляжа.
Ты тормоза в потоке не нажмешь —
За правый край

зашкаливает стрелка.
И, натываясь будто бы на нож,
Летит в кювет разорванная белка.

Кто человек, кто зверь
в конце концов?
Природа-мать, ты спутала понятия!
Горят в турбинах,

мрут под колесом,
Доверясь нам,
меньшие наши братья.

Ты невиновен,
слышишь, скорый век!
Я знаю путь к причинам и итогу:
Запомни, зверь, —

не любит человек
Тех, кто ему перебежал дорогу!

ПЕСНЯ О ПОСЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ ЗНАМЕНИТОГО ФОНТАНА «МАНЕКЕН-ПИС»

«...Согласно легенде,
этот мальчик много ве-
ков назад спас город от
взрыва, случайно поту-
шив пороховой шму-
рок...»
(Из объяснений гида.)

Когда съеду я отсель
Без последних клеток,
Будет снится мне Брюссель —
Город статуэток.

Кони, крылья, груди дев
Под любым карнизом.
Ну а главный их шедевр
Называют «Писом».

Мал тот малый, да удал
И душою молод.
Говорят, он сжечь не дал
Свой родимый город.
Так бывает иногда —
Подтверждает смело:
Хоть и «малая нужда»,
А большое дело!

Не стесняется стоит —
Брызги серебристы.
Днем и ночью у струи
Скачут интуристы.
Хохотала, как могла,
Здесь любая нация...
Но однажды забрела
Наша делегация.

Шли не так, как кто хотел —
Слушали в движении
Про увязку наших дел
И разоружения,
Оттого недостает
Мяса нам и сыра,
Что, мол, все это клюет
Белый голубь мира!..

Только вдруг открылся «Пис»,
Брызнула водица.
Старший крикнул:
«Тут стриптиз —
Отверните лица!»
Но, легенду изучив,
Дрогнув наш политик,
Повернуться разрешил
И позвал на митинг.

«Дорогие земляки, —
Он сказал, — товарищи!
Есть еще у нас враги
И земля в пожарище.
Страны Запада гниют —
Правило железное,
Но должны мы взять и тут
Что-нибудь полезное!»

Развернулся он к мальцу
И сверкнул коронкою:
«Вот вам памятник борцу
С ядерною гонкою.
Неспроста вода течет —
Капля камень точит!..
Может, кто-нибудь еще
Высказаться хочет?»

И ступила на кирпич,
Кто стояла с краю:

«Что сказал Иван Кузьмич —
Поддержать желаю».
Посмотрела на мужчин
И на статуэтку:

«А еще даю почин
Вам на пятилетку!
Сколько стран, материков
На земле сгорело?»

Ну а сколько мужиков
Шастают без дела!
Если б парни всей земли,
Как вот этот — разом! —

Мы бы жить давно могли
С молоком и мясом!..»

Сигаретный вился дым,
Как поэмка вьюжная,
К монументам шла другим
Наша группа дружная...

Когда съеду я отсель
В край родных акаций,
Будет снится мне Брюссель —
Город делегаций.

Я БЫ ВСЕХ СОБРАЛ НЕ РАЗ

Вот собрать бы поскорей
Мне в единый круг —
Всех бывших моих друзей,
Всех бывших подруг!
Школьных, классных, курсовых,
Штатских, боевых —

Всех здоровых и живых,
Пусть немолодых.
Я бы двери растворил,
Встал бы у крыльца.

Те, кого я сам любил,
Шли бы без конца.
Я с утра встречал бы всех
До заката дня,
Меньше было бы, конечно, тех,
Кто любил меня.

Сорок ящичков вина
Приобретены,
Имена и времена —
Переплетены...

Я бы парусом пустил
Песню над струной.
Те, кого я сам любил,
Пели бы со мной.
Кто смычком, а кто значком
Помогал, звеня.
Но сидели бы молчком,
Кто любил меня...

Я такой же, как и был
В давние года!
Те, кого я сам любил,
Подтвердили б:
— Да!
Я по-прежнему в родстве
С каждой из планет!..
Только те, что в меньшинстве,
Ни словца в ответ...
Я бы всех собрал не раз
Вместе у огня...
Если б не боялся глаз
Тех, кто любил меня.

Я такой же, как и был
В давние года!
Те, кого я сам любил,
Подтвердили б:
— Да!

Я по-прежнему в родстве
С каждой из планет!..
Только те, что в меньшинстве,
Ни словца в ответ...
Я бы всех собрал не раз
Вместе у огня...
Если б не боялся глаз
Тех, кто любил меня.

ДУША НАСЕЛЕНИЯ

Вы не портите мне настроения,
Пятилетку не тыкайте в нос!..
Что такое

«Душа населения»? —
К постановке имею вопрос.

В перекрестках таблиц
Ни фамилий, ни лиц —
Персоналии нам на шипа,
Коль у нас каждый год
Все богаче живет

Непонятная эта душа!
Если вас одолели сомнения,
Загляните под латку рубля:
Там на нашей душе населения
Больше всех чугуна и угля.

Упади или встань —
Всюду нефть, всюду сталь,
Сколько сможешь —

неси на обед.

В магазинах нагих
Нет явлений других,
Кроме звонких явлений побед!

А недавно я был за «пределами»
(Как припомню, так снова налью) —
Нам их долго еще переделывать,
Не лежат у них души к сырю.

Помню, скинув пиджак,
Я кричал ему:
— Жак! —

В экономике ты ни хрена!
У тебя три манто,
Два авто, но зато —
На душе —

ни куска чугуна!

Только он мне ответил уверенно,
Несоветскую выплеснув чушь:
Коль из душ своих сделали меру вы,
Значит, веру убрали из душ!

...Я рванусь из толпы
С килограммом крупы,
Пошщу наудачу вина.

Если буду в раю,
На могилу мою
Мой поставьте кусок чугуна!

ХОЧУ КУПИТЬ Я ПИСТОЛЕТ

Советской власти много лет,
Но вынужден признаться:
Хочу купить я пистолет,
Чтобы обороняться.

Гоняется, стреляется,
кусаются стихия,
И каждого касаются

события такие!

Я жил в застойные года,
Я помнил кукурузу,
Грозил всякая беда
Советскому Союзу.

И верю я, что Берия
Был дьяволу родня,
Но что же нынче делают
Со мной средь бела дня!

Гоняются, стреляются
разбойники лихие,
И каждого касаются

события такие!

Спаси, Господь, и сохрани
От такого пыла!
На что уж нервы из брони
У друга Михаила,

Но он в предчувствии обид
И для борьбы со злом
На службу в свой советский МИД
Приходит с топором.

А тут еще конверсия
Повсюду входит в моду,
Теперь такая версия:
Оружие — народу!

И важно так, вальяжно так
Гуляет рэкетир —
У них теперь у каждого
По парочке мортир!

Распахнуть объятия
Для нервного прироста,
Гуляет демократия
От морга до погоста.

И ахаем, и ухаем
От ухаерей навзрыд,
Зато товарищ Сухарев
Спокойно говорит.

Дает он в свете гласности
Понятие основам,
Мол, главные опасности —
От Гдьяна с Ивановым.

А вор у нас обидчивый
И драки не хотел,
Но начали завинчивать —
Вот он и озверел.

Гоняются, стреляются
разбойники лихие,

Они еще покаются,
такие и сакые...

...На Рижском рынке я себе
У воина в законе
Куплю ракету РСД,
Поставлю на балконе,
В зашанике — «калашников»
И с миной унитаз,
И будет жить не страшно мне
От сообщений ТАСС!

Гоняется, стреляется,
кусаются стихия,
И каждого касаются

события такие!

И каждого касаются
события такие!

КОРОЛЕВА ИВАНОВА

Андрей КУЧЕРОВ
Фото Юрия ЖЕЛУДЕВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

или «Какие бабы?! Страна вагоны разгрузить не может!»

СЮЖЕТ

— Да нет, я ни с кем не спала для того, чтобы поехать на этот конкурс. Хотя большинство наших сограждан почему-то уверены, что все, связанное с конкурсами красоты, обязательно связано с безнравственностью. У меня вообще такое ощущение, что красивая молодая женщина просто изначально обречена в нашей стране на какое-то унижение. Красота и, не дай бог, независимость очень многих раздражают. Впрочем, эта ситуация имеет, как мне кажется, свои корни, и, как ни парадоксально это звучит, она закономерна для нас и для нашего серенького поступательного развития. Ведь внешность всегда приносилась в угоду трудовому энтузиазму...

На этот международный конкурс я попала случайно, и это чистая правда... к сожалению. К сожалению, потому, что и подготовка к этому конкурсу тоже получилась случайной. Культурный центр «Внешторгиздата», который меня посылал, практически всю подго-

товку свел к приобретению билета на самолет, а все остальное мне пришлось решать самостоятельно. А эта злополучная тележка мне еще приснится не раз...

товку свел к приобретению билета на самолет, а все остальное мне пришлось решать самостоятельно. А эта злополучная тележка мне еще приснится не раз...

ПОВОД ПОДУМАТЬ

Нет, подумать мне захотелось не

Узнал я обо всем случайно. Пришел приятель, который прилетел «оттуда». Принес бутылку, которую привез «оттуда». Мы с ним сидели, и он рассказывал, как «там» хорошо. Едва разговор зашел о... о-о-о!.. о чем разговаривают все мужчины, когда в теле чувствуется разогрев и азарт, азарт и разогрев?

«А кстати,— сказал приятель,— с классной девочкой летел в самолете. Стала вице-королевой на международном конкурсе красоты. Зовут Алена. Телефончик хочешь?..» — «Хочу»,— сразу ответил я и, между прочим, позвонил сразу же...

А ведь не будь у меня приятеля, который иногда бывает там, где хорошо, и не принеси он бутылку, и не заговори мы о... о-о-о!.. том, что неминуемо волнует всех мужчин, когда в их разогретых душах и телах поднимается, распрямляясь... В общем, мы бы так и не узнали, что наша юная соотечественница совсем недавно победила многочисленных конкуренток в престижном международном конкурсе и лишней раз доказала — доказала, как смогла,— что далеко не всегда и далеко не во всем мы проигрываем странам, расположенным по другую сторону вспаханной пограничной полосы. И это радует. Но еще я подумал, что радость эта совсем не близка осевшим за той же вспаханной полосой нашим журналистам, которые по долгу, совести и зарплате в твердой валюте обязаны оперативно сообщать нам про наши же успехи. Ни один из осевших в ФРГ тружеников пера не встретился с вице-королевой, хотя о ней писали много и вздох западногерманские газеты. Ни один из них не рассказал нам о ее триумфе и... маленькой тележке, которая отныне должна войти в историю международных конкурсов красоты...

о тележке — о ней пусть вице-королева размышляет. Подумать захотелось о конкурсах красоты и словах Алены Ивановой насчет внешности, которая всегда приносилась у нас в «угоду трудовому энтузиазму». Справедливое наблюдение, только, я бы сказал, страшненькое. «А может быть, мы с вами просто трусы, когда мы подгоняем наши вкусы под то, что подступней, попростей?» Вот это «попростей» и стало нашим идеалом, касающимся, увы, не

только женской внешности. И до сих пор мы сладостно улюлюкаем вслед той, что обладает «бесконечными» ногами, ухоженной кожей, безупречным вкусом и тем «нечто» (а это «нечто» есть, по сути, в каждой женщине, нужно только уметь это «нечто» подать), что заставляет мужчин идти на попрание морали, ломать семьи, брать взятки, пить горькую, словом, совершать массу необдуманных, непредсказуемых, отвратительных или, наоборот, красивых

поступков. Ведь все, что ни делаем, мы делаем для того, чтобы однажды — "...в какую облачность я голову теряю?"

Так почему же столь нелюбимы в нашей стране конкурсы красоты? Вообще-то вопрос несложный, и ответить на него можно по пунктам, загибая, что называется, пальцы:

Раз. ...потому что это их, бесстыжие, западные нравы. Наша советская женщина всегда отличалась стыдливостью и скромностью.

Два. ...потому что подавляющее большинство наших женщин не имеют возможности более-менее прилично одеться, обуаться, нормально питаться, чтобы цвет лица отличался от цвета кирпичной, из которых сложены здания сталинской застройки.

Три. ...потому что все они там б...и! **Четыре.** ...а за что им все эти почести? За то, что полуголые задницами виляют? За то, что ничего не делают?

Пять. ...потому что на всех этих конкурсах все известно заранее, все там у них куплено.

Шесть. ...в такое время не о бабах надо думать! Страна вагоны разгрузить не может!

И так далее.

Вот, по-моему, наиболее «общенародные» причины улюлюканья в адрес конкурсов красоты. И, кроме того, наш так называемый «средний зритель» воспитан в основном на зрелищах спортивно-административного характера. К стати, даже сейчас он радостно вздрагивает, наблюдая мышечно-вздутых культуристок, но начинает злобно и мелко поплеивать от вида юных красавиц, упакованных в «ленточные» купальники. Почему? Ну, я думаю, и потому еще, что спорт, как правило, не требует высокого вкуса и эстетики и от спортсменов, и от организаторов спортивных зрелищ, и от зрителей. Говоря образно, ядро пихнуть гораздо проще, нежели взять в руки беззащитную фарфоровую статуэтку и повернуть ее так, чтобы все ахнули, но ахнули... тихо. Возможно, я и не прав в этих размышлениях о причинах активной неприязни к грациозным девушкам, шагающим в свете софитов на глазах жюри и публики. Но так или иначе все это поверхностные, на мой взгляд, причины нелюбви, о других — чуть позже, поскольку они имеют самое непосредственное отношение к той самой маленькой тележке, на которую два вежливых немца сгрузили вещи Алены Ивановой, когда она сошла с трапа самолета, приземлившегося в аэропорту Франкфурта, что в ФРГ...

СЮЖЕТ

— Смотрю, меня никто не встречает. Вцепилась в тележку, на которую мне помогли поставить вещи, стою и жду. А в голове жуткая мысль: сейчас подойдут и скажут, что за тележку надо платить. У меня, естественно, никаких денег нет. Постепенно начал охватывать ужас: представьте себе советского человека восемнадцати лет, оказавшегося впервые в жизни за границей и к тому же осознающего, что он потерялся! У меня есть бумажка с телефонами «на всякий случай», но чтобы позвонить, нужны деньги, та самая пресловутая валюта — западногерманские марки...

Простояв час, я пошла к нашему Представительству Аэрофлота. Там ничего нет. Дверь закрыта. Жарко и противно до одури. Вдруг ко мне подходит немка и спрашивает на английском, что у меня случилось, почему у меня такое лицо? Боже, как хорошо, что я знаю английский!.. Нет, я не плакала, но со стороны можно было подумать, что я только что похоронила двух близких родственников. А надо сказать, там на такие лица обращают внимание, поскольку они — редкость. Это у нас не заметили бы. У нас большая часть населения с такими лицами хо-

дит. В общем, я начинаю объяснять этой женщине, что я из России, прилетела на конкурс... Вдруг она протягивает мне деньги. Вот вам, говорит, десять марок, доллар и мой домашний адрес. Если вас не встретят, позвоните мне и подъезжайте, я живу совсем близко. Мне стало дико стыдно, я говорю: зачем деньги, у меня есть. Девушка отвечает она, я только что прилетела из Москвы вашим же рейсом и отлично знаю, что у вас есть и что у вас может быть... Она ушла, но скоро, к счастью, появился представитель Аэрофлота. Я объясняю ситуацию, он начинает звонить по телефону, который мне дали в Москве. Ему говорят, что все уехали на пресс-конференцию, затем поедут на шоу и будут только на следующий день... Поселите, говорят, ее в гостиницу, а завтра мы ее заберем. «А на какие?» — спрашиваю я. «Попробую договориться, чтобы поселили за счет фирмы, которая принимает», — отвечает представитель Аэрофлота. Беру тележку, иду в гостиницу...

Очень милая девушка сообщает, что заказ на номер не поступал. Я начинаю ей все рассказывать, она вежливо слушает, кивает, в конце спрашивает: «У вас есть деньги?» Я снова начинаю объяснять, она опять вежливо кивает, в конце спрашивает: «У вас есть деньги?» И я понимаю, что они мне страшно рады, но селить меня не будут. Мне становится совсем плохо. Иду обратно, тележку толкая перед собой, оставить боюсь: работает советская привычка — вещи сопрут. «Прикатываюсь» к Представительству Аэрофлота. Дверь закрыта. Представитель уже ушел. И я понимаю, что уже близка к обмороку. Хочется только одного — домой! Не надо мне никакого конкурса! Не надо красоты! Не надо ничего! Только одно — домой!..

ПОВОД ПОДУМАТЬ

А нужны ли нам конкурсы красоты? Хотя сейчас отдельные граждане и перестали вроде бы вздрагивать от слов «мисс», «миссис», «фотомодель», а о деятельности Маши Калининой рассказал даже орган ЦК КПСС газета «Правда». И все же вопрос не случайный. «Жреть нечего, а вы малолетних девок в купальниках на сцену выпускаете...» — Я лично слышал эти слова от одного заслуженного уважаемого человека, который всю жизнь перевыполнял, сдавал досрочно и даже привык к этому.

Размышляя, я бы хотел привести и другое интересное высказывание на эту тему одного из главных редакторов столичных изданий, опубликованное (если мне не изменяет память) в журнале «Театральная жизнь». Я уже тогда выписал это высказывание, поскольку неглупых мыслей по затронутой проблеме у нас почти что нет. И вот его слова: «...Но попробуем озадачиться одним «простым» вопросом: какое **применение** может найти у нас в стране женщина, обладающая незаурядной, оригинальной, броской внешностью? **Ей хочется** себя показать. Ей хочется себя выставить. Каким образом? У нас абсолютно не развита индустрия моды, индустрия рекламы и пр. и пр. И мы обрекаем женщину на психологический дискомфорт. Ее потребность — природная потребность! — реализовать свою незаурядную внешность и отсутствие условий для этого вступают в тяжелое противоречие. И здесь, по-моему, одна из многочисленных причин того, что многие женщины незаурядной внешности избирают путь легкой наживы, а попросту говоря, становятся проститутками...»

Вот такие мысли записал я однажды в свой блокнот. Мысли, повторяю, интересные, хоть и чужие. Но это еще не последний аргумент в пользу конкурсов красоты. Будут еще. Но после того как Алена Иванова толкнет наконец свою

тележку с чемоданами в сторону всемирного конкурса...

СЮЖЕТ

— И тут вдруг появляется представитель Аэрофлота с женой. И они говорят, чтобы я ехала к ним домой, а уже на следующий день будем решать, как передать меня в руки организаторов конкурса.

С диким облегчением я толкнула эту idiotскую тележку с моими вещами...

Когда меня наконец «передали», жизнь вошла в ритм, которым раньше мне не приходилось жить. Каждый день в различных городах ФРГ проходили шоу, в которых мы — представительницы сорока пяти стран — принимали участие. Конкурсы красоты поставлены там на коммерческую ногу. Из них выжимают предельную выгоду. Шоу-программы начинались в шесть вечера и заканчивались в двенадцать ночи. После этого нас везли в гостиницу. Часа в три мы ложились спать, а в шесть утра уже надо было подниматься, чтобы начать подготовку к очередной программе.

Когда я наконец-то попала к спонсорам этого мероприятия, они удивились и обрадовались, так как уже не надеялись, что «русскую отпустят». Ведь я опоздала на целую неделю из-за нашей «тщательности» в оформлении выезда. Короче, когда я со всеми познакомилась, получилась забавная штука — они решили что Иванова — это мое имя. И пару дней я жила как Иванова. «Здравствуй, Иванова» — «Здравствуйте...» Просто Иванова и все. Меня это не особо смущало, но потом я все-таки объяснила, что зовут меня Алена...

Вот сейчас, когда уже спокойно можно разобраться в воспоминаниях, хочу сказать, что меня там удивило, поразило и порадовало. Прежде всего сам конкурс, его организация. Да, все это коммерция, состязательность, налаженный механизм. И все же там чувствуешь себя удивительно **свободной**, там все способствует тому, чтобы человек мог использовать свой шанс, раскрыться, показать свою **индивидуальность**. Ведь в принципе каждая девочка, которая идет у нас на такие конкурсы, желает одного — самоутверждения. Не получая в жизни признания своей внешности, фигуре, оригинальности, она ищет эту возможность в конкурсе красоты. Потенциально в любой женщине заложено желание нравиться. И каждая, я считаю, при желании может быть оригинальной, милой, обаятельной. И тем более обидно, что у нас, где все это должно цениться в человеке больше всего, этим разбрасываются, и, более того, людей неожиданных, нестандартных не любят. На мой взгляд, погоду в нашей стране делают не яркие, а очень средние люди. Я считаю, огромная трагедия нашей системы состоит в хронической недораскрытости талантливых людей, если так можно сказать. Именно в недораскрытости. Помните в гениальном «Не до...» у Высоцкого:

*Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Недолюбил, недолюбил!*

И финал:

*Смешно, не правда ли? Ну, вот,—
И вам смешно, и даже мне.
Конь на скаку и птица влет,—
По чьей вине, по чьей вине?*

Вот и не решаемся мы до сих пор ответить на вопрос: по чьей вине? Только повторяем, как пьяные, — «бюрократический аппарат», «чиновники»... Какой, к черту, аппарат?! При чем тут чиновники?! Все это пар, а вода кипит

совсем от другого... Словом, эта страшная ситуация, когда талантливый человек вынужден чуть не с рождения продирается, оставляя на колючей проволоке, говоря образно, клочья живой кожи, приводит к тому, что очень часто у нас неординарные люди либо спиваются, либо кончают жизнь самоубийством, либо выезжают из страны. Вы думаете, сейчас что-то изменилось? Почти нет. На поверхность просочились единицы, остальные мучаются, как и прежде, и давление на них только усилилось — ведь борьба ожесточается. Почему в нашем обществе для многих людей почти привычна стрессовая ситуация? Потому что у оригинального человека активно развивается комплекс собственной недораскрытости. Ведь это даже не физическая боль — она проходит, а это «не до...» уйти не может, это давит на психику, это каждый день, как полуночный бой курантов...

Талант и красота — это от природы, от бога. Но красота, как и талант, без трудолюбия — ноль. И без здоровья — тоже ноль. Вот я смотрю на наших маленьких девчонок и вижу, что, например, «она» может вырасти очень симпатичной, очень красивой. И в то же время я думаю, какая судьба ей уготована: либо ее красота заставит ее быть «путаной», или же она станет несчастной, затурканной мамой с десятком сумками и тремя жировыми складками под подбородком. Я к тому, что думать о женщине нужно не в тот момент, когда требуется выбрать из десяти всемирнонадеждительных одну — единственную «мисс», думать о женщине нужно, когда она еще ребенок. Приходишь в школу — а я работала в школе лаборанткой — и видишь, что учительница одета ужасно безвкусно, что она не только знаний не даст, но даже элементарного эстетического вкуса не сможет привить, уважения к самой себе. А, быть может, всем этим первокласскам важны даже не знания, а то, КОГО ОНИ ПЕРЕД СОБОЙ ВИДЯТ? Понимаете?..

ПОВОД ПОДУМАТЬ

А мне все равно не дает покоя мысль: «нужны — не нужны» нам конкурсы красоты? Быть может, то, что нормально для цивилизованных государств, ненормально для нас, несущихся даже не в последнем вагоне стремительного поезда, а тихо ковляющих по шпалам. Быть может, рано нам с нашими «одухотворенными» лицами в калашный ряд? Ведь даже «Наутилус Помпилиус», возвращенный премией Ленинского комсомола, поет о том, что «Ален Делон не пьет одеколон», а у нас-то ведь пьют и как пьют! А если к тому же опросить членов нашего Совета все более и более Верховного и подсчитать их голоса «за» и «против» конкурсов красоты, я думаю, что «против» будет больше. А ведь наши депутаты, если поверить им на слово, выражают мнение народа. Короче так: если большинство «не хотят» быть, а меньшинство-таки желает, как тут быть? И что важнее для прогресса — мнение большинства или отчаянные телодвижения меньшинства?.. Вообще-то мое репортерское дело — задавать вопросы. Задавать и **провоцировать** общественность к размышлениям. (Я вообще считаю, что нынешняя журналистика должна не столько информировать, сколько вполне сознательно **провоцировать** появление разных мыслей, добиваясь их брожения.) И тем не менее скорее интуитивно я предвижу, что конкурсы красоты нам все-таки нужны. Нужны как раздражитель общественного мнения. Нужны как некий воспитатель вкуса. Нужны для самоутверждения, без которого иная женщина просто может не состояться чисто по-человечески. Нужны, чтобы наше, пожалуй, последнее достоинство — красивые женщины — не выехали за рубеж. А ведь их вывозят и как еще вывозят! Предлагаю и руки, и сердца

и все остальное, что имеется при организации иностранного гражданина. Я представляю, какой доход в валюте мы могли бы иметь, если бы ввели государственную пошлину на каждую вывезенную за рубеж нашу красивую женщину. И я почему-то думаю, что грамотные, эффектные, постоянные конкурсы красоты нашего отечественного производства хоть как-то, хоть чуть-чуть, но будут препятствовать этому нерадостному процессу.

Кстати сказать, мы, к счастью, довольно успешно учимся их проводить. Последний конкурс «Московская красавица-89» лично меня просто удивил своей продуманностью, оригинальностью и отсутствием пошлости. Это было действительно зрелище. И это было действительно состязание. И были максимально использованы все возможности, которые находятся в прямой зависимости от суммы денег, отпущенных на это мероприятие. По меньшей мере мне так показалось. А это трудно: имея немного, сделать по максимуму. Это свидетельствует о наличии вкуса и изобретательности у организаторов и режиссеров этого конкурса, без чего просто нельзя и не нужно заниматься этим «бизнесом». Но это говорит и о том, что иногда изысканный вкус меньшинства может даже смягчить нравы большинства, и значит, еще не все потеряно. Ведь, кстати сказать, в тех же чемоданах, которые Алена Иванова упорно везла на маленькой тележке, были упакованы платья и костюмы, шитые ее руками, и именно они произвели потрясающее впечатление на западных немцев. А уж их удивить одеждой все-таки трудно. А Алена Иванова «там» была, как известно, в меньшинстве. Значит, все-таки прогресс может определять и меньшинство, если, конечно, оно обладает вкусом...

СЮЖЕТ

— Призы? Да какие там призы!.. За свою победу я получила букет роз и бутылку шампанского... Мне, естественно, никто не поверит — у нас вообще забыли, что такое «верить»... но я как-то очень взволнованно относилась к тому, что представляю на этом международном конкурсе свою страну, которую и люблю, и ненавижу одновременно, как, впрочем, и большинство наших людей. Хотя думаю, если бы мной занимались профессиональные менеджеры, опытные в таких делах, они бы заработали на моей победе какую-то выгоду — и материальную, и даже политическую. Я, между прочим, убеждена: если бы нашей первой «мисс» Машей Калининой занялись всерьез, а не так, как это было, она бы принесла стране огромные дивиденды. А из-за нашей процветающей лопухости эти возможности были использованы минимально.

Первое место в этом конкурсе заняла девушка из Польши. Она стала королевой мира-89. На следующий день западногерманское радио заговорило о том, что эта победа, возможно, придаст силы народу Польши, который находится сейчас в сложной ситуации, поможет выбраться из кризиса... То есть там думают буквально обо всем, на много шагов вперед. К сожалению, наши организаторы конкурсов красоты до сих пор смотрят, что называется, только себе под ноги. Работает довольно примитивная схема: быстренько подготовить конкурс, кое-как его провести, кого-то выбрать, кого-то наградить и, главное, тут же халнуть на всем этом деле. А дальше — следующий конкурс, и чем быстрее, тем лучше. Ярчайший пример подобной халтуры — конкурс «Мисс СССР», после которого юная «мисс» Юлия Суханова на страницах газеты выясняет, кто кого надул, обвиняя во всех смертных грехах представителя центра «Венец», стоявшего у истоков этого марафона красоты. Я, кстати, до сих пор не могу понять, почему «Венец» обладает монопольными правами на проведение всесоюзного конкурса кра-

соты. Пока что он по праву завладел только монополией на скандал. Я только потому об этом говорю, что еще один скандал может просто похоронить саму идею, а ее и так старательно топчут. На мой взгляд, пусть такой конкурс готовится два года, пусть три, но пусть это будет КОНКУРС.

А вообще, все это тяжелая, изнурительная работа. Развлечение, игра, шоу — это для зрителей. И в такой работе лично я не вижу ничего предосудительного. Просто мы очень мало, к сожалению, знаем о труде манекенщиц, о том, что такое фотомодель и каким трудом достигается одна красивая улыбка или изысканная поза на цветной журнальной странице, которую подчас пролистывают, похлопав палец. Нет, это, может быть, и нормально, когда, похлопав палец, но ведь никто не знает, чего иногда стоит эта безмятежная улыбка красивой девушки в красивом платье, которую «пролистывают» себе в удовольствие. Но это ее работа и она должна улыбаться, хочется ей этого или нет. И могу сказать, что победа на конкурсе — это не просто пройтись в купальнике и не просто очаровательно улыбнуться. Победа — это когда ты умеешь остаться нестандартной во время конкурса стандартов. Что безумно трудно. Но и безумно важно. Мой внешний вид и даже моя походка — это моя точка зрения на все: на мир, на жизнь. И если она есть, и если она интересна — она цепляет. Значит, у меня есть свой стиль. А стиль — это, по-моему, грация, а грация, как сказал один мудрый человек, это красота в движении. А для того, чтобы наша внешняя красота постоянно находилась в движении, причем в движении ОТ морщин, усталости, возраста, нужно работать над собой ежедневно, тщательно и не только в короткие периоды конкурсов. Такая вот простая философия...

ПОВОД ПОДУМАТЬ

Печально известный факт: семнадцатилетняя Чилла Андреа Мольнар — королева победительница всеевропейского конкурса красоты — покончила жизнь самоубийством. Причины? Разные люди толкуют их по-разному. Об этой трагедии в Венгрии даже был снят фильм «Красотки»...

Вопрос: а что потом? — чертовски, по-моему, важен и для организаторов конкурсов красоты, и для самих «красоток». Я о том, что конкурс красоты — это не праздник города. Это коммерческое, со всеми вытекающими отсюда, предприятие. И юные души, которые пускаются в это сложное, подчас безжалостное плавание, должны, мне кажется, четко и недвусмысленно отдавать себе отчет: отныне это их работа. Работа, которая имеет и свои звезды, но и свои пропасти. Работа, которая в нашей стране еще только пробивает себе дорогу и не пользуется таким же уважением, как профессия сантехника.

И кидаясь в нее с головой, нужно понимать: эта работа может предполагать тяжелые компромиссы, моральные травмы, она долго еще будет усеяна шипами, но не розами. А это больно, когда — шипами. Это можно однажды и не выдержать...

СЮЖЕТ

— О чем мечтаю?.. Мечтаю выйти замуж. Но чтобы он был похож — душой и мыслями — на того поручика, который мне запомнился в одном из наших фильмов...

P. S. А вот это, пожалуй, самый приятный **ПОВОД ПОДУМАТЬ**.

смена 89

Николай ЗАЙКИН

Особый трагизм подобных историй в том, что они длятся годами. Человеку, попавшему в их жернова, приходится очень тяжело. Для того чтобы найти правду, иной раз может не хватить здоровья, отпущенного на всю жизнь...

Супруги Валентина и Николай Боровиковы переехали в Якутию в 1976 году.

Валентина устроилась работать в ГАИ Оймяконского райотдела милиции. С обязанностями своими справлялась, в семейной жизни была счастлива и никаких бед не ждала.

Однажды поздним июльским вечером 1980 года она остановила райисполкомовский «уазик»: за рулем сидел пьяный шофер Обухов. Не будучи способным взять в толк, как можно простому инспектору задерживать водителя такой машины, он повел себя очень агрессивно. Пришлось вызвать милицейский наряд и провести медицинское освидетельствование задержанного. Анализ ни у кого удивления не вызвал: средняя степень опьянения.

Боровикова составила протокол, а комиссия ГАИ затем лишила Обухова прав управления автотранспортом на два года и два месяца, оштрафовав на тридцать рублей.

Однако правонарушитель не волновался. Он продолжал работать на том

же «уазике» и без права им управлять. В райисполкоме тоже не беспокоились. Может, потому, что водительское удостоверение изъять у Обухова не удалось; сделали это лишь через год, в райвоенкомате. Тут же собралась дисквалификационная комиссия РОВД. Вместе с заявлением Обухова, в котором он, конечно, отрицал свои пьяные вояжи, поступило и ходатайство Оймяконского райисполкома о возвращении удостоверения их работнику, характеризующемуся «только с положительной стороны».

Комиссия нашла вдруг четыре существенных нарушения у своих коллег при вынесении первого решения и постановила считать его недействительным. Удостоверение «пострадавшему» водителю вернули. Среди подписавших протокол заседания были начальник РОВД Левчук, замполит Вдовик, старший госавтоинспектор Ершов. Они написали: протокол при задержании Обухова не составлялся. Значит, и говорить не о чем, разве что извиниться перед райисполкомом!

Но как же так? Ведь протокол лежит в рабочем столе Валентины! Однако стол оказался пуст... Вот только похитители не учли, что Боровикова хранила копии документов в другом месте. С этими копиями она и пришла в прокуратуру. И о прокурора Петров опротестовала решение Вдовика и других, удостоверение у Обухова опять отобрали. Он обратился в народный суд. Там было установлено, что исполкомовский водитель лжет, и потому его жалобу отклонили.

Так руководство РОВД и исполком проиграли первый раунд старшине милиции. Боровикова тут же превратилась из хорошего инспектора в плохого. Ее перевели на другую должность.

И тут, на беду, во время дежурства попался ей заместитель главного врача районной больницы Белых. Он был за рулем личного автомобиля пьяный. События развивались стандартно. Боровикова задержала нарушителя, составила протокол, его выкрали, она принесла копию в прокуратуру... В итоге — суд офицерской чести, перевод на службу в изолятор временного содержания и — ничем не прикрываемая травля. «Со стороны руководства РОВД обострились отношения, потому что Боровикова проявила принципиальность как инспектор ГАИ к кому-то из руководителей, управлявшему автомашиной в нетрезвом состоянии», — говорит один из ее бывших сослуживцев Н. Гарбуз. — Со стороны начальника РОВД Левчука и замполита Вдовика явно усматривалась тенденция создать обстановку, чтобы она уволилась. Однажды поставили Боровикову нести службу на перекресток дорог в пятидесятиградусный мороз. Ждали, что она уйдет с поста и ее накажут»...

А она не ушла.

«Между сотрудниками Оймяконского РОВД были разговоры, что Боровикова привлекает к ответственности за нарушение правил дорожного движения, невзирая на должности», — рассказывает младший лейтенант Клочков. — На этой почве у нее произошел конфликт с замполитом Вдовиком. В отличие от других работников ГАИ Вдовик выгонял ее из здания РОВД, не давая погреться. Во время дежурства Боровиковой он запрещал выпускать ее для принятия пищи и отправления естественных надобностей. Всем было понятно, Вдовик хотел ее увольнения».

А она не увольнялась.

У каждого из гонимых правдолюбцев в жизни бывает момент, когда можно безболезненно, без особого ущемления своего самолюбия повернуть ход событий в другую сторону. Для этого достаточно не афишировать своих принципов. Но эти странные, по мнению окружающих, люди утверждают, что нет

КОСМЬ В ГОРЛО

история о том, как инспектор ГАИ остановил пьяного водителя райисполкомовской машины, и что из этого вышло.

для них ничего дороже права уважать себя. И потому делается выбор, накаляющий обстановку до предела...

Что такое нормальное поведение? В принципе похожее на поведение большинства. Все восторгаются окружающим — и ты пой осанку, все молчат — и ты не кричи, все подчиняются — и ты подчиняйся. Иначе даже психиатры могут усомниться в твоём психическом здоровье.

Что, собственно, и произошло с Валентиной. Ее признали больной и поставили диагноз «параноидальная шизофрения». О том, как это случилось, рассказывает три тома уголовного дела, возбужденного по ее заявлению следователем прокуратуры Оймьяконского района Д. П. Ефимовым и законченного следователем по особо важным делам прокуратуры Якутской АССР М. М. Яковлевым (сейчас он начальник следственной части, народный депутат СССР).

Первый врач, у которого появились сомнения в психическом здоровье Боровиковой, была нарколог (!) районной больницы Нурғалиева. Можно, конечно, предположить, что подобные мысли не миновали и голову зам. главного врача той же больницы Белых в тот момент, когда его задерживала Валентина. Так вот, Нурғалиева для начала выставляет предполагаемый диагноз «неврастения» и направляет «больную» в Якутский психоневрологический диспансер.

Но там врачи не обнаруживают у Боровиковой никаких психических расстройств.

Руководство РОВД этому заключению верить не хочет и настаивает на обследовании именно в санчасти МВД Якутской АССР. Валентина боится этого (что вполне объяснимо) и самостоятельно обращается в консультативное отделение Московского НИИ психиатрии Минздрава РСФСР, полагая, что в Москве все поймут.

Москва запрашивает из Якутии необходимые документы. Среди них два заслуживают особого внимания. Левчук и Вдовик, по просьбе Нурғалиевой, в декабре 1982 года составляют служебную характеристику для представления на экспертизу. В ней, в частности, отмечалось: «К выполнению своих непосредственных обязанностей инспектора дорожно-патрульной службы Боровикова не проявляла заинтересованности... В последние два года, в связи с повышением требований к личному составу со стороны местных советско-партийных органов, МВД ЯАССР и руководства отдела тов. Боровикова резко изменила свое отношение к службе. Прежде всего оно выразилось в небросовестном выполнении служебного долга, чаще халатном и поверхностном. (Выделено мной. — Н. З.). Допускала порчу документов строгой отчетности. Неоднократно опаздывала на службу... в ее поведении стали замечаться странности. С целью выяснения каких-либо личных вопросов она отнимала у руководства отдела по 3—4 часа служебного времени; при этом хорошо создавала и понимала, что в это время руководство было занято решением других важных служебных или общественных вопросов... Не совсем отчетливо понимая задачи органов внутренних дел, тов. Боровикова отвлекает специально транспорт ответственных работников района: автомашину председателя райисполкома, служебные машины райкома партии, главного врача ЦРБ. Документы на нарушителей... составляет небрежно, часто теряет протоколы и потому составляет их по 2—3 раза, что является ущемлением прав и достоинства граждан.

Вину свою никогда не признает... Иногда она высказывает недоверие ко всем окружающим ее работникам, в том числе и руководству. Поэтому

когда она пишет какое-то объяснение или рапорт, то составляет в 3 экземплярах. Самовольно регистрирует их у секретаря и выносит из отдела, потом отдает эти документы в другие ведомства. Так, составленный ею акт медосвидетельствования на зам. главного врача Белых она, минуя руководство РОВД и в нарушение делопроизводства в РОВД, отдала работнику прокуратуры... По характеру очень неуживчива, вспыльчива, сутяжна. Поведение иногда становится просто непереносимым. Неоднократно устраивала из-за своих личных вопросов конфликтные ситуации в райвоенкомате, суде...»

Второй документ Нурғалиева сочинила сама. Это выписка из амбулаторной карты (той, которую никто никогда не видел, и, вероятнее всего, никогда не существовавшей): «Субъективная, предвзятым считает отношение со стороны врачей... Осенью 1982 г. развила бурную деятельность, сутяжничала с обращением в нарсад... Испытывает параноидально-бредовые мысли... Считает, что на работе ей создали нетерпимую обстановку...»

Напрасно Валентина надеялась на Москву. После амбулаторного (!) обследования она получила страшный диагноз. Амбулаторно — это значит: поговорили с ней, почитали названные ложные документы — и будьте добры, получите клеймо, от которого избавиться не удастся не каждому. После записи о психической болезни диагноз «здоров» никто не решится поставить без стационарного обследования.

Врачи других ведомств теперь вообще не считали нужным встречаться с Валентиной и свои решения (несмотря на то, что это грубейшее нарушение) выносили только заочно! Так поступила 1 августа 1983 года военно-врачебная комиссия МВД Якутской АССР (старший лейтенант Шумкин, врач-психиатр Иванова), проштамповав диагноз «параноидальная шизофрения» (хотя впоследствии Шумкин пытался представить эту экспертизу очной). Затем, 23 августа, Оймьяконская районная ВТЭК определила Боровиковой (опять же заочно!) II группу инвалидности со стопроцентной потерей трудоспособности.

Это очень важное обстоятельство: человек лишается права не только претендовать на свое служебное место, но и вообще где-либо работать.

В этой заочной комиссии не было ни одного психиатра! Зато была все та же нарколог Нурғалиева. Но и это не все. Председателем комиссии был хирург. И фамилия его... Нурғалиев. Да, да, муж Нурғалиевой. Так, по-семейному, и разобрались с инспектором ГАИ. Якутская межрайонная специализированная ВТЭК такое решение утвердила автоматически. Приказ об увольнении ждать себя не заставил...

Итак, второй раунд борьбы руководства РОВД с Боровиковой в августе 1983 года завершился победой руководства.

Мне страшно и сейчас, стоит только представить ситуацию, в которой оказалась Валентина.

Спас ее муж. ...Я познакомился с семьей Боровиковых в 1985 году. Николай Федорович вместе с женой уже написал десятки жалоб и заявлений, пообивал пороги разных учреждений, провозжаемый страдальческими, а то и насмешливыми взглядами чиновников; много раз ездил в Москву. Он просил, доказывал, требовал, умолял обратить внимание на вопиющие нарушения, видимые невооруженным глазом. Он был уже готов к разговору с юристом и врачом на профессиональном языке, поскольку изучил все относящиеся к делу инструкции и положения, приказы и законы. Досье, собранное им, уже не умеща-

лось в портфеле, хотя оно ему и не было нужно: необходимое помнил наизусть.

Наконец в октябре 1984 года по заявлению Боровиковой было возбуждено уголовное дело, правда, через два месяца прекращенное.

К этому времени Валентина успела пройти стационарное обследование в Якутском ПНД. Врачи, как и прежде, признают ее психически здоровой.

В феврале 1985 года окружная военно-врачебная комиссия обследует Боровикову по причине ее желания восстановиться в органах МВД. Психиатр Иванова (помните ее участие в заочном освидетельствовании?) ставит новый диагноз: параноидальный синдром! Заключение ОБВК: к службе не годна по состоянию здоровья...

По просьбе редакции журнала «Социалистическая законность» в прокуратуре Якутии приступили к проверке фактов, изложенных в заявлении Боровиковой.

Из Минсобеса РСФСР в мае 1986 года сообщили, что Минсобесу Якутской АССР дано указание об отмене решения ВТЭК. Через неделю оттуда пришло письмо Боровиковым. В нем говорилось, что решение ВТЭК отменено; за нарушение Положения о ВТЭК, за бездушие, бюрократический подход и волокиту освобожден от должности председатель специализированной ВТЭК, а председатель республиканской — привлечен к партийной ответственности. О наказании врачей Оймьяконской больницы, в том числе Нурғалиевых, уведомил министр здравоохранения Якутии.

В декабре подошла очередь на экспертизу в институт имени Сергеева. Волнениям супругов не было предела. Ведь это последняя для них врачебная инстанция! Позади — четыре года мучений и издевательств.

Стационарное обследование длилось более двух месяцев. Николай Федорович успевал приехать в Москву на все разрешенные свидания, чтобы морально поддержать жену.

И вот комиссия из пяти человек, четыре из которых доктора медицинских наук, выносит 11 марта 1987 года заключение: «Боровикова психическим заболеванием не страдает и не страдала... Диагноз «параноидальная шизофрения» поставлен в МНИИ психиатрии Минздрава РСФСР без достаточных объективных данных и является неправомерным, как и заочное освидетельствование ВВК МВД ЯАССР и Оймьяконской ВТЭК».

Как только отменили решение ВТЭК об инвалидности, Валентина устраивается работать заведующей общежитиями одного из предприятий. Вот подписанная «треугольником» характеристика: «Зарекомендовала себя с положительной стороны... За период работы Боровиковой В. Н. значительно улучшилась и оживилась административная и воспитательная работа с жильцами общежитий, значительно снизилось количество нареканий в адрес работников общежитий, упорядочен вопрос проживания...»

Почему же тогда прямо противоположные сведения в документах, сочиненных Левчуком, Вдовиком и Нурғалиевой? Нет ли ответа на этот вопрос в показаниях Нурғалиевой из протокола ее допроса следователем?

«...из Москвы пришел запрос о Боровиковой... я написала, конечно, не только, что в амбулаторной карте (выделено мной. — Н. З.), но и социальный портрет больной, в общем, свои мысли и догадки(!)... я писала, что медикаментозное лечение не помогло... хотела подчеркнуть, что из неврастения у Боровиковой начинаются психические отклонения».

Вот какие психиатрические догадки осенили непсихиатра Нурғалиеву!

Следствие потихоньку собирало подобные факты, но вывода о чьей-либо виновности сделать не решилось. Нурғалиева вообще, мол, не специалист, хотя и подписала сфальсифицированную выписку из несуществующей амбулаторной карты. Врачи ВВК МВД ЯАССР Шумкин и Иванова лишь допустили врачебную ошибку, грубейшим образом нарушили правила работы комиссии, пытались представить ее как очную. Левчук и Вдовик, преследовавшие Боровикову за ее честную работу и сфальсифицировавшие характеристику и материалы по задержанию водителя Обухова, также не совершили, получается, ничего криминального. Поэтому в июне 1987 года следователь Яковлев дело прекратил. А прокурор Якутской АССР направил представление министру внутренних дел с требованием «привлечь к строгой дисциплинарной ответственности» врачей ОБВК, а также «о восстановлении Боровиковой В. Н. на службе с возмещением всех расходов».

Казалось, справедливый финал близок. Но не тут-то было!

Представление прокурора долго оставалось без внимания. Наконец 19 января 1988 года заместитель министра внутренних дел СССР Ю. Д. Журкин сообщил, что начальник РОВД Левчук еще до этого уволен из органов милиции, что врач Иванова строго предупреждена, Шумкин и Левчук служат в других местах, куда и направлены материалы для привлечения их к ответственности. А вот самое главное: «Приказом МВД Якутской АССР от 30 ноября 1987 года она (Боровикова. — Н. З.) восстановлена в должности и специальном звании, ей засчитан в стаж службы перерыв в работе и в соответствии с законодательством будет возмещен материальный ущерб».

Но не совсем точен замминистра. Боровикову тогда восстановили на службе, не засчитав в стаж перерыв в работе.

Только 31 марта 1988 года после новых хлопот Боровиковых министр внутренних дел Якутии по указанию из МВД СССР издал новый приказ об увольнении Боровиковой непрерывного стажа с 1976 года. Ей выплачен трехмесячный оклад за время вынужденного прогула.

Но время-то вынужденного прогула — не три месяца, а четыре с половиной года!..

Передо мной два определения Октябрьского районсуда Якутска от 29 марта 1988 года. Первое — по иску Боровиковой к МВД ЯАССР о взыскании зарплаты в сумме 18 тысяч рублей 49 копеек более чем за 4,5 года. В нем суд напоминает, что этот вопрос еще в июне 1987 года перед руководством МВД ЯАССР поставил прокурор Якутии, но ответа не получил, равно как и Боровикова — денег. Об изложенном суд определил «доставить до сведения руководства МВД ЯАССР и для реагирования». Однако этого самого реагирования пока нет.

Второе определение — по иску о возмещении ущерба уже к трем ведомствам: МВД, Минсобесу и Минздраву Якутской АССР. Здесь народный суд более лаконичен. Поскольку «вопрос о взыскании зарплаты по иску сотрудников милиции суду не подсуден», он определил: дело по иску Боровиковой к МВД ЯАССР (ведь иск к трем ведомствам! — Н. З.) прекратить и рекомендовать обратиться в порядке подчиненности.

Вот и все. Недавно Боровиковы снова приходили ко мне. Спросил, пробовали ли они «в порядке подчиненности»? «Куда только не пробовали, — ответила Валентина. — Меня уж в МВД все знают. Я у них как кость в горле...»

Анна ЛИТВИНОВА
Фото Сергея ВЕТРОВА

П риглядитесь — походка у них странная: правая рука вытянута вперед, как бы ощупывает пространство... На их лицах не прочтешь страданий — переживания напоказ не выставляют.

Урок рисования в московской школе-интернате № 1 для слепых и слабовидящих детей. Ведет его Ольга Ивановна Егорова. Рисуют на специальной пленке — линия на ней получается осязаемой. Преподавательская завалена ребячьими рисунками и лепными фигурками. Вот эти вполне профессиональны — их автор

Сергея Булаткин теперь учится в Самаркандском университете. Уровень зрения — три сотых. Таня Светлакова не видит вообще, а фигурки, сделанные ею из бумаги, великолепны! Свободная, летящая линия в работах Саши Алферова...

Четвероклассники по осязаемому рисунку пособия по тифлографии (так называется учебник рисования — пять толстенных томов большого формата) лепят птиц, ящерич и собак.

— Они рисуют лучше зрячих, — говорит Егорова.

Она водила нескольких ребят в детские художественные школы. Тем обучение и кончалось. В высшие художественные училища незрячих не берут...

Кружок баяна и аккордеона. Руко-

водитель Рудольф Григорьевич Маныкин:

— Много ленитесь, друзья!

Может, потому, что делать музыкальные уроки негде: пустой кабинет найти непросто, в спальне тоже особо не разыграешься — соседи ворчат. Хорошие инструменты — редкость. То школа выделяет деньги на их покупку, а магазины пусты, то, наоборот, есть инструменты, но нет денег. Многие выпускники все-таки поступают в Курское музыкальное училище для слепых и слабовидящих.

А если особых талантов нет? В школе учат слесарному, столярному делу, электросборке. Около половины выпускников становятся рабочими, трудятся на предприятиях Всероссийского общества слепых.

Александр Николаевич Рыбачук, учитель труда:

— Трудно с ними. И прикрикнуть нельзя: очень ранимые ребята. Молчу, жду, когда наконец выйдет что-нибудь...

Из интервью с ребятами:

ПРО

— Боюсь мира зрячих, я не приспособлена к нему.

— Может, хоть к выпускному классу научусь сама домой ездить...

Ребята так тянутся к видящим...

Меня просили рассказать, какого цвета сейчас небо и листья на деревьях, и почитать вслух книгу Марины Влади о Высоцком.

Наташа, ученица 11-го класса.

— Я верю в вас, зрячих; в хорошее, доброе... Без веры человек скорее отчаётся.

Наташе нужна вера. Ее мечта — поступить в Литературный институт.

Синяки и шишки в этой школе встречаются чаще, чем в обыкновенной. Ребенок есть ребенок — промчаться с бешеной скоростью по коридору ему тоже хочется. Чаще у ребят болит живот — ведь во все суют не только любопытный нос, но и руки — неизвестный предмет познают на ощупь. Еще постоянные насморки — дети слабенькие. Еще — психиатрическое лечение...

А врач один, хотя полагается три. Причем Галина Прокофьевна Том-

ская — психиатр, а нужны и другие специалисты. Ей помогают две медсестры. А их должно быть пять. На ночь с детьми остаются только няни — медика нет.

Причина? Маленькая зарплата. Учителям платят двадцатипятипроцентную надбавку, а врачам этого не положено — ведь уроков они не ведут!

В обычных школах классы под буквой «Б» мало чем отличаются от классов «А». Здесь «Б» классы вспомогательные. В них не преподают физику, иностранный язык и другие «взрослые» предметы, и в каждом классе должно быть не больше шести человек. Здесь учатся олигофрены; ребята с личностными изменениями, задержками в умственном развитии, психическим инфантилизмом.

Урок русского в 8-м «Б». Составляют предложения с глаголами.

— Саша придумает со словом «кипеть».

Молчание.

— Ну, Саша!

СТРАНСТВО НА ОЩУПЬ

— Можно... я еще подумаю...
— Юра, а ты? С глаголом «бежать»?

Юра слабо улыбается и качает головой из стороны в сторону. И улыбка, и покачивание — это у него постоянно.

Молчание.

— Ну, кто бегаёт?

Юрина гримаса абсолютно беспомощна.

— Ну же, родной!..

Наконец он нерешительно выговаривает:

— Спортсмен...

И, подумав еще с минуту:

— Спортсмен бежит по беговой дорожке.

Тут и Саша уже тянет руку — сообразил!

— В кастрюле кипит вода!

А после урока учитель русского и литературы Руфина Алексеевна Вершинина устало вздыхает: «Этот класс еще благополучный».

...Сколько школ, подобных этой, в стране? В Госкомитете по образованию мне назвали точную цифру —

141. И занимаются в них почти 25 тысяч слепых и слабовидящих детей. Зная общий уровень сегодняшней школы, думаю, не ошибусь, если скажу: многие из этих тысяч мальчишек и девчонок нуждаются в помощи. Они — наша общая боль. Пусть не только Всероссийское общество слепых (у которого, кстати, у самого немало проблем — о них писала «Смена») и не только учителя-подвижники будут озабочены будущей судьбой этих ребят. Им жить вместе с нами, рядом с нами в XXI веке. Товарищи из фонда «Милосердие», товарищ Детский фонд — помогите им!

Вглядитесь в эти фотографии. И помните — они сделаны в московской школе номер один, одной из самых благополучных...

По пятницам за ребятами приезжают из дома. Самый распространенный родительский вопрос: «Как кормят?» (В день школьнику полагается еды на один рубль тридцать одну копейку.)

В пятницу интернат пустеет. Остаются сироты (их четверо) и иногородние (их по несколько человек в каждом классе).

Кто-то сколачивает компанию для похода в близлежащую кулинарию за вкусными булочками. Кто-то завладел пианино в актовом зале и наигрывает «Белые розы». А подальше от шума одиноко стоит девочка, прижавшись лбом к оконному стеклу. О чем она думает? Вспоминает о времени, когда видела все вокруг? Мечтает о принце? Боится взрослой жизни? Или сочиняет стихи?

Что нужно для счастья?

Не очень-то много:

Дождями промытый знакомый вокзал.

И чтобы в твой город

однажды дорогу

мне кто-нибудь добрый,

смеясь, показал.*

Покажите им дорогу...

* Стихи Наташи Ильиной, ученицы 11-го класса.

«А ЕСЛИ НЕ ВИНОВЕН?..» (№ 16, 1988 г.)

В этом судебном очерке рассказывалось о судьбе капитана милиции И. Шаймухаметова из г. Октябрьского Башкирской АССР, который был незаконно привлечен к уголовной ответственности, уволен со службы и исключен из партии.

После публикации в «Смене» в ноябре 1988 года И. Шаймухаметов был восстановлен в партии, но МВД БАССР тануло с восстановлением его на службе.

Вновь пришлось подключаться к делу автору очерка Михаилу Печерскому. И вот наконец победная точка поставлена. Из МВД СССР за подписью первого заместителя Главного управления кадров А. Шаповалова пришел ответ.

«...28 июля 1988 года уголовное дело в отношении Шаймухаметова было прекращено за недоказанностью его вины. Республиканская прокуратура 8 сентября 1988 года информировала МВД Башкирской АССР, что реабилитированному Шаймухаметову принесены извинения и он в установленном порядке извещен о его праве на возмещение причиненного ему ущерба. Но, несмотря на неоднократные обращения Шаймухаметова, МВД Башкирской АССР отказало ему в восстановлении на службе. Главным управлением кадров и учебных заведений МВД СССР это решение признано необоснованным.

За грубые нарушения требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года, проявленные волокиту и неисполнительность приказом МВД Башкирской АССР... заместителем министра по кадрам т. Муслухов М. Б., заместителем начальника Управления кадров т. Шипилов В. Я., начальники политического отдела т. Халилов Р. Х. и Управления уголовного розыска т. Галикеев Ф. М. привлечены к строгой дисциплинарной ответственности. Этим же приказом т. Шаймухаметов И. М. на службе восстановлен».

«ОХОТА НА ПРОКУРОРА» (№ 15, 1989 г.)

А читал ли заместитель Генерального прокурора СССР статью, на которую подписал ответ в редакцию? Такой вопрос возник у нас после получения ответа из Прокуратуры СССР, подписанного И. П. Абрамовым, на очерк «Охота на прокурора».

Суть истории, описанной Николаем Заикиным, заключается в следующем. В конце 70-х годов руководители Краснодарского края и города Сочи во главе с Медуновым устроили травлю неугодного им прокурора П. К. Костюка и расправились с ним, исключив из партии и вынудив уволиться из прокуратуры. В качестве одного из примеров принципиальности, стойкости Костюка автор очерка рассказывал об участии прокурора в уголовном деле по обвинению во взяточничестве зав. столовой, а потом зам. директора ресторана Арутюняна, которого все те же руководители всерьез пытались увести от ответственности. А Костюк сумел добиться его осуждения.

«...Установлено,— пишет нам заместитель Генерального прокурора СССР И. П. Абрамов,— что в июле 1980 г. Центральный райком партии г. Сочи объявил Костюку П. К. строгий выговор с занесением в учетную карточку за низкий уровень прокурорского надзора

в период работы его прокурором г. Сочи по уголовным делам и необъективную информацию райкома партии по делу взяточника Арутюняна, а также за незаконный арест гр. Архангельской О. 12 сентября 1980 года Сочинский горком КПСС в связи с тяжестью допущенных проступков и неправильной оценкой своих действий исключил его из членов КПСС. В последний период работы в должности сочинского городского прокурора Краснодарского края (1978—1979 г.) Костюк ослабил надзор за расследованием уголовных дел, разрешением материалов и не предъявлял должной требовательности к подчиненным, в частности, к бывшему следователю прокуратуры города Кормилицыну. За допущенные нарушения обязанностей по службе т. Костюк П. К. приказом прокурора РСФСР № 14 от 19.01.81 освобожден от должности сочинского транспортного прокурора.

Принятые меры дисциплинарной ответственности являются обоснованными. Вместе с тем применение к т. Костюку П. К. такой крайней меры, как исключение из членов партии, представляется чрезмерно суровым, без учета его заслуг в период Великой Отечественной войны и многолетней положительной работы в органах прокуратуры.

В связи с чем Прокуратурой СССР возбуждено ходатайство перед ГКП при ЦК КПСС о восстановлении т. Костюка П. К. в рядах КПСС.

В настоящее время т. Костюк П. К. работает в должности заместителя прокурора Центрального района г. Сочи».

Вот так! Слово не было гонений и фальсификации документов, настоячивых предложений партийных работников коллегам Костюка оговорить его, будто ничего не стоят многолетние мятарства бывшего прокурора города и его семьи.

Зато И. П. Абрамов напоминает и утверждает, что Костюка увольняли только «за допущенные нарушения обязанностей по службе» (правда, из партии, мол, исключали зря). И в качестве одного из примеров приводит дело... того же самого Арутюняна! С формулировками оценок деятельности Костюка из документов... горкома партии тех лет! С оценками, данными Костюку преступниками, еще до сих пор отбывающими наказание в виде лишения свободы!

При этом в письме не опровергается ни слова из публикации журнала и даже не предпринимается такой попытки. Значит, «Смена» написала все правильно? Тогда почему же в письме «забыто» немаловажное, с нашей точки зрения, обстоятельство: Костюк оказался не нужным в органах прокуратуры только потому, что сильно «рассердил» местных коррумпированных властителей! И ему этого не простили!

В сентябре нынешнего года состоялось открытое партийное собрание в прокуратуре Центрального района Сочи, на которое пришли коммунисты всех правоохранительных органов города. На повестке дня было обсуждение публикаций в центральной прессе о расправе с прокурором Костюком.

Собрание, длившееся несколько часов, единогласно подтвердило достоверность фактов и выводов, изложенных в очерке «Охота на прокурора». Вот выдержки из некоторых выступлений коммунистов. Н. Шкарупа, бывший старший следователь: «Я работал с Костюком и могу сказать, что это настоящий прокурор, мужественный и принципиальный. При нем прокуратура была независима от местных органов, как того требует Конституция». Е. Орлен-

ко, сочинский транспортный прокурор: «В борьбе с коррупцией Костюк проявил свои лучшие качества и за это пострадал. Пример тому — дело Арутюняна». Л. Лихонин, начальник УВД Центрального района: «Прокурор Костюк давлению мафии не поддавался, действовал по закону. За это с ним расправились».

Наконец факт расправы с Костюком установлен следствием по делу бывшего секретаря Сочинского горкома КПСС Мерзлого и других. Руководил расследованием старший следователь по особым важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. И. Калинин. И более того. Медунов требовал от прокурора края Б. И. Рыбникова возбудить уголовное дело против Костюка, хотя никаких оснований для этого не было. Рыбников не согласился. Тогда и в его адрес последовали прямые угрозы... Об этом можно прочитать в «Известиях ЦК КПСС» (1989, № 4, с. 40).

Можно было бы привести и другие примеры игнорирования И. П. Абрамовым доказанных в публикации фактов. Может быть, заместитель Генерального прокурора СССР, недавно назначенный на эту должность, с делом Арутюняна не знаком и сам в драматической судьбе прокурора Костюка не разбирался? Но у него есть помощники и подчиненные. А вот они-то (правда, непонятно зачем) дали своему руководителю, мягко говоря, неточную информацию.

Самое главное, удивляет отношение Прокуратуры Союза ССР к прокурору с 30-летним стажем, известному своим профессиональным мужеством, доброе имя которого отстаивают пресса и коллеги по работе, а руководители Прокуратуры СССР характеризуют его до сих пор словами тех, чье место — за колючей проволокой...

Хочется надеяться, что Генеральный прокурор, народный депутат СССР А. Я. Сухарев все-таки даст указание тщательно разобраться в причинах столь странного отношения своего ведомства к прокурору, не побоявшемуся встать против коррупции, заслуженному юристу РСФСР Петру Кузьмичу Костюку. И это позволит наконец восстановить по отношению к нему справедливость.

«СТАЖЕРЫ НА ВОЙНЕ» (№ 9, 1989 г.)

В статье Аркадия Пальма рассказывалось о несправедливом отношении к бывшим курсантам военно-морского училища, принимавшим участие в войне с Японией в 1945 году, но не имеющим права считаться участниками Великой Отечественной войны. По существующим правилам, для этого необходимо было участвовать в боевых действиях длительностью не менее месяца. А война с Японией шла всего двадцать шесть дней...

После публикации в «Смене» из Министерства обороны поступил ответ, в котором говорилось о скором пересмотре постановления о распространении льгот.

И вот наконец нам позвонил один из бывших курсантов Тихоокеанского училища — капитан первого ранга в отставке А. И. Мясичев — и сообщил, что недавно он получил в военкомате удостоверение участника Великой Отечественной войны. Алексей Иванович попросил нас через журнал рассказать о том, что отныне такие удостоверения полагаются всем бывшим курсантам, независимо от срока их пребывания на войне.

Что ж, справедливость спустя несколько десятилетий восторжествовала.

Одна маленькая деталь. А. И. Мясичев узнал о решении Министерства обороны СССР случайно, в военкомате он оказался по другим делам. Поэтому мы обращаемся ко всем участникам войны, которые не имели соответствующих удостоверений по уже названным причинам: в военкоматах ждут вас!

«МЕРТВЫЕ ДУШИ» (№ 17, 1989 г.)

Судебный очерк Виталия Еремина о зверском убийстве в Белгороде двух подростков несовершеннолетними Наумовым и Пронским получил огромный резонанс. Обстановку в Белгороде накалило то, что преступники на суде вели себя очень нагло. Они ни в чем не раскаивались. В городе прошли митинги; собравшиеся требовали изменения приговора. В редакцию поступили сотни коллективных писем, общее число подписей под ними перевалило за тридцать тысяч.

Читатели требуют смертной казни убийц, которых суд приговорил к десяти годам лишения свободы.

Мы за гуманность. Но почему гуманность эта нередко бывает односторонней — лишь по отношению к преступникам?

Большинство читателей высказывает мысль о необходимости изменения статьи в Уголовном кодексе — за особо тяжкие преступления исключительную меру применяет не с восемнадцати, а с шестнадцати лет, ибо человек, получивший паспорт гражданина СССР, должен отвечать за свои поступки без скидок на возраст.

В связи с этим редакция обратилась к кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому заместителю Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянову и председателю Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка С. С. Алексею.

О результатах рассмотрения в Верховном Совете СССР нашего письма мы сообщим читателям.

«ЗАПАДНЯ» (№ 2, 1989 г.)

Еще в апреле мы отправили письмо главному санитарному врачу СССР А. И. Кондрусеву с просьбой прокомментировать проблемы, затронутые в публикации С. Каленикина «Западня». В частности, отражая интересы наших читателей, тов. Кондрусеву задали вопросы: будет ли (и когда) увеличена так называемая санитарно-защитная зона на Астраханском газоперерабатывающем заводе, будут ли из нее выведены дети; устанавливается ли необходимый санитарно-медицинский контроль за волжской рыбой, и на основании каких исследований дано разрешение на реализацию больной рыбы в общественном питании?

И как же отреагировал Минздрав СССР? Молчанием. Год завершается, но редакция так и не получила необходимых объяснений тов. Кондрусева, который обязан в течение месяца дать официальный ответ.

Мы понимаем, что проблемы, затронутые в публикации «Западня», не так просты, понимаем, что Минздрав СССР не всемогущ, но тем не менее его руководство обязано выразить свое отношение к обозначенным проблемам.

Так о чем же не предупреждает Минздрав?!

**ИРИНА
ЕРМАКОВА**

инженер, г. Черкассы

ВЕРСИЯ

Гадали. Били зеркала.
Срывали вывески и голос.
Она по улице прошла,
всю эту шваль заткнув за пояс.

Потом скулили под дверьми.
Клялись. Слюнявили газеты.
Как устоялось меж людьми,
слова сличали и приметы.

Трясли белье. Напав на след,
захлебывались нетерпеньем.
Все было пусто. Только свет
валялся на полу. Без тени.

Желтая щепка в мутной воде,
не разбирая, минуя струи,
назло течению, почти танцуя,
водовороты вертит везде.

Желтая щепка — наперерез,
тыкаясь в жирные теплоходы,
перекрывая тухлые годы,
прет без мотора, звания без.

Желтая щепка. Дура — одна!
Думаешь, выше чище водица?
В этих помоях хочешь не сбиться?
Не соблазниться тиной дна?

В срубе — сумрак. Голые закуты.
Ходики с разбитой головой.
Мечутся мышатами минуты
по полу, по лавке вековой.

Телевизор. На лежанке — ноты,
на печи — «Кагор»,
два-три горшка,
дальше по стене, левой киота,
иллюстрации из «Огонька».

Таракан-ухват. Мышата скачут.
По углам топорщится былье.
Кто, откуда снял нам эту дачу,
это ирреальное жильё?

ПРОВИНЦИЯ

Идет облом, а старый дом
стоит особняком, как Бунин,
посмертной маской белых буден
лежит известки грим на нем.
Он за реку косит окном,
в котором все сидят с огнем,
кого-то ждут, а тот не едет,
и в каждом слове привкус меди,
и флюгер дергает крылом,
и кукарекает: «Почем,
почем сегодня разговоры?»
Уже осыпались заборы...
Никто не знает, кто почем.

Сколько можно
все в той же пустыне?

Тот же огненный вьется клубок,
Так же острый предутренний иней
Режет ступни израненных ног.
Чиркнув, звезды шипят,

точно змейки,
Перед тем, как зарыться в песок.
Ищет тропку пророк-неумейка,
Хоть какую-нибудь из дорог.
Довернется лживым барханам —
Вот он, самый последний бросок.
И читает колючкам и ранам,
А вокруг — только серый песок.
Отдыхает, присядет — смеется
Оттого, что не хочется пить.
Зря стараются духи колодца
Булькать, брызгать,

дразнить да кропить.
Ибо все, что сбивает и гложет,
Выжег в нем уже страшный глагол.
Он найдет. Не найти он не может.
Он идет.
Он почти что пришел.

Телевизор. Окна. Тишина.
Знают тех, кого проходят в школе.
Кто придумал, что моя страна —
чисто поле или грязно поле?

Пешка притворяется ферзем,
после — снова в пешки из ферзя...
Почему-то мы всегда живем
только так,
как дальше жить нельзя.

река забылась на мгновенье
петляя — дух перевести
и просто ветви отвести
со лба и далее нести
разломленные отраженья
необъяснимого штрихи
сюда в иное измеренье
по эту сторону строки.

Две бабочки в белых халатах
шуршат, в изголовье присели,
я плаваю в травах измятых
под стоны и скрежеты ели.
Сон пахнет полынью, эфиром,
лицо и рубашка в росе.
Что делать с любовью и миром?
Заснули и умерли все.
Лишь бабочки в белых халатах,
привязанные к изголовью...
Спит ночь и 8-я палата.
Мир занят войной и любовью.

ДЕТИ ТИШИНЫ

долгие мысли
краткие строчки
в самость — не высь ли
граждане ночи?

митинги кухни
форточки рока
звезды протухли
иро-эпоха

кушать так книжки
жить так по слуху
плакать вприпрыжку
пить бормотуху

не открываться
спинами к свету
и утешаться
тем что нас нету

жители трюма
вечные почки
роскошь додумать
что-то до точки

самоизданий
гульки плацы
и никогда НЕ
объединяться

Побриться наголо,
свергать макушкой голой
И жечь сердца
божественным глаголом.

Бенгальские огни палить публично,
О существительное чиркнув спичкой.

Ко лбам горячим руку прилагать —
И прилагательным
поклонников сжигать.

Дружить до гроба
с ненаглядной музой —
Затем, чтобы предлогом и союзом,

Наречием, частицей жечь сердца —
Так вот он, кайф,
и нет ему конца!

Если друзья не звонят,
даже зная, что я — мертва.
Если друзья не пишут
длинных любовных писем —
Значит, все кончилось,
кончилось, как трава,
Как вороха в октябре
подожженных дворником листьев.

Замкнутые системы,
неприкаянность всех мастей.
Бродим по Барнаулу,
не совпадая, — но рядом.
Можно купить алкоголя,
можно созвать гостей.
Можно устроить пир
во время СПИДа и спада.

Даже смешав свою кровь,
мы не скажем друг другу «брат».
Врозь — по девятке кругов,
врозь — по кольцу Зодиака.
Я никого не хочу,
Я люблю всех подряд,
Я никого не смогу полюбить
Сильней, чем свою собаку.

Душу — не тревожу,
Тело — не ревную,
Уходи спокойно,
Мне тебя не нужно!
Флоксы обдышали
Комнату ночную
Судорожно-сладко,
Приторно и южно.
Все, что было, — щедро,
Все, что было, — слишком,
От греха разлили
Хищников водою.
Остается окна
Распахнуть и слушать,
Как стучат по рельсам
Черные вагоны.

Тонко музыка пилила
По живому, без наркоза.
Я любовников делила
На мышьяк и сахарозу.

Мышьяк — не значит пошляк,
Сахар — не значит рыцарь.
О Боже, хотелось так
И сладкого, и отравиться.

Тонко флейта извивалась —
То травинкой, то гадюкой.
На одну любовь — зевалось,
Над другою — издевалась,
Словно Шива над безрукой.

А значит, мимо прошла
И та, и другая, и третья.
А значит, лицо — по швам,
В черепе — снег и ветер.

**НАТАЛЬЯ
НИКОМЕНКОВА**

журналист,
г. Барнаул

Люблю тюльпаны —
за то, что губы в крови,
Люблю тюльпаны —
за память прошлой любви,
За то, что шея тонка,
Что пьется по полглотка,
За желто-черную глубину,
За слабый жест: приглубь!
Люблю тюльпаны —
за то, что упруго-нежны.

Люблю тюльпаны —
за то, что не для жены,
За то, что в ладонь беру,
За то, что умрут к утру,
За то, что по нашим рукам,
Как ток, проходил — тюльпан.

Тюльпаны в больнице —
как дети в борделе,
Попытка души в обессиленном теле.
И ангел влетает, сырой от капели,
И мама, и Ганс Христиан у постели.

Прощай, моя любовь! Такое солнце,
Что город стал песочными часами,
И каждые глаза припорошило
Каленой струйкой жесткого песка.
Троллейбусы сопят, исходят потом,
И толстые мороженщицы тают,
Отсчитывая липкие копейки
За свой волшебный, золушкин товар.

Прощай, моя любовь!
Куда податься?

«Под шпилем» —
злая очередь за соком,
В кофейне — тарарам,
поскольку лето,
Каникулы, безделье и жара.
И — жажда, жажда,
пересохла глотка.
Но как сегодня женщины красивы!
(Смотри, вон та,
в короткой красной юбке...
Как бабочки,
как выставка цветов.)

Прощай, моя любовь!
Пройдем базаром,
Спасемся от жары в кинотеатре.
Последняя, последняя прогулка —
И это солнце, плавящее лоб...
Ты купишь мне букетик
на Октябрьской —
Немного жалкий, вялый,
полумертвый —
И поглядишь от зноя
томным взглядом,
И будешь яростно ловить такси.

Сергей РОМЕЙКОВ
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ской, потом в Грузинской государственной филармонии.

На сцене он уже четверть века... В предисловии к его книге «Я работаю волшебником» народный артист СССР Юрий Никулин написал: «Я Циталашвили смотрит на искусство фокусов не только со сцены, но и из зрительного зала, рисуя сложные взаимоотношения, возникающие между исполнителем и публикой». Подмечено точно, с этим согласится всякий, кто бывал на его выступлениях.

Повезло с учителями. Нет, не

с теми, что читают лекции и ведут творческие мастерские (так называемые). Здесь ему скорее всего как раз не повезло...

Вспоминает:

— Приехал в Киев в цирковое училище. Занимаюсь день, другой, третий... Студенты хвалятся — кто чего умеет, кто на что горазд... Настала моя очередь. Показал — понравился. А через некоторое время узнал, что мои фокусы, мною же открытые преподавателям, преподносятся последними будущим артистам в качестве примеров, «учеб-

ных пособий». Понял, что здесь мне делать нечего. Это тоже было уроком...

Так, едва начавшись, закончилось его «академическое» образование.

Но были — слава богу! — Учителя. Был заслуженный артист Бурятии Арсалан Галсанов, были искрометный манипулятор Зиновий Кривицкий и грустный клоун Леонид Енгибаров, так мало живший, но успевший так много... Все они не только свое ремесло до мелочей знали, но и людьми были замечательными, артистами состоялись...

ЧУДЕСА! НО НЕ

— Ну что, начнем? — спросил меня Рафаэль Циталашвили, сняв голову и держа ее под мышкой.

— Да, пожалуй — растерявшись, отвечал я — Начнем. И открыл олокнот...

К этой встрече я, конечно, готовился. Более того, просил Рафика по телефону показать что-нибудь «интересненькое» в домашних условиях. Не думал же, что он свой... обезглавит!

Видя мое смущение, оторопь, Голова подмигнула, улыбнулась и — была водворена на привычное место. Я так и не успел, вернее не смог заткнуть туда, откуда Маэстро минуту назад ее снял: какая-то сила не пускала...

— Вы будете писать, что-нибудь спрашивать? — окончательно привел меня в чувство голос хозяина.

«Фокусник» Рафаэль Циталашвили «заболел» давно. Он хорошо помнит тот день, когда его, бакинского мальчишку-первоклассника, озадачил и очаровал сосед по парте. Он умел заставить спичечный коробок передвигаться по ладони. Не чудо ли?

Этого было достаточно впечатлительному, настойчивому Рафику. Того первого «чуда» хватило, чтобы связать жизнь с иллюзионном.

На фокусников» ни у нас в стране, ни за рубежом не учат. Поэтому выход один — учиться самому, перебирая то немногое, что есть в библиотеках, наблюдая за работой известных, прославленных, равно как и скромных, неименитых мастеров. И еще одно — ежедневные измучительные тренировки. Все это он делал. За годом год, оттачивая мастерство, овладевая все более сложными манипуляциями, постигая секреты мастерства. И ему повезло. Госпожа Удача сооблаговолила: так улыбнуться. Пятнадцатилетний Рафаэль побеждает в конкурсе участников художественной самостоятельности, начинает работать в Азербайджан-

Взрослея как мастер, Цитлашвили понял, ему «тесно» в рамках серии, пусть даже и сложных номеров. Ему нужно было «театральное» действие — взаимосвязь и взаимная зависимость отдельных трюков. Так появился его Герой. Сначала это был грустный романтик, обреченный сквозь листопад и как бы мимолетом гвардии чудеса (как тут не вспомнить скрипку Энгильберона!). Ему на смену явился добрый маг из программы «Подари мне волшебник...». То были первые подступы к иллюзии, каким это понимал и видел

Цитлашвили. Тогда он еще не смел и подумать о...

Владимир Даль писал: «Фокус-локус — фиглярство, шутка, шорок, огляд, глаз, непонятное явление, основанное на искусстве и проворстве. Фокусник — шуткар или фигляр». Удивительно по точности по охвату жанровых особенностей определение!

Прославленный, признанный зритель сегодня не тот, что 50 лет назад. Не можно его не провидеть, в «говорящую голову» поверить не заставишь. И тем не менее, как

и прежде, как и пять веков назад, художники, цирковоспасники, шуткари собирают тысячи любопытных, любознательных — не самым худом удивительски, но наслаждаться, соучаствовать в действии, стать свидетелем подобного мастерства современных мастов.

— У меня в театре нет ассистентов, — говорит Рафаэль Цитлашвили. — Моя жена Лена первая помощь

та — наш незаменимый сервис! — я, чтоб не терять времени попусту, имитировал под столом колоду карт — отработывал технику. Какое-то время спустя подошел ко мне незнакомый молодой человек, как оказалось — картонный супер-гастролер. Он меня за своего принял и говорит: «Здесь, говорят, в этом городе «ловить» нечего «голки». Давая через пару дней присоединился к нам, мы там-то «крутите» будем». Я, конечно, сказал, что обязательно приеду.

ТОЛЬКО ...

ища, скрипач Лев Морозов, индийским фокусом Вячеслав Леприцкий, мистификатор Николай Мозаков, дарящая сердца Деч Елена Ваиан — все мы, и режиссер, и художник, и балетмейстер, повторю, все мы в первую очередь артисты. И мы работаем для зрителя, для тех, кто приходит не «на фокусы, оглядеться» а именно в театр.

Да, ему удалось создать свой театр магии «Черная кошка». Почти самостоятельный, почти независимый. Единственный на сегодняшний день театр такого рода у нас и в мире.

Жизнь артиста — удивительная, кроме всего прочего, жизнь. Все в ней парадоксально, невероятно романтично и спектакульно, закулисная жизнь и бытовые неудобства...

Когда-то я сказал приятелю конферансье: у тебя, мол, сплошной праздник. Да, помолчав, отвечал он: праздник. И добавил: вот ты исповни, как ты себя после праздника утром чувствуешь. Вспомнил? А у нас так каждый день. Шутка?

Ужинали в ресторане в черном морском городе-курорте, рассказы вает Рафаэль. Пока ждали официан

На последнем конкурсе современной магии в Карлсбахе Варах — престижнейшем соревновании фокусников — супруги Цитлашвили выступали вне конкурса. Зато в юношеском разделе — дети до 17 лет — выступала Цитлашвили-младшая. Я смотрел эту видеозапись — этакая попрыгунья-стрелочка с пышными бантами, неподдельно задорно прыгая по сцене, проделывала сложнейшие по технике исполнения трюки. Делала это играючи, и тысячная аудитория вместе с ней играла в чудеса. «Эта малышка», — говорил председатель жюри, — показала нам, взрослым, как надо работать.

Из Карлсбаха Вар девятилетняя Тамара Цитлашвили увезла юношеский Гран-при... Сарматское обнадеживающее начало.

Мы прождали в просторной прихожей. Наступила ночь. И так, где еще недавно трепетали желто-красные листья, застыли коварные грозды слепых воробьев. А в лужах прожглись первые звезды...

Я поправил очки и убедился, что голова моя на месте. А все-таки чу-десно.

Редакция получила немало откликов на статью Б. Куркина «Кто отвинчивает гайки?» («Смена» № 13, 1989 г.). Мнения читателей разделились: от безоговорочной поддержки позиции автора до категорического отрицания и даже осуждения. Мы публикуем письмо академика Л. Булдакова, в котором наиболее полно отражены возражения и других оппонентов. Вместе с тем мы считаем справедливым дать возможность автору статьи ответить на предъявленные замечания.

СМЕНА '89

В журнале «Смена» (№ 13 за 1989 год) под интригующим названием «Кто отвинчивает гайки?» появился очередной опус сотрудника МВД СССР Б. Куркина, посвященный погрому атомной энергетики. Такое хобби в наше время не только полезно, но и выгодно, вероятно?

Куркин в недопустимой по развязности, издевательской манере, собрав в кучу цитаты из опубликованных сомнительных и безответственных заявлений, создал сенсационную повесть о том, что советские медики неизвестно из каких побуждений утаивают опасность, грозящую населению, проживающему на территориях, подвергшихся загрязнению радиоактивными веществами. Что наши специалисты, — кстати, получившие всемирное признание и наивысшую оценку экспертов Всемирной организации здравоохранения и Международной комиссии по радиационной защите, о чем доложил Верховному Совету Н. И. Рыжков, — уподобившись чеховскому злоумышленнику Денису Григорьеву, сами отвинчивают гайки, то есть «...медотработникам (слово-то какое придумано) присуща глубокая убежденность... продолжать строить новые АЭС, всемерно повышая их «безопасность...». Эту маленькую мерзость о том, что наши медики — «духовные потомки» Дениса Григорьева, можно простить какому-нибудь эмоциональному респонденту, но кандидату, да еще юридических наук, это непозволительно ни по форме, ни по содержанию. Стиль работы Б. Куркина немудрящий, он работает как ваятель: берет каменную глыбу, то бишь все, что опубликовано по интересующей теме, и отсекает все лишнее, а все нужное оставляет. Слухи, домыслы, догадки, предположения он отнес в разряд нужного, а факты отсек и выбросил, они мешали, значит, тем хуже для фактов. А факты, правда, пострадали колоссальным трудом лучших людей, посвятивших жизнь познанию природы. Среди прометеев атомной эры — гений

Менделеева и Кюри, Беккереля и Рентгена, Курчатова и Вернадского, Иоффе и Бора, Ферми и Хлопина, Неменова и Лондона. Мировой опыт использования радиоактивных веществ и ионизирующих излучений в науке и практике, в здравоохранении и технике не поддается оценке. Это сотни миллионов спасенных жизней, это ликвидация целого ряда заболеваний, это мощнейшие диагностические методы, это незаменимый инструмент при проведении сложных операций. В числе важнейших достижений — создание АЭС, АСТ, автономных атомных энергетических установок и многое другое.

Сразу после открытия нового вида излучений, способных проникать внутрь «непрозрачных» тел, началось интенсивное изучение их влияний на организм человека, животных, растений и на неживую природу. Результаты оказались поразительными. Было установлено, что наряду с поражающими дозами существуют такие дозы радиоактивных излучений и такие количества радиоактивных веществ, которые не проявляют отрицательных влияний на организм.

Примером может служить жизнь на Земле, на которой всегда были, есть и будут радиоактивные вещества. Они не только облучают нас извне, но и накапливаются в организме. Количество излучений и радиоактивных веществ в различных географических районах неодинаково и отличается по дозе более чем в 20 раз. Значит, диапазон радиационного фона с такими колебаниями приемлем для нормальной жизни. Это чистая правда, которая отброшена нашим «скульптором».

Человеческий опыт неудачного или неграмотного использования атомной энергии проанализирован учеными всемирно не ради «спортивного» интереса, но ради жизни. Анализ мирового опыта изучения влияния радиационных излучений на организм показывает, что минимально значимая доза при кратковременном ее освобождении составляет 20—50 бэр, а при растянутом воздействии — 100—250. Дозы, которые возникают у населения при работе АЭС мощностью 1 мегаватт, в тысячу — десять тысяч раз меньше приведенных выше уровней и составляют около 1 процента от природного фона.

После катастрофы на Чернобыльской АЭС благодаря принятым мерам дозы излучения у населения, эвакуированного из 30-километровой зоны, и у жителей, проживающих на остальной территории загрязненных областей, не достигают уровней, при которых возможно появление отрицательных влияний на здоровье. Как известно, эти дозы составили менее 10 бэр за первый год, менее 5 и 3 бэр за 2-й и 3-й годы. А у наиболее облученной части населения города Припять дозы на момент эвакуации составили менее 13 бэр и у основной части населения — менее 5 бэр.

Эти факты и многочисленные экспе-

ций. Это истина, потому что она рождена не мнением отдельных специалистов, пусть даже выдающихся личностей, она не рождена и мнением большинства, которое может быть ошибочным, но это практика, а практика и только практика до сих пор считалась критерием истины. Но ведь автору «отвинчивания гаек» это невыгодно, ничего от скульптуры не остается, а получается уродец без рук, без ног, без глаз, но зато о четырех головах, из которых «скульптор» заимствовал идеи. Эти идеи автором ассимилированы, поэтому мы не будем цитировать первоисточники, но рассмотрим некоторые перлы. Б. Куркин считает, что «страшен малейший подъем радиации, даже если его уровень остается безопасным». Страшно и увидеть во сне черта с рогами или бабу-ягу, страшно превратиться в зерно, когда поблизости бродит курица. Но ведь эти явления, когда не опасно, но страшно, не что иное, как область интересов психиатра. Зачем же навязывать страх всем людям?

Далее Б. Куркин согласен, что «радиация бывает «разной вредности». Одна поражает мембраны клеток, другая — энергетический аппарат, третья — самая опасная — ядро. Чернобыльская радиация, увы, принадлежит к числу последней». Столь невероятное изобретение механизма действия на клетку ионизирующих излучений так же «правдоподобно», как то, что можно ударом ножа поразить внутренние органы, не повредив кожу и мышцы. Сие «открытие» следует поместить в книгу рекордов Гиннесса в качестве образца величайшего авантюризма в науке.

По мнению Б. Куркина, особую опасность представляет плутоний, так как он обладает «страшной химической активностью и потому особенно опасен». «Частицы с новыми, не изведенными доселе свойствами: они плохо растворяются в воде...» Ну, как такое можно использовать в полемике? Ведь это заявление равносильно утверждению, что Земля не шар.

Убийственным доказательством вредности радиации, по мнению автора, является демонстрация «безглазых поросят, трехногих коров» и то, что «в лесах заводится какая-то нечисть». Дозы, которые могут вызвать внутриутробную патологию, по мощности должны быть как минимум на два порядка выше наблюдающихся в зоне загрязнения. Кроме того, учащение врожденных аномалий развития у сельскохозяйственных животных в Житомирской и других областях при проверке не подтверждено. Между тем в знаменитой Кунсткамере у Петра I были собраны такие особи с аномалиями, а сиамские близнецы описаны и жили задолго до атомного века, и драконы с тремя головами тоже не вымысел, они были известны еще до нашей эры. В музеях мира выставлены, например, чучела телят с двумя головами, двуглавые змеи и т.д. Это — следствие нарушения де-

таллами, или органическими мутагенами вроде некоторых пестицидов, либо, наоборот, из-за недостатка микроэлементов.

Конечно, главным в статье Б. Куркина остается попытка дискредитировать медиков. Всем попало. И поделом. Нужно больше врать, искажать истину, нагнетать страх, то есть не отвинчивать, а закручивать гайки, да покрепче, пока резьба не сорвется. Вот тогда всем будет хорошо, и медицина будет на уровне «прогрессивных» представлений, ведь артелью легче громить. Чего стоит, например, утверждение о том, что «только медик в правительственной комиссии не подписал заключение о хотя бы запоздалом выселении Припяти...». (Этот факт взят из статьи А. Адамовича в «Новом мире» с соответствующей ссылкой.— Ред.) Здесь сразу две неправды. Во-первых, не было запоздалого, а было заблаговременное выселение из г. Припяти. Пора уяснить это и прекратить издевательство над 116 тысячами переселенных людей. Во-вторых, именно медики настаивали на эвакуации еще 26 апреля, опасаясь ухудшения обстановки. Об этом свидетельствует Г. Медведев («Новый мир» № 6, 1989).

Но у Б. Куркина припасен еще один аргумент, самый страшный: от 5 до 75 тысяч человек умрут от рака. Прошу обратить внимание на диапазон. Уму непостижимо. А все от желания понаравиться всем: тем, кто не хочет большой крови, — 5 тысяч трупов, а тем, кто ее жаждет, — 75 тысяч. Но ведь в открытом интервью-дискуссии между автором данной статьи и Гейлом последний завершил свое выступление достаточно красноречиво: «В конце концов я только терапевт». И это понятно. Доказательства линейной беспороговой зависимости выхода опухоли от дозы в диапазоне меньше 50 бэр не существует. Для осторожности ученые условно приняли такую модель как наиболее щадящую, пригодную для разработки защитных и профилактических мероприятий, но не для подсчета жертв, как это поняли некоторые «радетели человечества». Р. Гейл в дискуссии это уяснил.

Но это препятствие для реализации основной идеи — дискредитации атомной энергетики. Так и думается, что раздается еще один возглас: а где же трупы, трупы где?! А их нет, вот ведь беда. Такая авария была, а население не умирает!

Ни время, ни место, ни желание не позволяют больше опровергать фантастическое нагромождение небывлиц. Не имею права не сказать только того, что мой первый учитель по радиобиологии Н. В. Тимофеев-Ресовский, больше известный читателю как «Зубр» по одноименной повести Д. Гранина, в те далекие пятидесятые годы изучал влияние радиации на генетический аппарат и стимулирующее действие излучений. Им и его ученикам, которые и теперь работают в разных центрах страны, были получены абсолютные доказательства стимуляции роста растений, увеличение их продуктивности, а у экспериментальных животных увеличивалась средняя продолжительность жизни. Поэтому утверждение о безусловном вреде сколь угодно малой дозы излучения не может быть подтверждено. Но все это мешает Б. Куркину и не позволяет понять, почему медики «более всего озабочены тем, чтобы вернуть ядерной энергетике прежний престиж». А наша озабоченность вызвана прежде всего угрожающей экологической обстановкой. Из-за этого сокращается средняя продолжительность жизни, высока детская смертность, систематически растут онкологические заболевания, увеличилось число умственно отсталых детей как раз в тех местах, где

ОБ ОТВИНЧИВАНИИ И ЗАКРУЧИВАНИИ ГАЕК

рименты и позволили обруганным медикам сделать научно обоснованные и практически доказанные выводы о полной безопасности формирующихся доз вокруг действующих атомных стан-

ления клеток одного из зародышевых листков на стадии эмбрионального развития. Чаще всего это происходит вследствие кислородного голодания тканей, или отравления тяжелыми ме-

А ПУШКИН-ТО ЗДЕСЬ ПРИ ЧЕМ?

атомной энергетики нет. Сложившаяся ситуация обусловлена выбросами в атмосферу сотен тысяч и миллионов тонн вредных веществ. Атомная энергетика со всеми ее минусами не может идти ни в какое сравнение с электростанциями на органическом топливе, с металлургическими, горнорудными циклами... Поэтому медики и ратуют за самую экологически чистую отрасль народного хозяйства. Именно во имя спасения следует радикально уходить от старых технологий к новым, какой является атомная энергетика. Можно сделать и другую оценку. За весь 45-летний период существования атомной промышленности и энергетике — а это самый трудный период становления — во всем мире от аварий погибло 69 человек. Реально нанесенного ущерба здоровью в связи с деятельностью АЭС во всем мире не найдено. Другой такой сберегающей здоровье отрасли, по-видимому, нет. Как же медикам не бороться за чистоту природы и сохранение жизни? Кто же тогда будет это делать?

Для чего нужно так закрутить гайки, чтобы задуть молодую, прогрессивную отрасль промышленности — ядерную энергетику? Ответить на этот вопрос непросто после 45-летнего вбивания в головы людей мысли о том, что атом и атомная бомба почти одно и то же. Это главное, но есть и другой аспект, исторический. Он состоит в том, что новое рождается в борьбе со старым. Представители старых сил, как правило, люди грамотные, образованные, все понимают и тем не менее сопротивляются. Разве инквизиторы, казнившие на костре Джордано Бруно, были необразованными и разве они не понимали, что прав Джордано? Понимали, но открытие Джордано противоречило их концепции. Разве противники Циолковского не понимали, что реактивная тяга прогрессивнее бензинового двигателя? Понимали, но тормозили. Разве противники тепловоза и электровоза не понимали, что паровоз устарел? Понимали, но «держали и не пустили». Разве кибернетику не сравнивали с черной магией и не предавали ее анафеме? Разве не уничтожали морально и физически менделеевско-морганистов в нашей стране? Разве не был физически уничтожен академик Н. И. Вавилов только потому, что его открытия мешали лженаучным авантюрам Т. Лысенко? Разве не травили лучших русских поэтов и писателей А. Пушкина и Б. Пастернака, М. Зощенко и А. Ахматову, И. Бродского и А. Солженицына, М. Булгакова и А. Твардовского? Травили, а они, гонимые, становились бессмертными, а некоторые при жизни лауреатами Нобелевской премии. Теперь настал черед быть изгоем атомной энергетике, а заодно и медикам, которые осмелились выступить в защиту природы и человека. Закроем, запретим, ухудшим экологическую обстановку, оклеветаем медицину, а потом, как принято, займемся реабилитацией и ликвидацией запланированной отсталости. Все это было. И творила это зло кучка узурпаторов, имевших доступ к средствам массовой информации и к аппарату подавления. Возродить ту старую ситуацию пытаются и сегодня те же действующие лица, сменились только исполнители. Они, как и их предшественники, используют облыжные обвинения, будучи полностью уверены в собственной неуязвимости. Некоторые из этой когорты зарабатывают «политический капитал», используя недостаточную информированность народа в новой области знаний. Прав М. Е. Салтыков-Щедрин: «...первобытно сознание тех, кто свет тьме», кто, используя доверчивость народа, вводит его в заблуждение ради личной выгоды.

Л. А. БУЛДАКОВ,
академик АМН СССР

У Л. Булдакова немало претензий к статье. Однако и у меня есть ряд вопросов.

1. Какие именно цитаты из моей статьи «сомнительны и безответственны»? Я ведь цитировал министра, академика, других видных медиков.

2. Подпись академика Л. Ильина наряду с автографом Ю. Израэля стоит под заключением экспертов Правительственной комиссии, в котором говорится, что суммарный выброс продуктов деления (ПД) в Чернобыле составил 3,5 процента общего количества радионуклидов в реакторе, то есть 63 килограмма.

Однако, как пишет в «Чернобыльской тетради» Г. У. Медведев («Новый мир» № 6, 1989), в атмосферу было выброшено и испарилось около 120 тонн ядерного топлива!

Эксперты — среди них директор ВНИИ АЭС А. Абаган, Ю. Сивинцев, В. Сухоручкин, нынешний председатель ГКАЭ А. Проценко, И. Кузьмин, В. Асмолов, А. Гуськова и многие другие — занизили данные о катастрофе в десятки раз! А 6 мая 1986 года на пресс-конференции в Москве Ю. Израэль, Ю. Седунов и Б. Щербина занизили уровень радиации в районе аварийного блока в миллион (!) раз (там же).

3. В справочнике «Нормы радиационной безопасности 76/87» указано: минимально значимая активность открытого радионуклида на рабочем месте, требующая специальных мер защиты при проведении лабораторных работ, составляет по цезию-137 10 микрокюри, стронцию-90 — 1 микрокюри, плутонию — 0,1 микрокюри. В случае превышения этих показаний требуется применение специальных мер, предусмотренных Общими санитарными правилами (ОСП).

Однако, как явствует из публикаций Ю. Израэля («Правда», 20.03.89) и Л. Ильина («Медицинская газета», 26.04.89), уровни загрязнения цезием некоторых районов Украины, Белоруссии и России, в которых проживают сотни тысяч людей, существенно превышают эти величины. При этом надо иметь в виду, что учет количества радионуклидов, попадающих в человеческий организм в повседневной крестьянской или городской, а не лабораторной жизни, практически невозможно.

А чем объясняют наши медотработники отсутствие данных о загрязнении земель России, Украины, Белоруссии стронцием и особенно плутонием? Выпало плутония немало: до полутонны.

И пусть они вкупе с академиком Л. Булдаковым объяснят народу, отчего уровни радиационной загрязненности, совершенно недопустимые в лабораторных условиях (без соблюдения норм ОСП), будучи увели-

чены в десятки и сотни раз, становятся вдруг вполне приемлемыми для жизни?

4. Как отмечает доктор медицинских наук Л. Саямон, анализирующий монографию «Неотложная помощь при острых радиационных воздействиях», изданную под редакцией Л. Ильина, сопоставление величин предельно допустимого и опасного содержания некоторых радионуклидов «приводит к абсурдным выводам: получается, что «опасные» дозы стронция-90, цезия-137, полония-210, радия-226 в четыре — сто раз меньше «предельно допустимых» («Новый мир» № 4, 1989).

5. Академик Л. Булдаков пишет о том, что «дозы излучения у населения, эвакуированного из 30-километровой зоны, и у жителей, проживающих на остальной территории загрязненных областей, не достигают уровней, при которых возможно появление отрицательных влияний на здоровье». Этот тезис ученого вполне согласуется с положением, отстаиваемым его начальником — академиком Л. Ильиным, а также Ю. Израэлем и другими, о том, что «все в порядке».

Хочется, однако, спросить, отчего же тогда белорусские ученые во главе с президентом АН БССР В. Платоновым требуют отселить на более чистые территории еще 106 тысяч человек, что, по подсчетам специалистов, обойдется стране в 10 миллиардов рублей? Почему специалисты Белоруссии отвергли главный критерий, выдвинутый Л. Ильиным и другими, о предельной дозе облучения в 35 бэр (см. «Правда», 30.07.89)? А потому, что белорусские ученые исходили из необходимости создать людям возможность безопасной, нормальной и спокойной жизни.

Принятие же нормы 35 бэр приведет не только к переоблучению населения, но и к отмене компенсаций, которые в народе называют «гробовыми деньгами». Не случайно I съезд радиологов, состоявшийся в августе сего года в Москве, не принял норму 35 бэр за 70 лет (средняя продолжительность жизни человека), а позиция Л. Ильина, Л. Булдакова подверглась резкой критике делегатов.

В некоторых местах России плотность загрязнения превышает 200 (!) кюри в пересчете на квадратный километр. Беспокоит ли это наших медиков?

6. В последнее время в нашей прессе все чаще появляются сообщения о том, что большинство из тех, кто около трех лет работает в зоне поражения, не проходили диспансерных медицинских обследований, а многим, получившим дозу облучения, не фиксируется связь «букетов» заболеваний с ионизирующим излучением или хотя бы с участием в работах по ликвидации аварий.

Следует отметить, что все это осуществляется в соответствии с распоряжением Третьего главного управления Минздрава СССР, подписанным его начальником т. Шульженко. Так, там го-

ворится о необходимости засекречивания сведений об аварии на Чернобыльской АЭС, о результатах лечения пострадавших, а также о степени радиационного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий на ЧАЭС. Об этом письме шла речь в программе «Взгляд» от 7.04.89.

Вот тут-то и возникает вопрос, имеем ли мы право развивать ядерную энергетику, если наша медицина не только не в состоянии защитить здоровье народа, но даже и не ориентирована на это?

7. Академик Л. Булдаков много пишет о благоприятном воздействии радиации на организм, имея в виду, в частности, естественный радиационный фон. Может быть, он и прав. Но я говорил об опасности превышения естественного фона. Точнее, не я, а специалисты. Цитирую учебник «Ядерная физика»: «Любая сколь угодно малая доза облучения может вызвать необратимые генетические изменения хромосом, что приводит к тяжелым наследственным аномалиям в последующих поколениях».

8. О радиационной обстановке вокруг АЭС. В нашей печати уже сообщалось о резком превышении ПДК по отдельным радионуклидам, об этом писал в своей статье и я. Л. Булдаков опровергает меня не стал. Но если процесс накопления радионуклидов не опасен, то почему является секретной практически всякая информация о радиационной обстановке в стране?

Правда, карты радиационного заражения местности (называемые специалистами «филькиными грамотами») вроде бы уже несекретны. Однако секретными остаются топографические карты. Поэтому нет никакой возможности наложить одну карту на другую и тем самым выяснить, хотя бы приблизительно, радиационную обстановку в интересующем вас районе.

9. Академик Л. Булдаков пишет о том, что «не было запоздалого, а было заблаговременное выселение» людей из Припяти, и ссылается при этом на уже упоминавшуюся нами работу Г. У. Медведева. Стало быть, доверяет этому автору. Что ж, раскроем еще раз «Чернобыльскую тетрадь...» «Только в г. Припяти радиоактивность на улицах весь день 26 апреля и несколько последующих дней составляла от 0,5 до 1 рентгена в час повсеместно (т. е. превышала естественный радиационный фон от 50 тысяч до 100 тысяч раз — Б.К.), и своевременная правдивая информация и организационные меры уберегли бы десятки тысяч людей от переоблучения».

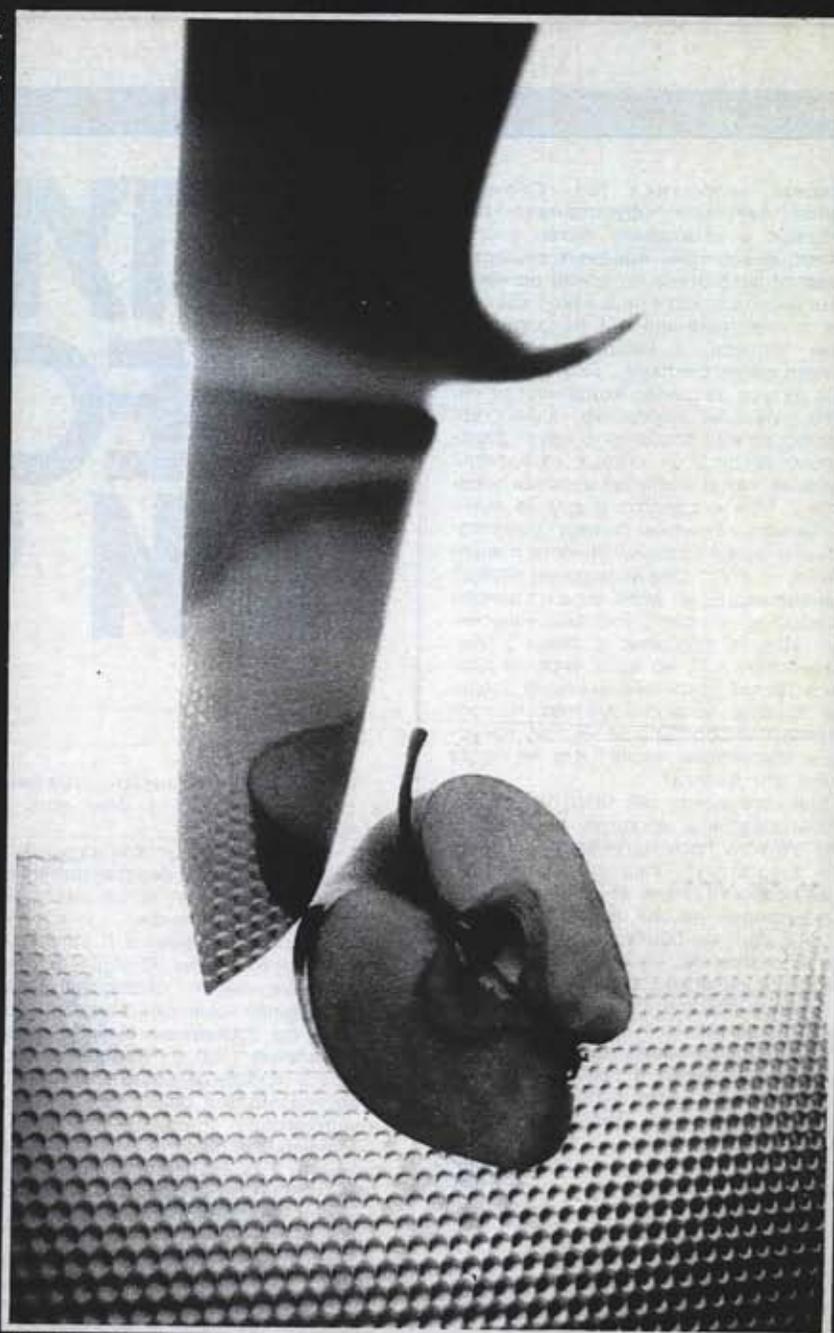
Таким образом, за 36 часов ожидания эвакуации жители Припяти, по самым грубым подсчетам, получили от 18 до 36 рентген. (Напомним, что для работников АЭС устанавливается годовая норма 5 рентген.)

Л. Булдаков обвиняет меня в «дискредитации» нашей медицины, однако хотелось бы спросить его, что предприняли во исполнение клятвы Гиппократова наши лейб-медики, чтобы не допустить проведения в 1986 году первомайских демонстраций в Киеве, Минске, Гомеле и других городах, подвергшихся радиационной опасности? Где были они, когда в условиях жесткой радиационной обстановки на открытых эстрадах столицы Украины проходил фестиваль «Киевская весна» и прокатилась очередная Велогонка мира?

Если медики и давали соответствующие рекомендации, то почему их не ус-

Фото Владимира КУЧЕРОВА

важны и географические перемещения (по рекам, в грузовиках, в вагонах да и пешком изведаль огромное российское пространство), и смена творческих жанров. Пеизаж, натюр-

морт, портрет... И всегда, во всем — острое ощущение воздуха. Оно — ощущение это — передавалось зрителям его персональных выставок в ГДР, Дании...

Кучеров не бытописатель, не хроникер, но образ времени в его работах точен и ассоциативен.

— До недавнего времени, — говорит Владимир, — попросту нельзя было снимать всерьез честно, «без ретуши». Оттого, может, и ушел «в природу»... Сейчас живу с удивительным ощущением, будто в затхлую комнату вдруг хлынул поток озона... Прежде мне дышалось так лишь на берегах Байкала, в просторах тайги...

Работы Владимира Кучерова, предлагаемые читателям «Смены», я бы сравнил с глотком этого живительного озона — с непривычки дышится трудно, но мозг, кровь, душа требуют нынче свежего воздуха.

Валерий ЛОКТЕВ

СМЕНА '89 СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВ ПОТОК ОЗОНА

△ вижение воздуха не- сложно выразить через математическую формулу, обосновать физическими законами. Сложнее — законами красоты, гармонии.

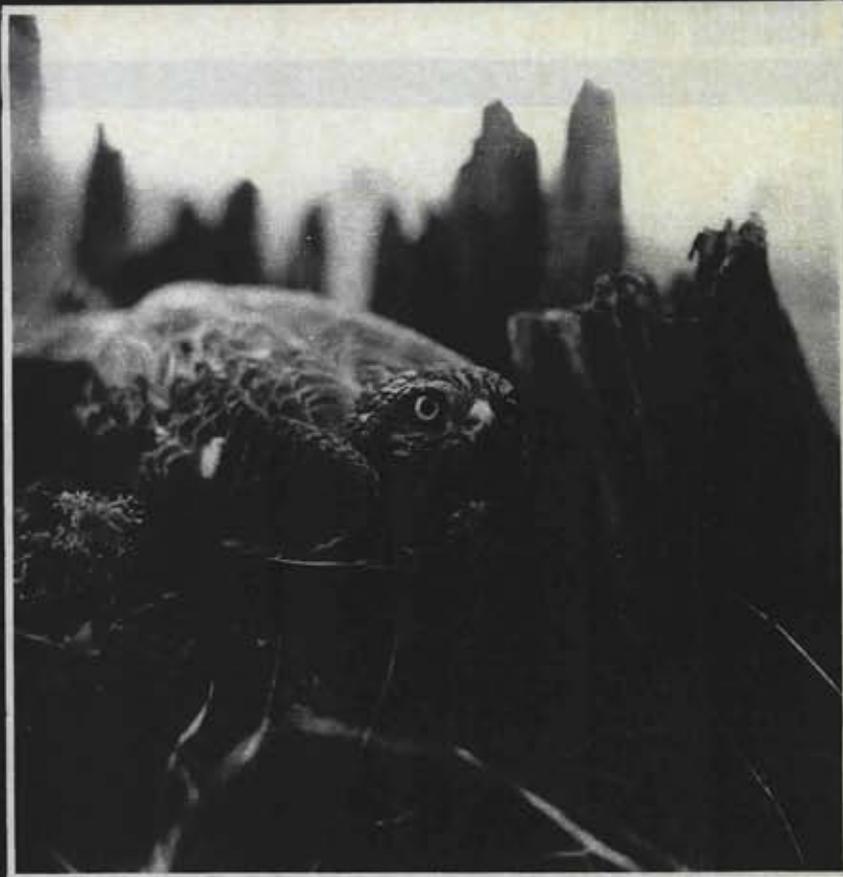
Философский посыл — «вещь в себе» — для художника имеет особый смысл: он стремится показать нам необычное через обыденное, заставляет взглянуть на предметы, их сочетания под иным углом. (Тут к месту вспомнить классическое — отсвет луны в бутылочном стекле...)

Переиначив поэта, Владимир Кучеров мог бы сказать применительно к собственной судьбе: я фотограф, этим и интересен. (А я бы уточнил: фотохудожник.)

Поэтому нет смысла рассказывать о биографии его — творческой ли, житейской; лишь зацепимся памятью за тот факт, что фотограф из Бурятии, филолог и музыкант по образованию, по склонности душевной — отчаянный «ездок в неизвестное».

Для него одинаково необходимы,

- «Трудовые будни — праздники для нас»?
- Судье нужна защита
- «Ищем друзей в СССР»
- Как лечат в ЛТП

Те, кто внимательно читает или читал классическую литературу, наверняка обратили внимание на одну деталь в отношениях между героями — умение держать данное слово. Достаточно было, например, купцу в ресторане кому-то что-то пообещать, на завтра слово исполнялось. И не дай бог его нарушить — оно тверже гранита.

Обязательность была в законе, а человек, не являющийся хозяином своего слова, презирался. Ему и руки не подадут, и в деловую компанию не пригласят. На твердом слове держалось все достоинство человека.

Но с некоторых пор это понятие стало отмирать. Люди научились забывать об обещанном, подводить друг друга и обманывать. И обман перестал быть позором, а, наоборот, стал чем-то вроде доблести. Обвесить-обсчитать при продаже, обмануть женщину, подвести человека стало в порядке вещей, и как-то все забыли, что обман — это непорядочность.

Человек звонит вам, что придет в гости, вы ожидаете его целый вечер, нарушая свои дела и планы, а он не является и даже не извиняется. Кто-то обещает вам что-то привезти и не привозит, продать вам, а продает другому, дает вам клятву не разболтать вашей тайны и разбалтывает, клянется жениться и не женится, дает слово похлопотать о работе и врет, не хлопочет...

Для красного словца могут оговорить, оклеветать и опачкать, сочинить небылицу или предать, обидеть из мести, оговарив.

Бессовестность вошла в норму. С этим надо кончать. Давайте вспомним, что твердость слова входит в понятие чести, а честь свою пачкать нельзя. Ни ради необходимости, ни ради желания, ни ради еще каких-то резонных целей свою топать нельзя.

Твердость слова — самое главное, что характеризует человека. Нарушить слово стыдно! Привычка к необязательности и бессовестности возникла в последние десятилетия вседозволенности как следствие деградации нравов общества, потерявшего совесть.

Сейчас, когда условия жизни меняются, надо восстановить вес слова. Человек, открывший свое дело, заключающий контракты или что-то обещающий деловому партнеру, должен знать, что, нарушив слово, он потеряет лицо, ему не станут доверять и будут обходить стороной. Он приобретет славу болтуна, которого не следует воспринимать всерьез. Но это в деловых отношениях.

А в личных? Здесь тоже твердое слово — показатель порядочности. О данном слове нельзя забывать или считать его чем-то неважным, второстепенным.

Слово несет за собой ответственность. Дал слово — держи!

Есть две обязанности, которые нарушать порядочный человек не имеет права: это верность супругу и долг перед родителями, детьми. Нарушающий эти обязанности автоматически выпадает из числа порядочных людей. Так же выпадает из их числа человек, легкомысленно относящийся к данному слову. То, что было нормально в атмосфере деградировавшего общества, сейчас не должно иметь места. Надо исправлять нравы и начинать жить по правилам, действующим на всей планете. Мы возвращаемся в мир людей, где действуют законы порядочности, чести и собственного достоинства. Следовательно, перестройка должна пройти и через наши сердца — и это важнее перестройки в промышленности или сельском хозяйстве.

А. Б.,
Днепропетровск

Я студент-медик, и, естественно, мне не безразлично, что говорят о врачах. Постоянно слышу: «Вы и лечить не умеете! Низок профессионализм советских врачей! Скорее сами инфекцию занесете, чем вылечите!» и т. д. Это правда. Но почему во всем винят врачей? Врач виноват, что наши больницы плохо оборудованы, набиты до отказа больными и чистота не поддерживается? Да врачи сами все это знают и борются, как могут. Врач виноват, что он мало профессионален? (Хотя хирурги из США удивляются виртуозности наших хирургов. На скверном оборудовании, как правило, наши врачи проводят первоклассные операции.) Нет, как правило, здесь вина не врача!

Еще в институте мы получаем лишь от 30 до 60 процентов нужной литературы, мизерную стипендию и выполняем перенасыщенный учебный план. И при этом нам твердят, что советский врач должен знать и уметь все. Это при двух-то учебниках, а то и при их отсутствии по некоторым дисциплинам на группу в 14—15 человек! Какой уж тут профессионализм!

И еще, к слову, об учебе. С этого года в институтах вместо предмета «История КПСС» был введен предмет «Социально-политическая история XX века». Я хочу задать вопрос: зачем она в институтах, особенно в медицинском, когда студенты-медики день и ночь корпят над специальными дисциплинами? Видимо, мало, что в школе с 4-го по 10-й класс мы проходили и «Историю СССР», и «Новую историю», и «Новейшую историю», и «Обществоведение». Видимо, мало!

При огромных объемах материалов и отсутствии учебников не только возможны, а и впредь будут и низкий профессионализм врача, и соответственно низкая квалификация в лечении больных. Это обидно еще и потому, что в мединституты люди идут по призванию, чтобы в будущем помогать больным; ну, а такая «методика» обучения да и отсутствие элементарных, по современным понятиям, инструментов в больницах, естественно, накладывают свой отпечаток на личность врача.

Дмитрий ПЕТРОВ,
Иваново

Вот уже восемь лет я не могу работать по специальности, потому что работаю из-за квартиры. Известно, что любого человека в деле, которое ему нравится, не надо заставлять работать. На своем месте почти каждый трудится с большой отдачей, творчески, с азартом, естественно, заботясь о качестве, которого в отечественном производстве очень не хватает. А я на комбинат хожу — лишь бы скорее день прошел. Был на сборах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Там опасно для здоровья, а я — вы не поверите — отдыхал душой, был счастлив, потому что там меня ждала любимая мною техника. По возвращении домой опять серые будни на комбинате. Обязанности свои выполняю, но как изпод палки. Да и у других низкий уровень профессионализма опять-таки потому, что многие работают не по призванию. Во всяком случае, это серьезная причина низкого профессионального уровня рабочих. Время идет. Живем надеждами, но интерес ко всему постепенно пропадает. Все чаще из-за бытовой и материальной неудовлетворенности в семье возникают ссоры. А ведь мне не много надо: квартиру да работу по душе. Будет у меня все это на закате, не сомневаюсь, но ведь годы уйдут, пожить по-человечески не удастся. Почему? За что?

А тут еще на сессии народных депутатов говорили о возросших доходах населения. Восемь лет я получаю те же 300 рублей, а иногда и того меньше. Работать же приходится больше, это точно! И цены на товары подпрыгнули. Как быть тем, которые, как я, не могут идти на вышеоплачиваемую работу, и график не позволяет стать совместителем? Или нет таланта печь пирожки и заниматься коммерческой деятельностью в кооперативе? Выходит, честно трудясь, вечно будешь полунищим. Как жить? Самое обидное, что я с детства приучен к труду, а ничего не получаю. Жили мы большой, дружной, работающей семьей. Мама с отцом, вырастив нас шестерых, всю жизнь прожили в тяжелом труде. А достатка никто не нажил. Многих мы, видимо, содержим своим горбом. Вся наша действительность, экономическая структура требуют тщательного пересмотра. Этим сейчас и занимаются депутаты и правительство. Но, увы, что-то не верится, что мы доживем до лучших времен.

Илья КОРПАЧ,
Таллинн

Пишут вам начинающие воспитатели детских садов.

Мы успели разочароваться в своей профессии, едва переступив порог детского сада. И дело не только в мизерной зарплате. Сколько можно говорить,

сколько можно писать об одном и том же? Мы убедились, что воспитатель — это «козел отпущения», ведь с него спросится и родителями, и школой, ведь он целиком и полностью отвечает за воспитание подрастающего поколения! Это мнение большинства родителей: «Раз уж мы тебе сдали ребеночка, то, будь добр, не подкачай!»

А каково воспитателю? Все пособия мы делаем сами (по математике для каждого ребенка надо сделать минимум 10 фигурок для счета). А набившие оскомину планы, очень подробные, расписывающие чуть ли не до минуты «распорядок действий»? Пусть у нас будут отличные планы, но ведь все это останется только на бумаге!

Воспитателю подчас приходится работать и плотником, и дворником, и садоводом, но это все издержки. А что самое главное — в группах у нас по 25—30 человек! А каждый маленький человечек индивидуален, к каждому нужен свой подход! Но когда нам искать этот подход, когда заниматься воспитанием, если нас хватает только на то, чтобы следить, как бы дети наши не дай бог не убились.

Может, мы пообтремся, привыкнем относиться к детям равнодушно. Будем сидеть на прогулке с равнодушными глазами и покрикивать на них. Хотите, чтобы у вашего сына или дочери была такая воспитательница? Мы тоже не хотим. Но что нам делать, ведь мы бьемся в закрытую дверь!

СЕМЕНОВА, ВОСТРЯКОВА, всего
десять подписей.
Нижняя Тура, Свердловская обл.

Страшные уроки инквизиции привели человечество к необходимости создания независимых судов. Судов, которые могли защитить не только от вандализма, но и от беззакония.

Из чего же состоит независимость правоохранительных органов? Она покоится на трех точках — законодательной, экономической и политической независимости. Отсутствие хотя бы одной из них вызывает неустойчивость всей «плоскости независимости», что приводит к различным колебаниям в политике правоохранительных органов.

Посмотрим, как обстоит дело с тремя точками опоры у нас. Законодательная — есть, а вот две других...

В свое время снижение заработной платы судей и работников прокуратуры произошло именно тогда, когда потребовалось создание «карманной законности». Низкий уровень остается и по сей день. В сочетании с тяжелыми условиями труда это привело к вымыванию хороших специалистов.

Увеличение заработка работников правоохранительных органов, улучшение их социально-бытовых условий вызовет приток желающих работать здесь, появится конкурс — возможность выбирать из претендентов лучших. Но вот парадокс: Министерство финансов находит средства на поворот рек и прочие авантюры, а тут разводит руками...

Прокуратура СССР имеет в своем распоряжении всего 16 персональных компьютеров. Развитые страны наращивают расходы на деятельность органов правовой защиты граждан, а мы с нынешнего года сократили расходы на содержание Прокуратуры СССР на 10 процентов. Неужели и на карандашах начали экономить? Раньше выдавали один в месяц, теперь — один в год. Государство, экономящее на правовой защите граждан, — преступное государство, вставшее на путь беззакония.

Плохо обстоит дело и с независимостью от влияния партийного аппарата. В школе нам объясняли, что Берия увел НКВД из-под контроля партии и ее руководство и в этом причина беззакония. Теперь мы знаем, что именно благодаря тому руководству пришлось пережить ужас массового истребления собственного народа... Где гарантии, что не придет к власти в партии очередной авантюрист? Где гарантии, что этот авантюрист не отдаст приказ «гуманизировать» уголовную политику и нас опять не захлестнет волна преступности? Некоторые юристы уже успокаивают нас, с изувещиванием хладнокровием сообщая о том, что рост преступности в наши дни «вписывается» в общие тенденции роста преступности за последнее время.

Хочется надеяться, что подобное не произойдет. Но надежда — слабая гарантия. Кто-то, получив подобное указание, положит партбилет на стол и откажется выполнять команду, как это происходило и в прошлом. Но ведь не каждый отказывался, кто-то с радостным воем бежал исполнять.

Пути к политической независимости, когда в правоохранительных органах не будет представителей политических организаций, а будут лишь члены «партии законников», возможны разные. Мы — страна уникальная. Путь, по которому пошли развитые страны (у них есть закон, запрещающий работникам правоохранительных органов участвовать в любой политической организации или деятельности), нам, похоже, не подойдет. Это они, сев в лужу, снимают штаны и сушат на батарее, мы их сушим на себе.

Но как бы то ни было, вопрос о политической независимости правоохранительных органов должен быть решен. И только народными депутатами.

Юрий ХРАМОВ,
пятикурсник юрфака МГУ

Летом во время каникул я устроилась в магазин. Поставили меня на продажу соков. Хотела даже взять калькулятор — считать, но все оказалось гораздо проще. В магазине старалась поддерживать чистоту и очень внимательно отвечать покупателям. Так надеялась изменить образ продавщицы!..

Я знала, что, если буду смешивать соки или добавлять в них воду, никто ничего мне не скажет. А ведь какой большой соблазн разбавить дорогой виноградный сок дешевым яблочно-виноградным, продавая эту смесь по цене виноградного!.. На вкус попробуй отличить. Скажу честно, не просто мне было устоять перед соблазном получить лишние деньги.

Каждый вечер я находила одноразовые стаканчики, выброшенные из урны в раковину. Меня обзывали их мыть по несколько раз, до тех пор, пока они не порвутся. Мне было очень стыдно. Один раз женщина увидела на стаканчике губную помаду (видимо, плохо вымыли) и стала на меня кричать. Я начала оправдываться, дескать, нечаянно дала ей свой стакан, из которого минуту назад пила воду. Я говорила, что стаканы мокрые, потому что попали под дождь, хотя на улице светило солнце. Но людям было некогда, и они не замечали этого...

Каждый день мне нужно было подсчитывать деньги и потом сдавать их в кассу. Часто у меня оставались даже лишние. А что же получается у тех, кто еще и обсчитывает?.. Я плохой математик, но как-то продавщица объяснила

мне, что бумажный стаканчик вмещает меньше, чем стеклянный, и банка с соком стоит дешевле, чем этот же сок «постаканно». Все эти лишние деньги я сдавала, думая: а вдруг просчитаются? Когда о них я сказала директору, он улыбнулся: «Такого не может быть. Но все-таки ты об этом никому не говори».

И вот настал день расчета. Я узнала о... недостаче на 80 рублей! Это примерно 10 ящиков, 40 банок с соками.

Похоже, я просто не вписалась в торговый коллектив, и таким образом мне дали это понять...

Юлия ГАРМАШ,
десятиклассница,
Москва

Прочитав статью Марии Ремизовой «Дом блаженных» («Смена» № 16), по поручению своих товарищей решил написать вам. Нам очень хотелось бы, чтобы наше письмо прокомментировал кто-нибудь из специалистов.

Все мы — лечимся в ЛТП пос. Озерки Калининградской области. За нарушение (выпивка) мы все находимся сейчас в надзорной палате. Переводят нас сюда обычно из штрафного изолятора, где мы десять суток отбываем наказание за содеянное нарушение. И начинается интенсивное «лечение». Здесь нам начинают делать инъекции сульфазина, аминазина и галоперидола. В зависимости от того, какой препарат сейчас есть в нашей аптеке. Дозы тоже назначают по-разному. Иногда они доходят до таких, что некоторые не выдерживают и теряют сознание.

После этих уколов на людей страшно смотреть (особенно после галоперидола). Какие-то сверхсилы, неподвластные человеку, выворачивают все суставы; вываливается язык, температура подсакивает под 40 градусов, страшная боль (это после сульфазина), полуобморочное состояние (это действие аминазина). Все наши попытки вызвать кого-нибудь из медперсонала тщетны. Так мы мучаемся все пятнадцать суток.

Пробовали отказаться от этого лечения. Но тогда вызывают наряд контролеров, те выворачивают руки за спину, надевают наручники, и если ты еще сопротивляешься, то прямо через штаны делают уколы.

Мы все прекрасно понимаем, что пить — это плохо. Ну а что остается делать, когда это «зелье» здесь в избытке? Некоторые вольнонаемные спешат на работу только ради того, чтобы скорее опохмелиться. Здесь мы начинаем по-настоящему спиваться.

Все нам осталось отбывать назначенное судом лечение по три-четыре месяца. Но ведь у нас есть нарушения (пьянки), и срок нам, по всей вероятности, будет продлен. Даже несмотря на то, что я сам изъявляю желание «закодироваться».

С трудоустройством у нас сложно. Вот тут-то администрация и дает нам «шанс» освободиться отсюда по сроку. Предлагают различные должности внутри ЛТП — уборщики, посудомойки, старшины отрядов. И если ты принимаешь предложение, можешь быть спокоен — уйдешь по сроку.

Все наши жалобы неизменно возвращаются назад, в ЛТП, чтобы администрация разбиралась на месте. Получается замкнутый круг. Главный врач ЛТП чувствует себя здесь князьком, у которого под началом находятся шестьсот

с лишним человек. Наркологи у него здесь в виде приказчиков: что он скажет, то они и делают. Вот так мы и лечимся в этом «княжестве»...

ГОРОЖАНКИН, КАРПОВ,
МЕДВЕДЬ, ЛЮБИМОВ, ХОРИН,
ДЯДЮРА, БАБИЧЕВ

Уважаемые друзья!

В нашей семье четыре человека — родители и двое детей. Мы хотели посетить Советский Союз, пошли в бюро путешествий, но, узнав цены, поняли, что это не для нас. У нас никогда не будет денег для такой поездки. Наши зарплаты растут, но прибавка «в пользу развития туристического движения» растет быстрее. Подумали и решили: пригласим мы в гости в Чехословакию семью наших ровесников и ровесников наших детей из СССР, а мы по приглашению наших новых друзей посетим Советский Союз. Думаем, это возможно.

Поэтому и обращаемся с просьбой за помощью в вашу редакцию. Итак, нас четверо. Отец — Ярослав (1949 г.р.), юрист. В свободное время — филателист, член секции коллекционеров почтовых марок СССР и России, секции коллекционеров марок стран Скандинавии. Мама — Елена (1953 г.р.), секретарша, и ее «хобби», как у всех матерей, — дети, квартира, пища.

Сыновья. Георгий (1975 г.р.), учится в гимназии в спортивном классе. Он баскетболист, интересуется научно-фантастической литературой. Миша (1980 г.р.) увлекается техникой, почтовыми марками, боевыми играми, строительством моделей ракет, живой природой, велосипедом.

У нас нет цветного телевизора, видео, автомашины, дачи. Нет у нас «семейного золота» и шкафов, полных богатой одеждой, нет возможности ежегодно путешествовать к морю. Но у нас двухкомнатная квартира, полная книг, игрушек, марок, юмора и цветов. Мы любители книг, кинофильмов, театра, леса и зимних гор.

Мы уверены, что в СССР найдутся семьи, похожие на нашу, для которых наши предложения покажутся интересными.

Наш адрес: JUDr. Jaroslav Budinsky
Ch. Kralika, 8
Bratislava
84107 CSSR

Прочитав в № 18 за этот год перевод главы из книги «Искусство любви», долго думала над всем в ней сказанным, и такая досада и обида одолели меня, что просто невыносимо. Ведь сколько всяких глупостей говорим мы о «запретных» темах! Сколько киношники сняли фильмов с постельными сценами — на это денег хватает, а для издания книги Эриха Фромма «Искусство любви» нет? Но, позвольте, как же так получается? Научить правильно, я подчеркиваю, ПРАВИЛЬНО вести себя в обществе любимого человека — будь то в гостях, в кино, на танцах, в постели — никто не хочет, а вот показывать на широком экране кинозалов жизнь проституток и другую дрянь — можно. Вот это свобода! А и впрямь, наверно, выгоднее показывать молодежи «асов» секса, нежели учить ту же самую молодежь основам половой грамотности.

Вы уже задали себе мысленно вопрос: «А что это за такая всем недозволенная читательница?» Отвечу. Мне скоро будет двадцать. Недавно вышла замуж. Своего мужа я знаю пять лет (два года ждала его из армии). Ему двадцать один год. Как видите, знаю я его не так уж мало, но до свадьбы мы с ним ни разу не были близки, хотя очень любим друг друга. И вот в нашу первую брачную ночь первая же неудача. Мой любимый так нервничал и переживал, что готов был на коленях просить у меня прощения. А спрашивается: за что? За нашу с ним безграмотность в «постельных делах»?

Но разве два человека, не умеющие ни читать, ни писать, извиняются один перед другим за это? Это в наше время было бы просто смешно. Так почему же мы, двое любящих людей, должны мучиться и страдать (а я более чем уверена, что не только мы) от чьей-то пассивности и нежелания научить нас быть полноценными людьми. А потом эти же люди будут кричать и уже кричат о половых преступлениях, извращениях, об огромном проценте разводов, о холодности женщин и т. д. А от чего это все происходит, как не от неумения и вызванных этим половых отклонений?

Снова приведу пример из своей, пока еще очень маленькой семейной жизни. Три ночи кряду пытался мой муж что-либо сделать, но — увыл... Следующие десять дней он боялся повторить неудачу, поэтому мы обходились без этого. Да и мне при одном воспоминании становилось нехорошо, неудобно. Вот и начало моей холодности. А прочти мы хотя бы эту книгу об искусстве любви, может быть, наши дела были бы не так уж плохи. Мы с мужем слышали об «Энциклопедии молодой семьи», которая выпущена у нас в стране, но в книжных магазинах ее днем с огнем не найдешь. Я вам была бы очень благодарна, если бы на страницах «Смены» началась, пусть частичная, публикация книги Э. Фромма «Искусство любви» или «Энциклопедии молодой семьи». Думаю, что многие молодые семьи скажут вам большое спасибо за это.

Элеонора Д.,
Бардянс

Я уже писал вам о моем незаконном увольнении с работы, а работал я электромонтером в колхозе имени Ленина Грачевского района Ставропольского края. Сердечно благодарю редакцию за оказанную помощь: среднемесячную зарплату за три месяца мне выплатят, вопрос о моем трудоустройстве решен буквально в течение одного часа, хотя справедливости добивался я в течение почти полугода.

Все думаю, почему на местах руководители такие бюрократы? Как же мы с ними можем перестроиться? Как строить правовое государство, если наши профсоюзы должны защищать права рабочего, а на деле оказывается наоборот: профсоюзы на местах хорошие защитники административных работников. Конечно, не все, есть и настоящие защитники интересов рабочих, в частности и товарищ, который разбирался с моим делом: фамилии я его не знаю, он мне представился как зав. отделом Ставропольского крайисполкома Борис Иванович. Я всю жизнь буду благодарен ему за гуманность, человечность, корректность. Вот таких людей и надо подбирать на работу с людьми, в профсоюзы — тогда рабочие будут знать, что они платят взносы не напрасно.

Ваш постоянный подписчик, житель села Сергиевского Грачевского района Ставропольского края

Иван Федорович БАРАННИКОВ

23

ГЛАВА 27

«Среда, три часа дня. Хотя у меня накопилось немало новых гипотез, построенных на интуиции, не буду притворяться, что я получил большое количество новой информации, базирующейся на фактах.

Моя главная догадка на этот момент, не подтвержденная документально, состоит в том, что Алан Стэнвик абсолютно честен. Все, что он говорит, правда: он умирает от рака и действительно хочет, чтобы я убил его завтра вечером, в половине девятого».

Флетч успел вернуться домой, принять душ, съесть сэндвич и выпить кварту молока.

На кофейном столике перед ним лежали первые экземпляры и копии показаний Гамми и Толстяка Сэма и записки Каммингса. Тут же стоял диктофон.

«Вчера утром Алан Стэнвик усадил меня в машину, чтобы убедиться, что я не передумал.

В разговоре он спросил у меня номер рейса «Транс Уорлд Эрлайнс» на Буэнос-Айрес. Я ответил, что не знаю номера, так как он не называл его мне. В действительности я узнал номер, когда позвонил в аэропорт и спросил, забронировано ли мне место.

Мое неведение относительно номера рейса означало для Стэнвика следующее: во-первых, я, несомненно, бродяга, глупый и доверчивый, как он и думал; во-вторых, ему стало ясно, если кто-то и интересуется подробностями его жизни, то не я.

Не выходя из роли, мне удалось задать ему один из основных мучивших меня вопросов: почему бы ему, если уж он хочет покончить с собой, не разбиться на самолете, чего, собственно, от него и ждут?

Он ответил, что не может так поступить из гордости.

Ответ я считаю приемлемым. Как он указал, люди расплачивались за гордость и подороже чем пятьдесят тысяч долларов.

У Алана Стэнвика есть любовница, некая миссис Сандра Фолкнер, проживающая по адресу: 15641В, Патнэм-стрит. По понедельникам и средам Стэнвик проводит вечера у нее.

Муж Сандры Фолкнер был летчиком-испытателем и погиб, неудачно приземлившись на авианосец. Детей у них не было.

После смерти мужа Сандра Фолкнер ушла с работы, истратила страховку и сбережения, очень много пила.

Примерно через год после смерти ее мужа Алан Стэнвик узнал, в каком она состоянии, и пришел ей на помощь. Им руководил только инстинкт милосердия. Он сам был летчиком-испытателем, поэтому можно допустить, что его симпатия к вдове летчика-испытателя абсолютно бескорыстна.

Он заплатил за лечение миссис Фолкнер в больнице и с тех пор обеспечивает ее материально. Как я полагаю, их связь длится около двух лет.

Сандра Фолкнер не отрицала интимных отношений с Аланом Стэнвиком.

Джоан Коллинз Стэнвик не подозревает об этом романе и уверена, что по понедельникам и средам ее муж задерживается допоздна на работе.

При этом я могу засвидетельствовать, что Джоан Коллинз Стэнвик сама изменяет мужу.

Возвращаясь к Сатдре Фолкнер... Любовница Стэнвика не знает о том, что он неизлечимо болен, если это правда. В обозримом будущем она не предвидит никаких изменений в их отношениях, например его внезапной смерти.

Она считает, что у Стэнвика превосходное здоровье и их связь будет продолжаться.

От себя могу отметить, что к своей любовнице Стэнвик проявляет великодушие, даже благородство. Не слишком привлекательная женщина, к тому же пьяница, пребывавшая в глубокой депрессии, она отчаянно нуждалась в дружеском участии. Стэнвик все понял и стал необходимым ей другом. У него не было причин проявлять такие чувства к вдове человека, которого он не знал, или к бывшей мелкой служащей «Коллинз Авиэйшн».

Однако он их проявил.

Это самая удивительная черта в характере Стэнвика. Он исключительно принципиальный человек, верность его не знает границ.

Доказательством этого могут служить его частые, совершаемые втайне от всех, полеты в родной город Нонхиген, в штате Пенсильвания, где живут его отец и мать, его отказ войти в студенческое братство в Колгейте без своего друга Берта Эберхарта, его последующая поддержка последнего, хотя, судя по всему, у них совсем разные интересы, его отношения с любовницей, которые куда выгоднее ей, чем ему.

Несмотря на очевидное честолюбие Стэнвика, можно сделать вывод, что он предельно порядочный и честный человек.

Тем не менее, будучи профессиональным журналистом, я обязан сохранить скептицизм до самого последнего момента.

Вполне возможно, что я не подобрал всю правдивую информацию, что-то упустил или пришел к ложному заключению. Возможно, не смог задать нужных вопросов.

Поэтому нельзя доверять утверждению Стэнвика, что он умирает от рака, пока я не докажу обратное...»

Флетч выключил диктофон, постоял перед диваном, затем положил микрофон на столик и, перемотав кассету с записями о Стэннике, вновь включил диктофон.

Вышагивая по комнате, он вслушивался в собственный голос, вначале пробивающийся сквозь транспортный шум, затем отчетливо звучащий в тишине комнаты, и напоминал себе, что неделю назад понятия не имел, кто такой Стэнвик. Голос не всегда отделял факты от догадок, наблюдения от интуитивных посылок, но тем не менее создавал живой образ человека. Алана Стэнвика.

Флетч прослушал кассету еще раз, прокручивая в голове события последних шести дней, стараясь вспомнить мелкие, несущественные подробности и впечатления, не попавшие на пленку. Джоан Стэнвик очень одинока и пьет martini перед ленчем, а ее муж в это время испытывает экспериментальный самолет в Айдахо. Доктор Джозеф Делвин очень быстро подошел к телефону, узнав, что речь пойдет о Стэннике. Его не удивило, что звонят из страховой компании. Квартиру Сандры Фолкнер вроде бы ограбил ребенок. Эберхарт назвал дочь Алана Стэнвика. Джулию, мер-

— Все нормально, сынок. Я надеюсь, что нет. Вчера я снова подкупил акции телефонной компании.

— Должно быть, скобяная торговля процветает.

— Идет неплохо. С тех пор, как стоимость наемного труда подскочила до небес, люди так и рвутся в мой магазин, чтобы купить инструменты для работы по дому, за которые они никогда не возьмутся. Держу пари, что половина проданного мной лежит новехоньким по чердакам.

— Кажется, вы говорили, что в эти дни прибыль дает только телефонная компания.

— От скобяной торговли тоже есть кой-какой навар. Правда, в этом я могу признаться только тому, кто звонит из Калифорнии. Кстати, как ты решил с «Бронзовой звездой»?

— Я ее получу, сэр.

— Это хорошо, сынок. Отлично. Ты прилетишь ее нам?

— Нет. Я разыскал пустое место на полке для носков. Туда и положу.

— Думаю, ты принял правильное решение. Нельзя отказываться от награды своей страны.

— Все равно, я благодарен вам за ваше великодушное предложение. Как поживает миссис Стэнвик?

— Когда я приходил домой на ленч, миссис Стэнвик чувствовала себя прекрасно. Знаешь ли, старые модели самые лучшие. Сработаны надежней, потребляют меньше топлива.

Грегори МАКДОНАЛЬД

завкой. Алан Стэнвик не прикуривает от зажигалки, смонтированной в приборный щиток автомобиля. Он, Флетч, еще не купил перчатки.

Флетч сел на диван и вновь взял микрофон. «Алан Стэнвик — порядочный человек. Принципиальный и верный. Сильный. Честолюбивый.

Все в его жизни ясно и взаимосвязано... за одним исключением.

Я не понимаю его отношений с родителями.

Он не пригласил родителей на свадьбу. Не сказал им, что у них пятилетняя внучка.

И в то же время он навещает их, летая через всю страну, каждые шесть недель.

Напрашивается разгадка: он поддерживает отношения не с родителями, а с Нонхигеном».

Флетч выключил диктофон и пошел в спальню к телефонному аппарату.

Часы показывали половину пятого.

ГЛАВА 28

— Mister Стэнвик? Хотите верить, хотите нет, но это опять Сидней Джеймс из «Кейзуэлл Иншурерс».

— Я знал, что ты позвонишь. Как только вы, любители телефонных разговоров, узнаете номер в другом городе, остановить вас уже невозможно.

— Я полагаю, что беспокою вас в последний раз, сэр.

— Mister Стэнвик, в нашем последнем разговоре вы сказали, что Алан бросил бокс, не поехал на национальный чемпионат из-за девушки.

— Да, верно.

— Что вы имели в виду?

— Знаешь, сынок, для моего возраста у меня неплохая память, и слово «девушка» означает для меня то же самое, что и для молодого человека твоих лет. Если не ошибаюсь, у девушек две ноги, копна волос на голове и пара выпуклостей чуть пониже шеи. Я прав?

— Абсолютно, сэр.

— Так я и думал.

— Я про другое: вы говорили о «девушках» или о «девушке»?

— Я занимаюсь скобяной торговлей, сынок, и привык мыслить во множественном числе.

— То есть речь шла об одной девушке. Именно из-за нее Алан бросил бокс?

— Да.

— Кто она?

— В вашей страховой компании любят задавать странные вопросы.

— Проверка страхового полиса вашего сына заканчивается, mister Стэнвик. Больше мы не будем вас беспокоить.

— Mister Джеймс, ты скорее похож на частного детектива, а не на страхового агента.

— В страховом полисе вашего сына, mister Стэн-

вик, небольшая сумма отозвана лицу, которого мы не знаем. Мы должны проверить, родственница эта женщина или нет, жива ли она, где проживает и так далее.

— Я-то думал, что все это должен был написать Алан.

— Ваш сын — очень занятой человек, мистер Стэнвик. Вы не представляете, как часто люди недостаточно четко заполняют страховые документы.

— Понимаю. Но, если бы не твоя «Бронзовая звезда», мистер Джеймс, я скорее предложил бы тебе катиться в Тихий океан. Вроде бы он рядом, не так ли?

— Я смотрю на него из окна, сэр. Кто эта девушка?

— Салли Энн Кашинг. Теперь соответственно Салли Энн Кашинг Кейвзнау.

— Они с Аланом были влюблены?

— Они составляли единое целое. Несколько лет мы видели их только вместе. Если они не целовались, то держались за руки. Прямо хоть тротуары расширай — не расцепить ни в какую.

— Алан бросил бокс из-за Салли Энн?

— Как поется в старой песне: «И пришла любовь». Она уложила его на обе лопатки, чего не удавалось ни одному длиннорукому в среднем весе. Он бросил бокс. Бросил все ради этой девчонки, даже потерял способность нормально дышать. Нам едва удалось отправить его в колледж.

— Но удалось?

— Да, он поехал в Колгейт, а она — в Скидмор.

— Они расположены довольно близко, не так ли?

— Скандально близко. Поэтому они и решили так поступать.

Весной на последнем курсе оказалось, что Салли Энн беременна. Моя жена заметила это раньше Алана. Естественно, мы думали, что она носит ребенка Алана. Но мы ошиблись. Полагаю, их отношения были чисты, как свежее выпавший снег. Беременность Салли Энн потрясла Алана. Отцом ребенка был Билл Кейвзнау, также живший в Нонхигене. Салли Энн говорила, что на одной вечеринке, когда Алан был в колледже, она много выпила, и Билл Кейвзнау воспользовался случаем, провозжая ее домой. Она настаивала, что такое произошло лишь однажды, но, как видишь, хватило и этого. Я, впрочем, думаю, что она солгала. Наш сын, я всегда чувствовал, не давал ей всего, что она хотела. Приходит время, когда девушка ждет, что ее уложат в постель, а я подозреваю, Алан хотел, чтобы Салли Энн стала женщиной только в брачную ночь.

— В результате Салли Энн вышла замуж за Кейвзнау?

— Да. А Алан начал летать на этих идиотских самолетах. Так что бурный роман с Салли Энн Кашинг как бы разделил бокс и самолеты. Честно говоря, я думаю, что моему сыну нравится играть со смертью. Хотя мне и не следовало говорить об этом. Все-таки ты страшешь его жизнь. Он любил риск во всем, кроме любви. Тут он слишком осторожничал.

— Ваш рассказ многое объясняет.

— В том числе и ваши затруднения со страховым полисом?

— Да. Алан отписал небольшую сумму из страховой премии Салли Энн Кашинг Кейвзнау.

— Это хорошо. Она милая девушка. Я сам был немного влюблен в нее. Кейвзнау — пустое место. Мне он никогда не нравился. Мальчику, младшему Биллу, сейчас двенадцать лет. Они частенько приходят в магазин, Салли Энн или Билл. Для меня они почти что родные. Несмотря на беременность, Алан и Салли Энн все равно хотели пожениться. Но Кейвзнау заявил о своих правах. Салли Энн была для него лакомым кусочком. Он, как и ты, работает в страховой компании, только неумеха.

— Кейвзнау все еще живут в Нонхигене?

— И да, и нет. Я как раз собирался сказать тебе об этом. Я не знаю теперешнего адреса Салли Энн.

— Как это?

— Салли Энн и Билл Кейвзнау недавно развелись, но когда точно, не знаю. Она продала дом и уехала вместе с мальчиком.

— Когда она уехала?

— Вчера.

— Вчера?

— Да. Они продали все. Мебель, стиральную машину, сушилку, постельное белье, посуду. С собой взяли лишь несколько чемоданов и на такси уехали в аэропорт. Тут какая-то загадка. Если послушать мою жену, они еще не определились окончательно, где будут жить. Мальчик сказал, что они едут в Калифорнию. Подозреваю, что после тринадцати лет с этим подонком Кейвзнау она решила сжечь все мосты и начать жизнь заново. Во всяком случае, в Нонхиген она уже не вернется. Кейвзнау причинил ей немало горя.

— Мистер Стэнвик, большое вам спасибо.

— Ну, а ты уж проследи, чтобы Салли Энн получила все, что ей причитается. Она чудесная женщина, но ей не повезло в жизни.

— Еще один вопрос. Когда ваш сын прилетал к вам в Нонхиген, он виделся с Салли Энн?

— Нет. Насколько я знаю, он постоянно висел на телефоне в гостинице. Она была замужем. Хотя, может, и виделся. Но нам он ничего не говорил.

— Благодарю вас, мистер Стэнвик. Вы нам очень помогли. Больше мы не будем вас беспокоить.

— Звони в любое время, сынок. Я всегда рад помочь.

Флетч начал обзванивать местные отели.

— Регистратуру, пожалуйста.

— Регистратура.

— У вас остановилась миссис Салли Энн Кейвзнау?

В шестом отеле ему ответили:

— Да, сэр. Миссис Кейвзнау и ее сын приехали к нам вчера. Вас интересует номер комнаты?

— Нет, благодарю. Мы хотим сделать ей маленький сюрприз, прислать цветы. Не могли бы вы сказать, когда она собирается уезжать?

— Она заплатила до пятницы, сэр, но сказала, что уедет в четверг вечером, после ужина, то есть завтра, около девяти вечера.

— Чтобы послать ей цветы, времени предостаточно. Большое вам спасибо...

— «Транс Уорлд Эрлайнс». Отдел предварительных заказов.

— У вас заказаны билеты для миссис Салли Энн Кейвзнау и ее сына на завтрашний рейс 629 в Буэнос-Айрес?

— Повторите фамилию, сэр.

— Миссис Кейвзнау и ее сын, Уильям.

— Нет, сэр. Такого заказа у нас нет. Вы хотите заказать им билеты, сэр?

— Нет, нет. Не беспокойтесь. Но у вас заказан билет на тот же рейс для Ирвина Флетчера?

— Ирвин Флетчер. Да, сэр. Рейс 629 в Буэнос-Айрес. Вылет в четверг в одиннадцать вечера. Заказ оплачен.

— Благодарю вас.

Прежде чем позвонить еще раз, Флетч пошел по спальне, вышел на кухню, выпил стакан молока.

В ванной комнате почистил зубы. Вернувшись в спальню, несколько минут изучал телефонный справочник.

Затем снял трубку.

— Служба проката самолетов?

— Да. Добрый день. Служба проката самолетов.

— Это Ирвин Флетчер. Я звоню насчет своего заказа на завтрашний вечер...

— Да, мистер Флетчер. Как хорошо, что вы позвонили. Ваш чек получен сегодня утром, как мы и договаривались. Все готово. Реактивный самолет на пять мест будет ждать вас завтра от половины одиннадцатого вечера до полуночи, чтобы доставить в Рио-де-Жанейро. Вы собирались приехать не позже полуночи, не так ли, сэр?

— Да. В аэропорту ваш сектор находится рядом с «Транс Уорлд Эрлайнс»?

— Да, сэр. У нас даже общий грузовой склад.

— Понятно.

— Мы не знали, как связаться с вами, мистер Флетчер, так как в прошлую пятницу, позвонив нам, вы не оставили номера своего телефона. Вы не указали, полетите один или нет, сэр.

— Разве это имеет значение?

— Нет, сэр. Единственное, что нас беспокоит, нужно ли включать в состав экипажа стюардессу.

— Это необходимо?

— Видите ли, сэр, если пассажир один, второй пилот может приготовить еду и напитки...

— Понятно.

— Так как со стюардессой, сэр? По стоимости для вас никакой разницы нет. Просто одна из наших лучших стюардесс слетает в Рио и обратно.

— Хорошо. Пусть будет стюардесса.

— Да, сэр. Договорились. Мы включаем стюардессу в состав экипажа.

— Благодарю.

— Спасибо, что позвонили, мистер Флетчер. Можете не волноваться, самолет будет вас ждать.

Положив трубку, Флетчер так и остался сидеть на кровати. Часы показывали десять минут восьмого.

Он должен был встретиться со Стэнвиком через двадцать пять часов и двадцать минут.

Флетч перебрал в памяти свои последующие действия. Времени ему хватало с лихвой.

В половине восьмого он уже спал, поставив будильник на час тридцать утра.

В четверг в три часа двадцать минут утра Флетч оставил машину на Бермэн-стрит, в трехстах ярдах от подъездной дорожки, ведущей к дому Стэнвика. В теннисных туфлях, джинсах и темном свитере, он обогнул дом по лужайке и подошел к веранде. Дверь в библиотеку была открыта: слуги действительно забывали запирают ее на замок.

В лунном свете он выдвинул правый верхний ящик стола. Как он и ожидал, пистолет лежал там. И, как подозревал, без обоймы.

Флетч положил пистолет обратно в ящик.

В четверг пятого утра он сидел в своем кабинете в «Ньюс-Трибюн» и писал статью для дневного выпуска.

«Четверг, дневной выпуск, первая полоса: НАЙДЕНО ТЕЛО / Флетчер.

Этим утром полиция обнаружила обнаженное тело пятнадцатилетней девушки, похороненное в песке у Берегового бульвара.

Тело, уложенное в спальный мешок, было найдено в неглубокой могиле у самой стены набережной. О ме-

стонахождении тела стало известно благодаря анонимному звонку в полицию.

Полагают, что девушка, опознанная как Роберта Сандерс, «Бобби», прибыла на побережье из Иллинойса.

Ожидается, что в заключении судебного эксперта Альфреда Уилсона будет указано, что смерть наступила поздно ночью в воскресенье или рано утром в понедельник вследствие принятия слишком большой дозы наркотиков.

Согласно заявлению представителя полиции, спальные мешки такого типа весьма популярны, и вряд ли удастся установить его владельца.

Девушка, оставленная на побережье несколько месяцев назад путешествовавшим с ней тридцатилетним мужчиной, не имела постоянного адреса.

У нее не было видимых средств к существованию. По мнению полиции, о трупе сообщили, «вероятно, мужчина». Дежурный доложил, что говоривший сознательно старался исказить или приглушить свой голос.

Местная полиция принимает все меры, чтобы разыскать семью умершей в Иллинойсе.

Полагают, что ее отец — дантист.

«Четверг, дневной выпуск, первая полоса: ЗАМЕШАН НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ / Флетчер.

Вещественные доказательства: 1) Показания Монтомери. 2) Показания Уитерспуна. 3) Записка Каммингса. Фотографии с подписями: Каммингса, Уитерспуна, Монтомери.

Сегодня утром редакция газеты «Ньюс-Трибюн» передала окружному прокурору материалы, свидетельствующие о причастности начальника полиции Грэхема Каммингса к распространению наркотиков на побережье.

Передаваемые документы включают: письменные показания, подписанные Чарльзом Уитерспуном, он же Ватсаяна, он же Толстяк Сэм, который назвал себя в показаниях «распространителем наркотиков на побережье», письменные показания, подписанные Льюисом Монтомери, признавшим, что он приносил наркотики Толстяку Сэму и рукописную записку «Сэму», касающуюся механики передачи наркотиков, подписанную «Каммингс».

В показаниях прямо указано, что источником наркотиков на побережье является начальник полиции Каммингс.

Показания подписаны вчерашним числом. Этим утром полицией найдено тело пятнадцатилетней Роберты Сандерс, «Бобби», похороненной в неглубокой могиле у стены набережной и умершей от избыточной дозы наркотиков (подробности в статье «Найдено тело»).

Уличающие Каммингса доказательства являются результатом специального расследования, начатого «Ньюс-Трибюн» месяц назад.

Уитерспун и Монтомери с сегодняшнего дня находятся под охраной.

В ближайшие часы ожидается арест начальника полиции Каммингса агентами Федерального Бюро по борьбе с наркотиками.

Согласно показаниям, Каммингс, пятидесяти девяти лет, регулярно ездил в Мексику якобы для устройства дома, в котором собирался жить после ухода на пенсию. На самом деле на протяжении более четырех лет он каждый месяц привозил на побережье наркотики.

Наркоманы платили за них примерно семьдесят пять тысяч долларов ежемесячно.

Собственная машина Каммингса, на которой он ездил в Мексику, темно-синий «шевроле» с номерными табличками сзади и спереди с надписью «НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ», оборудована полицейским радио. На крыше установлен вращающийся, мигающий маячок, как у патрульных машин. Под приборной доской подвешено крупнокалиберное ружье марки «винчестер».

Неизвестно, надевал ли Каммингс полицейскую форму перед прохождением таможенного досмотра.

Его жена и дочь часто сопровождали его в поездках в Мексику.

Каммингс служит в полиции девятнадцать лет. Ранее он был офицером армии США.

Монтомери — сын Джеймса Монтомери, директора школ округа.

Согласно показаниям, городская полиция раз в несколько дней привозила младшего Монтомери в участок для «допроса».

Обмен наркотиков на деньги между Монтомери и Каммингсом происходил в кабинете последнего при закрытых дверях.

Монтомери уверен, что прочие сотрудники полиции ничего не подозревали. Он проносил наркотики и деньги в денежном поясе под широкой гавайской рубашкой.

Притворяясь, что он покупает наркотики у Уитерспуна, Монтомери в действительности оставлял набитый наркотиками денежный пояс в условленном месте, где его подбирал Уитерспун.

Несмотря на всеобщую озабоченность, вызванную распространением наркотиков на побережье, никто не мог понять, как они туда попадают.

Прежний посыльный, девятнадцатилетний юноша, фигурирующий в показаниях как «Джефф», покончил с собой четыре года назад.

ГЛАВА 29

«Четверг, дневной выпуск, первая полоса: НАЙДЕНО ТЕЛО / Флетчер.

Этим утром полиция обнаружила обнаженное тело пятнадцатилетней девушки, похороненное в песке у Берегового бульвара.

Тело, уложенное в спальный мешок, было найдено в неглубокой могиле у самой стены набережной. О ме-

Записка Каммингса собственноручно написана им сразу же после самоубийства Джеффа. В ней идет речь о том, что Монтгомери может заменить Джеффа. Как следует из показаний Монтгомери, ему было четырнадцать лет, когда он впервые принес наркотики Уитерспуну.

Вначале, когда запасы Уитерспуна подходили к концу, Монтгомери давал сигнал Каммингсу, оставляя на стоянке свой велосипед, который начальник полиции мог увидеть из окна кабинета. Велосипед выделялся лиловым сиденьем и большим зеркалом заднего обзора.

Впоследствии сигналом стал расписанный цветами фургон марки «Фольксваген», который Монтгомери также оставлял в пределах видимости начальника полиции. Фургон зарегистрирован на имя Чарльза Уитерспуна.

Уитерспун, тридцати восьми лет, не тревожимый полицией, жил в лачуге прямо на пляже.

Ранее он преподавал музыку в школах Денвера, штат Колорадо.

В своих показаниях Уитерспун заявляет, что он, и только он, продавал наркотики, поставляемые Каммингсом.

Уитерспун и Монтгомери утверждают, что не имели денег от торговли наркотиками. Будучи наркоманами, они получали наркотики бесплатно.

Оба свидетельствуют, что Каммингс принуждал их к распространению наркотиков, угрожая в противном случае засадить их в тюрьму.

Прежде чем стать агентом начальника полиции, Уитерспун сам незаконно продавал наркотики.

Уитерспун заявил: «По существу, я узник начальника полиции из-за моей потребности в наркотиках и имеющихся у него доказательств моей вины. Лачуга на пляже — та же тюрьма».

Каммингс отказывался от предлагаемого ему частными лицами сотрудничества в деле избавления побережья от наркотиков. В частности, Джон Коллинз, президент корпорации «Коллинз Авиэйшн», неоднократно предлагал ему пригласить опытных экспертов со стороны, обещая оплатить все расходы, но постоянно получал отказ.

По утверждению Коллинза, Каммингс всегда заявлял, что «ему осталось несколько месяцев» для решения проблемы.

То же самое сообщил он на этой неделе и репортеру «Ньюс-Трибюн».

Положив первые и вторые экземпляры обеих статей на стол редактора дневного выпуска, Флетч просмотрел фотографии, сделанные по его просьбе два дня назад, и набросал для них подписи. Для статей он отобрал снимки Роберты Сандерс, начальника полиции Грэхема Каммингса, Чарльза Уитерспуна, передающего Кризи пакетик героина, и Льюиса Монтгомери в широкой гавайской рубашке у «Фольксвагена».

На ксероксе он снял по две копии первого экземпляра показаний Монтгомери и Уитерспуна и оригинал записки Каммингса. Копии и фотографии Флетч приложил к материалам статей, показания и записку унес к себе в кабинет и всунул в конверт, на котором заранее написал адрес. Затем позвонил в городскую курьерскую службу. Запечатал конверт. Снял телефонную трубку.

— Полиция. Скажите, пожалуйста, вашу фамилию и номер, с которого вы звоните.

— Я хочу сообщить о трупе, — ответил Флетч, проложив носовой платок между ртом и микрофоном трубки.

— Пожалуйста, скажите вашу фамилию и номер, с которого вы звоните.

— На пляже в песке зарыто тело девушки... ее звали Бобби. Она в спальном мешке. Мертвая.

— Кто говорит?

— Я не обманываю. Бобби похоронена на пляже. Около стены набережной, где она изгибается и нависает над пляжем. Недалеко от лачуги Толстяка Сэма. Скала, выступающая из стены, находится как раз над могилой. Вы поняли?

— Пожалуйста, повторите.

— Тело Бобби похоронено на пляже, недалеко от лачуги Толстяка Сэма, под выступающей скалой.

— Пожалуйста, назовите себя. Кто вы?

— Пожалуйста, найдите Бобби, — ответил Флетч.

Без десяти восемь Флетч набрал еще один номер.

— Слушаю?

— Доброе утро, Одри. У тебя голос, словно утренняя заря.

— Флетчер? Это ты? Почему звонишь в это время?

— Я хотел убедиться, что ты проснулась и приготовила кофе Олстону.

— Он уже выпил кофе. И как раз уходит на работу.

— Тебе не трудно позвать его? Мне нужно с ним поговорить.

— Он здесь. Пытается поцеловать меня на прощание.

— Надеюсь, ему это удастся.

— Привет, старик. Я тебя слушаю.

— Ужели это Олстон Чамберс, наш высокоуважаемый окружной прокурор?

— Не издевайся, дружище. Я не окружной прокурор. Я только пашу на него.

— Знаю. Одри очень бодр для восьми утра.

— Она пьет по утрам слишком много кофе. И заставляет меня. Поэтому я так рано ухожу на работу. Что случилось, дружище?

— Олстон, я посылаю тебе с курьером пару свидетельских показаний, или affidavits, как их называют юристы, и подписанную записку. К твоему приезду они будут у тебя на столе.

— О'кей. И что в них особенного?

— Прочитай, ты все поймешь. В них говорится, что Грэхем Каммингс, начальник полиции, уже четыре года, а то и больше, привозит на побережье наркотики и продает их там.

— Однако! Грэхем Каммингс? Он чист, как собачий зуб.

— Мы думали, что чист.

— Его уже арестовали?

— Нет. Сам понимаешь, могут возникнуть некоторые осложнения. Так что заниматься этим придется тебе.

— Хорошо, Ирвин. Но мне потребуется время.

— Время?

— Несколько часов. Во-первых, я должен получить твои документы и снять с них копии. Во-вторых, связаться с Федеральным Бюро по борьбе с наркотиками, представить им свидетельские показания и прочее. Они пошлют кого-нибудь на побережье, предварительно получив ордер на арест.

— Только не тяни с этим. Упустишь шефа, он того гляди сбежит к мексиканской границе. В собственном автомобиле, который похож на патрульную машину. У него там мигалка на крыше, полицейское радио и крупнокалиберное ружье. Ему не впервой дурить таможенно. У него темно-синий «шевроле» «706-552».

— Повтори еще раз номер.

— «706-552».

— Хорошо. Ты уверен, что показания соответствуют действительности?

— Абсолютно.

— Ну и ну! Грэхем Каммингс. Не могу в это поверить.

— Слушай, Олстон, прежде чем ты арестуешь Каммингса, я хочу попросить тебя еще об одном.

— Ты и так задал мне работы.

— Знаю. Но я хочу, чтобы два человека, подписавшие показания, были помещены в безопасное место.

— Хорошо. Где они?

— В одиннадцать утра они будут ждать у пивного ларька на набережной, около Берегового бульвара.

— Место знакомое.

— Там они и будут.

— Их фамилии?

— Уитерспун и Монтгомери. Два пугала. Уитерспуну — тридцать восемь лет, Монтгомери — семнадцать. Их имена и фамилии есть в показаниях.

— Я понял.

— И поторопись, Олстон, ладно? Статья выходит сегодня в дневном выпуске, и, как ты знаешь, первые экземпляры появятся на прилавках в одиннадцать двадцать две.

— Да, да. Флетчер, ты потрясающий журналист.

— Там пойдет речь о смерти...

— Убийство?

— Нет. Сегодня утром на пляже нашли тело пятнадцатилетней девушки. Чрезмерная доза наркотиков. Каммингс очень опасен.

— Флетчер, я когда-нибудь говорил тебе, что ты великий журналист?

— Нет.

— Ирвин Флетчер, это так! Ты бесподобен. Надеюсь, «Ньюс-Трибюн» ценит тебя по заслугам.

— Они вот-вот уволят меня.

— Ерунда.

— Им не нравится, что я хожу по редакции босиком.

— Да, дружище, я же буду присутствовать на твоём награждении.

— О чем ты?

— Благодарю за приглашение на церемонию вручения тебе «Бронзовой звезды».

— Я тебя не приглашал.

— А я получил приглашение от «Ньюс-Трибюн».

— Я его не посылал.

— Все равно приду. Все твои товарищи по оружию гордятся тобой. Меня флот награждал лишь болезнью, от которой не помогает кофе.

— Ты все еще болен?

— Нет. Я оставил ее в туалете.

— Надеюсь, в муниципалитете?

— Возможно. Я думал, ты давно получил «Бронзовую звезду».

— Нет.

— Но завтра ты ее получишь?

— Обязательно, — ответил Флетч. — Обязательно, обязательно.

— Я там буду.

— И приоденешься, ожидается масса фотографов.

— Флетчер!

В половине десятого Флетч возвращался домой. Он дождался отсика первой страницы, поступившего четверть часа назад. Оттиск ему понравился. Обе статьи с фотографиями Бобби и Каммингса занимали

самое видное место. Продолжение с остальными фотографиями, показаниями и запиской Каммингса перебрали на третью страницу. Материал удался! Редакторская правка была минимальной. С такими статьями, подумал Флетч, весь выпуск разоидется в мгновение ока.

Он вставил ключ в замок зажигания «MG».

— О, привет, Клара.

Она уже припарковывала серую «вегу» в ряд машин, владельцы которых прибыли в редакцию пораньше.

— Как поживаешь, дорогая?

— Флетчер, уже четверг.

— Я знаю.

Она наклонилась к окошку, словно инспектор дорожной полиции.

— Куда ты едешь?

— Домой.

— Я еще не видела статьи о наркотиках.

— Да?

— Я говорила тебе, что ты должен сдать эту статью до четырех часов.

— Когда ты ее напечатаешь?

— Не знаю. Сначала мне придется поработать над ней.

— Завтра пойдет?

— Не знаю. Все зависит от того, много ли будет правки.

— Может, дать ее в воскресном номере?

— Не знаю. Фрэнк хочет задержать ее на неделю-другую. Он рассказал мне о твоей безумной идее насчет участия Каммингса.

— Неужели я говорил ему об этом?

— Они же друзья!

— О!

— Каммингс замешан?

— В статье упоминается его фамилия.

— Мы с Фрэнком решим, когда печатать статью.

Твое дело — положить ее мне на стол до четырех часов дня.

— Я хоть раз подводил тебя, Клара?

— Флетчер, я серьезно!

— Не беспокойся. Сегодня днем ты увидишь статью.

— Точно?

— Клара, я абсолютно уверен. Сегодня днем ты прочтешь статью о распространении наркотиков на побережье.

— Я бы этого хотела.

— Не сомневайся.

— А завтра не забудь явиться к командиру военно-морской базы.

— Как можно!

— Хорошо. На карту поставлена твоя работа.

Флетч повернул ключ зажигания.

— К четырем часам статья будет у тебя. Возможно, даже чуть раньше.

ГЛАВА 30

Почти весь четверг Флетч пробыл дома. Он поел. Поспал. Стер пленку с записями о Стэнвике.

Напечатал письмо Джону Коллинзу в двух экземплярах. Первый уничтожил, второй, сложив вчетверо, сунул во внутренний карман пиджака. Выбросил содержимое мусорных корзинок.

С половины двенадцатого непрерывно звонил телефон. Флетч знал, что это Клара Сноу, либо Фрэнк Джефф, либо кто-то еще из руководства «Ньюс-Трибюн». Они всегда приходили в неистовое возбуждение от радости, если были настоящими профессионалами, или от злости, если таковыми не были, когда рядовому сотруднику удавалось, минуя их, протащить в номер блестящий материал. Во всех газетах существовал крепкий костяк настоящих журналистов. Благодаря им читатели иной раз расхватывали газеты, несмотря на некомпетентность руководства. Дневной выпуск поступил в продажу. В час дня восторженные читатели отправились на ленч. Телефон ожил вновь лишь в половине третьего.

В три часа позвонили в подъездную дверь.

Флетч нажал кнопку, отпирающую входной замок.

Пару минут спустя раздался звонок в квартиру.

Он открыл дверь. На пороге стояла Джоан Коллинз Стэнвик.

— Добрый день, мистер Флетчер.

— Добрый день, миссис Стэнвик.

— Я говорила, что смогу запомнить такую фамилию, как Флетчер.

— Вы знаете, кто я такой?

— Теперь знаю.

— Давайте пройдем в гостиную.

Джоан прошла мимо него и села на диван.

— Позвольте предложить вам что-нибудь выпить.

— Нет, благодарю. Но вы можете объяснить свое поведение.

— Простите?

Флетч нервно ходил взад-вперед. Его раскрыли в самый критический момент.

— Мистер Флетчер, почему вы интересуетесь моим мужем? Или вас интересует я?

— Ни то, ни другое, — ответил Флетч.

К тому же обращения «мистер» и «миссис» казались ему неуместными в разговоре между людьми, два дня

назад сравнивающих любовь по-польски и по-румынски.

— Почему вы решили, что я интересуюсь вами?

— Мистер Флетчер, я рождена, воспитана и обучена для выполнения только одной работы, о чем вы, несомненно, знаете, являясь мастером своего дела. Я должна помогать моему отцу и моему мужу и оберегать их. С этим я справляюсь довольно неплохо.

— Вернее, оберегать «Коллинз Авиэйшн»?

— А также ее вкладчиков, ее работников и так далее, и так далее.

— Понятно.

— Выполняя эту деликатную работу много лет, нельзя не приобрести определенную интуицию. На ленте в «Рэкетс-клубе» в прошлую субботу, когда мы впервые встретились, она подсказала мне, что из меня вытягивают информацию. Я, правда, не понимала цели ваших расспросов. Но на всякий случай сфотографировала вас.

Не отрывая взгляда от Флетча, она достала из сумочки фотографию и положила ее на кофейный столик. Флетч был запечатлен в шортах в теннисном павильоне.

— Я сфотографировала вас, когда вы брали стул от соседнего столика после прихода моего отца. В понедельник утром я отдала фотографию в службу безопасности «Коллинз Авиэйшн». Их ответ я получила только сегодня. Вы — И. М. Флетчер из «Ньюс-Трибюн». Это подтвердили полицейский детектив по фамилии Люпо, а затем сотрудники редакции.

— Однако, — выдохнул Флетч.

Внезапно его охватило страстное желание жениться на Джоан Коллинз Стэнвик.

— Так вот, мистер Флетчер, когда газетный репортер кем-то интересуется, с кем-то знакомится, а в нашем случае знакомится близко, под вымышленным именем, представляясь другим человеком, можно предположить, что он ведет какое-то расследование.

— Несомненно.

— Но вы сказали, что мы не представляем для вас интереса.

— Именно так. Интересовал меня ваш отец.

— У вас звонит телефон.

— Слышу.

— Раз вы не собираетесь отвечать на телефонный звонок, позвольте спросить: что именно вы хотели узнать у моего отца?

— Предлагал он или нет оплатить частное расследование, чтобы выявить, как поступают наркотики на побережье, и отказался ли Каммингс от его помощи?

— Так ли нужны вам эти подробности?

— Я уже напечатал их. Вы не видели сегодняшнего дневного выпуска «Ньюс-Трибюн»?

— Нет, не видела.

— Я раскрыл сеть распространителей наркотиков на побережье. Наркотики шли через Каммингса. В одном абзаце, кажется, в тридцать четвертом, я написал о предложении вашего отца. Если бы я обратился к нему официально или от редакции газеты, он скорее всего ничего бы мне не сказал, так как даже представить не мог, что главный виновник — шеф полиции.

— Как интересно. Столько усилий ради одного абзаца.

— Если бы вы знали, во что иногда обходятся абзацы, которые я даже не пишу.

— Но у меня сложилось впечатление, что не вы, а мой отец первым заговорил о наркотиках.

— Вы, однако, в этом не уверены?

— Нет. Вы знакомы с моим мужем?

— Нет.

— Но вам удалось убедить нас, что вы знали его в прошлом, и знали хорошо. Даже присутствовали на нашей свадьбе.

— Газетные архивы. Я просто подготовился к встрече с вами.

— Но вам было известно, что он врзался в дом в Сан-Антонио! Даже мы не знали об этом!

— Может, я соврал.

— Нет, я спросила Алана.

— Вы его спросили?

— Да. Он поморщился, но не стал ничего отрицать.

— Забавно.

— Как вы узнали о том случае?

— Из полицейского досье вашего мужа. Кстати, он не оплатил штраф за стоянку в неположенном месте в Лос-Анджелесе.

— Если вы не интересуетесь моим мужем, почему заглянули в его полицейское досье?

— Мне требовались эти сведения, чтобы убедить вас в том, что мы давние друзья.

— Мне не верится, что вы приложили столько усилий ради одного малозначительного абзаца в статье, не имеющей к нам никакого отношения.

— Поверьте мне. Перед вами я абсолютно честен.

— У вас звонит телефон.

— Слышу.

— Пытаясь уяснить цель ваших расспросов, если она и была, я пришла к выводу, что вас занимало состояние здоровья моего мужа.

— Между прочим, как он себя чувствует?

— Насколько мне известно, отлично. Но ваши вопросы так или иначе касались его здоровья. Вы выуди-

ли у меня фамилию и адрес его страхового агента. И даже, хотя точно я не помню, упомянули нашего семейного доктора.

Флетч стоял посреди комнаты, смотрел на сидящую с достоинством Джоан Коллинз Стэнвик, и его душа пела от радости. Чудо, а не женщина. Проникнуть в суть его игры, восстановить каждый его шаг, даже нащупать мотивы! Такую женщину он мог бы любить вечно.

А через несколько часов он должен убить ее мужа, по его же просьбе.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Мы просто мило болтали.

— Далее, вы задали много вопросов мне и ни одного — моему отцу. Но после его появления вы вновь перевели разговор на здоровье Алана.

— А о чем еще мы могли говорить? О погоде? Если говорить не о чем, приходится обсуждать погоду или чье-либо здоровье.

— Вам известно что-нибудь о здоровье моего мужа? Чего не знаю я?

— Честно говоря, нет.

— Как вы попали в «Рэкетс-клуб», мистер Флетчер?

— Купил белые шорты и сказал, что я гость Андервудов.

— Вы знакомы с Андервудами?

— Нет, я прочел эту фамилию на шкафчике в раздевалке.

— Вы хоть играете в теннис?

— Я играю с людьми. Почему-то мне не нравится слово «корт»¹, даже теннисный.

— Наверное, потому, что игра на нем идет по определенным правилам.

— Возможно.

— У вас звонит телефон.

— Слышу.

— Те часы, что вы провели в моей комнате во вторник, тоже являлись частью расследования?

— Нет. Я был у вас в свободное от работы время.

— Искренне надеюсь.

— Вы собираетесь рассказать мужу, что я — И. М. Флетчер из «Ньюс-Трибюн»?

— Мистер Флетчер, это невозможно.

Флетч, наконец, присел на диван.

— Обычно меня зовут Флетч.

— У меня заседание правления в «Рэкетс-клубе». Сегодня четверг. Мне надо забрать Джулию. У слуг выходной.

— На это время всегда найдется.

— Флетч, звонит телефон.

— Слышу.

В шесть часов вечера вновь позвонили в дверь квартиры. Флетч был один. Он принял душ и надел костюм. На этот раз обошлось без звонка в дверь подъезда.

Двое очень молодых, очень ухоженных мужчин, несомненно, полицейские детективы, подозрительно оглядели Флетча.

— Мистер И. М. Флетчер?

— К сожалению, мистера Флетчера нет дома, — ответил Флетч. — Я его адвокат, мистер Джиллетт из «Джиллетт, Уорхэм и О'Брайен». Чем могу быть полезен?

— Вы его адвокат?

— Совершенно верно.

— У нас ордер на арест мистера И. М. Флетчера, проживающего по этому адресу и обвиняемого в уголовном преступлении.

— Да, знаю. Я консультировал мистера Флетчера по этому делу.

— Где он?

— Сейчас я вам все объясню. Его вина не вызывает сомнений. Сегодняшний день и вечер он улаживает личные дела. Надеюсь, вы понимаете?

— Мы не в первый раз пытаемся заставить его дома.

— Не волнуйтесь. Обещаю, что завтра в десять утра мистер Флетчер сам явится в полицейское управление. Ему нужен вечер, чтобы утрясти личные дела.

— Что у нас завтра, пятница?

— Он придет в пятницу, в десять утра.

— Под вашу ответственность?

Флетч покровительственно улыбнулся.

— Под мою ответственность.

— Повторите вашу фамилию.

— Мистер Джиллетт из «Джиллетт, Уорхэм и О'Брайен». Наша юридическая контора зарегистрирована в этом городе.

Флетч наблюдал, как один из детективов записывает в блокнот: «Джиллетт — Джиллетт, Уорхэм и О'Брайен».

— Вы понимаете, — сказал второй детектив, — что вас могут арестовать за нарушение закона, если мистер И. М. Флетчер завтра не явится в полицию.

— Разумеется, понимаю. В конце концов я член коллегии адвокатов Калифорнии и работник суда.

— Хорошо.

— Одну минуту, — остановил Флетч повернувшихся было детективов. — Я выйду с вами. В какую сторону лифт?

— Сюда, сэр.

Спустившись в гараж, Флетч сел в машину и поехал к дому Стэнвика на Бермэн-стрит.

ГЛАВА 31

Четверг, вечер, половина девятого.

В строгом костюме, в рубашке и при галстук Флетч вошел в библиотеку через дверь террасы.

Алан Стэнвик с сигаретой в руке сидел в кожаном кресле. Из бронеэта он перекасался в блондина.

— Добрый вечер, мистер Стэнвик. И. М. Флетчер из «Ньюс-Трибюн». Позвольте мне позвонить.

Левое колено Стэнвика дернулось.

Флетч снял трубку и набрал номер.

— Я быстро.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный экземпляр письма Джону Коллинзу и протянул его Стэнвику.

— А вы пока прочтите вот это. Такие же письма уйдут указанным здесь адресатам ровно в полночь, если только я не подам знак, что посылать их не надо. Привет, Одри. Флетчер. Олстон дома?

Стэнвик наклонился через стол и взял письмо.

«Мистеру Джону Коллинзу
Председателю совета директоров
«Коллинз Авиэйшн» 1,
Коллинз Плаза Гринуэй, Калифорния.

Уважаемый сэр!

Алан Стэнвик убил меня вчера вечером. Обгорелые останки принадлежат мне, несмотря на перстень Колгейта и золотую зажималку.

Стэнвик улетел в самолете, заказанном на мою фамилию в «Службе проката самолетов», в Рио-де-Жанейро, где он намерен жить постоянно под моей фамилией и с моим паспортом.

С этой целью он перекрасил волосы в светлый цвет. Краситель он украл в понедельник вечером из квартиры своей любовницы Сандры Фолкнер, проживающей по адресу: 15641 В, Патнэм-стрит.

В Рио-де-Жанейро со Стэнвиком полетели некая миссис Салли Энн Кашинг Кейвзнау и ее сын Уильям, приехавшие в Калифорнию из города Нонхиген, штат Пенсильвания. Последние 4 года Стэнвик встречался с миссис Кейвзнау в Нонхигене раз в шесть недель. Это может подтвердить пилот по прозвищу «Баки», работающий в вашей корпорации. Миссис Кейвзнау недавно разошлась с мужем.

В Рио Стэнвик взял с собой три миллиона долларов наличными. Деньги получены от продажи акций Уильямом Кармичелом. Тот полагал, что указанная сумма необходима для внесения задатка за ранчо в Неваде, купленное при посредничестве «Свартаут Невада Ризлти».

Искренне ваш, И. М. Флетчер.

Копии: Джоан Коллинз Стэнвик,
Уильяму Кармичелу, Берту Эберхарту,
Олстону Чамберсу».

— Олстон, привет. Флетч.

— Величайший журналист мира?

— Он самый. Как идут дела?

— Потрясающе. Показания великолепы. Записка Каммингса — сверх всяких ожиданий. Мы забрали твоих пташек, Уитерспуна и Монтгомери, и они чиркали весь день напролет.

— С ними все в порядке?

— Они в больнице под вымышленными фамилиями, далеко-далеко отсюда.

— Отлично — (Стэнвик перечитывал письмо во второй или третий раз). — Ты хорошо поработал, Олстон.

— А ты потряс читателей, Ирвин. Это дело — сенсация года.

— Поверишь ли, но я не видел дневного выпуска. — Надо читать собственную газету.

— Я не могу купить ее на жалованье репортера. Около стола стояли два одинаковых «дипломата».

— Еще одно, Олстон.

— Я слушаю, дружище.

— Вы не арестовали начальника полиции. Это мелечь, я понимаю, но сукин сын преследовал меня на своем автомобиле.

— Где ты?

— Он ехал за мной от Берегового бульвара до Бермэн-стрит.

— И до сих пор там?

— Наверное. Машина точно его. С мигалкой на крыше.

— Флетч, агенты Федерального Бюро ждут его и дома, и в полицейском участке. Чуть ли не с самого утра.

— Не пора ли им проехаться по улицам и поймать этого мерзавца?

— Они плохо знают район. Им не перехитрить начальника полиции в его родном городе. В худшем случае мы схватим его на границе с Мексикой.

— Великолепно. А как же я?

— Крикни ему в окошко, чтобы он ехал домой.

— Благодарю.

— Не волнуйся, Флетч. Его возьмут. А мы с тобой увидимся завтра, в кабинете командира военно-морской базы. Не забудь почистить ботинки.

¹ Корт — означает и теннисный корт, и суд (англ.).

— Арестуйте этого сукиного сына.
— Непременно, непременно. Спокойной ночи, Флетч.

Стэнвик все еще сидел в кожаном кресле с письмом в руке. На столе позади него лежали перстень Колгейта и золотая зажималка.

— Похоже, не выйдет у вас задуманное.— произнес Флетч.

— Похоже, что нет.
— Разгадку я нашел в словах вашей жены, произнесенных ею в постели.— Флетч сел за стол.— Она сказала, что у нас с вами одинаковые фигуры. Внешне мы не похожи. Вы — брюнет, я — блондин. Вы на десять или двенадцать фунтов тяжелее меня. Но фигуры, строение костей у нас идентичны. Поэтому вы выбрали меня среди всех пляжных бродяг. Решили, что как-нибудь убьете меня... возможно, голыми руками, вы же бывший боксер. Нокаутируете ударом кулака, задушите. Потом имитируете автомобильную катастрофу. Я сойду за вас, став обгорелым трупом. Я был бы в вашей одежде, ваших ботинках, с вашим перстнем на пальце и золотой зажималкой. Естественно, сгорел бы я в вашем автомобиле. Ни у кого не возникло бы ни единого вопроса.

— Совершенно верно.
— А в этих «дипломатах» три миллиона долларов?
— Да.
— Вам требовалось нанять самолет, чтобы избежать таможенного досмотра в аэропорту. Наличие в багаже трех миллионов долларов могло вызвать осложнения.

— Чудеса, да и только.— покачал головой Стэнвик.— За прошедшую неделю у меня не возникло ни малейшего подозрения в том, что кто-то интересуется подробностями моей жизни.

— Вы решили убить меня сегодня вечером?

— Да.
— После того, что я узнал за эти дни, должен признать, что не ожидал от вас ничего подобного. Вы же порядочный человек. Как же вы собирались оправдаться перед собой за это убийство?

— Вы имеете в виду моральное оправдание?

— Да.
— Я имею право убить любого человека, согласившись убить меня. Вы не согласны?

— Я вас понял.
— А если без сантиментов, мистер Флетч, я искал выхода.

— Не вы один.
— Так что нам делать теперь, мистер Флетч?
— Делать?

Стэнвик стоял, заложив руки за спину, лицом к террасе.

— Похоже, я поставил себя в довольно сложное положение.
— Да?

— Кажется, вы намерены поступить, как я вас и просил: вы собираетесь меня убить.
Флетч промолчал.

— Я сам все подготовил. Мы одни. Ни жены, ни слуг. Нас ничто не связывает. Полагаю, проводя эту неделю расследование, вы были осторожны.

— Вы правы.
— Я обеспечил ваш отъезд из страны. Только теперь вы полетите не рейсом «TWA», а на взятом напрокат самолете.

— Правильно.
— Разница состоит лишь в том, что у ваших ног три миллиона, а не пятьдесят тысяч. Более чем достаточно, чтобы толкнуть на убийство любого человека.

Несмотря на прохладу, обеспеченную системой кондиционирования, лицо Стэнвика блестело от пота.

— Но вы не знали о том, что пистолет, лежащий в ящике стола, заряжен.

— Мне это известно. Я проверил его рано утром. Вы были правы. Слуги постоянно забывают запирать двери на террасу.

— Из этого следует, что вы принесли с собой оружие смерти, собственный пистолет, и намерены убить меня. Так?

Флетч выдвинул правый верхний ящик стола.
— Я принес обойму к этому пистолету.

Пока Стэнвик рассматривал прозрачные занавеси на окнах, Флетч одной рукой достал из ящика пистолет, другой — обойму из кармана.

— Вы убедили меня, что лучше воспользоваться вашим же оружием.

— Вы без перчаток.— заметил Стэнвик.
— Я все протру носовым платком.
— О боже!

Тем временем Флетч вынул пустую обойму и вставил полную.

— Вы не только подготовили свое убийство, вы даже позаботились о том, чтобы я мог оправдаться перед самим собой. Вы сказали, что человек имеет моральное право убить любого, кто собирается убить его самого. Так?

— Да.
— Так почему бы мне не убить вас, Стэнвик?
— Я не знаю.

— Получив при этом три миллиона долларов, а не

пятьдесят тысяч. Благодаря вам мы одни в доме. У меня в руке заряженный пистолет. Связать меня с вашим убийством невозможно. Мне гарантирован беспрепятственный выезд из страны. И вы сами нашли нравственное оправдание этому убийству. Я переверну пару кресел, вывалю на пол содержимое ящиков, и все будет выглядеть, как обычный грабеж.

— Вы играете со мной, Флетч?

— Да.
— Я повторяю мою первоначальную просьбу: если вы намерены меня убить, сделайте это быстро и безболезненно.

— В голову или в сердце. Так вы просили?

— Перестаньте издеваться.

— Я не собираюсь убивать вас.

Флетч убрал пистолет в карман.

— Я не собираюсь убивать вас, грабить, шантажировать или выставлять на всеобщее обозрение. Я не могу убедить себя, что это необходимо. Вам просто придется искать другой путь к совместной жизни с Салли Энн Кашинг Кейвзнау. Спокойной ночи, мистер Стэнвик.

— Флетч!

Флетч направился к выходу.
— Если вы не собираетесь ни убивать, ни грабить меня, ради чего вы потратили столько сил и времени на расследование?

— Я нахожу это занятие более интересным, чем игра в теннис.

Дважды грянул гром.

Легкие занавеси взмыли вверх, словно подхваченные порывом ветра. Громыкнуло два выстрела. Зазвенели разбитые стекла.

Стэнвику пробило грудь. Руки и подбородок дернулись, носки черных туфель не сдвинулись с места, но тело бросило вперед.

Он рухнул на ковер лицом вниз, перекатился через правое плечо и оказался на спине.

— О боже!

Флетч опустился рядом с ним на колени.

— Вас застрелили.

— Кто? Кто мог застрелить меня?

— Вы не поверите, но стрелял Каммингс, начальник полиции.

— Почему?

— Он принял вас за меня. У нас одинаковые фигуры, и вы перекрасили волосы в светлый цвет.

— Он хотел убить вас?

— Стэнвик, вы сами убили себя.

— Я умираю?

— Мне трудно поверить, что вы еще дышите.

— Флетч, отомстите этому мерзавцу. Используйте деньги. Но отомстите ему.

— Он не уйдет от ответа.

— Отомстите ему.

— Обязательно.

Носовым платком Флетч стер отпечатки пальцев с пистолета и пустой обоймы. Вновь вставил ее на место и положил пистолет в верхний правый ящик стола. Протер ручку ящика, телефон, стол, наружную ручку двери на террасу.

Тело Стэнвика застыло на ковре.

Копия письма Джону Коллинзу лежала на кожаном кресле. Флетч сложил ее и сунул в карман. Затем, подхватив оба «дипломата», осторожно вышел из дома. «MG» ждал его на подъездной дорожке.

ГЛАВА 32

— А, мистер Флетч.

— Мне нужно позвонить. На это уйдет минут двадцать.

— Тогда мы отнесем ваш багаж в самолет. Только чемодан и эти два «дипломата»?

— Да. Где у вас телефон?

— Пройдите в кабинет, сэр. Наберите девятку, а затем номер. Мы готовы к отлету.

Флетч набрал девятку и номер дежурного в «Ньюс-Трибюн». Сел на деревянный стол. Дверь в вестибюль была плотно закрыта.

— Это Флетч. Кто говорит?

— Это я, мистер Флетч. Бобби Эванс.

— Как идут дела, Бобби?

— Не можем отойти от вашей дневной статьи, мистер Флетч. Потрясающе!

— Я рад, что ты читаешь «Ньюс-Трибюн». Слушай, Бобби, материал, который я сейчас продиктую, никто не ждет. Ты договоришься с редактором? Я очень тороплюсь.

— На ту же тему?

— Примерно. Но мне надо срочно уехать. И еще, Бобби. Я не успел написать статью. Я буду сразу диктовать. Если встретятся неточности, пожалуйста, исправь их.

— Хорошо, мистер Флетч.

— Когда мы закончим со статьей, я хочу, чтобы ты записал несколько слов для Клары Сноу.

— Вообще-то у нас так не принято.

— Я знаю, но утром меня не будет в редакции. Мы не сможем с ней встретиться в условленном месте.

— Хорошо.

— Приготовил блокнот?

— Диктуйте, мистер Флетч.

— Пятница, утренний выпуск. Убийство Стэнвика, Флетч. Этой ночью Алана Стэнвика, одно «л» «у-и-к», тридцатитрехлетнего вице-президента «Коллинз Авиэйшн», застрелили в библиотеке собственного дома на Бермэн-стрит.

— Ого!

— В убийстве подозревается начальник полиции Грэхем Каммингс.

— Ничего себе.

— Абзац. Полиция полагает, что Стэнвика убили в половине десятого. Тело обнаружила жена убитого.

Джоан Коллинз Стэнвик, вернувшись с заседания правления «Рэкетс-клуб» в одиннадцать вечера.

— Мистер Флетч?

— Что?

— Вы сказали, что тело обнаружили в одиннадцать вечера?

— Да.

— Но сейчас только четверть одиннадцатого, мистер Флетч.

— Я знаю. Абзац. Согласно заявлению представителя полиции, Стэнвика убили двумя выстрелами в спину из крупнокалиберного ружья. Смерть была мгновенной. Баллистическая экспертиза, которую должны провести сегодня утром, покажет, является ли орудием убийства ружье марки «винчестер», которое Каммингс постоянно держал в личном автомобиле.

Абзац. Каммингс, пятидесяти девяти лет, во вчерашнем дневном выпуске «Ньюс-Трибюн» назван главарем сети распространителей наркотиков на побережье.

Абзац. Вчера полиция нашла тело пятнадцатилетней девушки, Роберты Сандерс, кавычки, Бобби, кавычки, похороненное в спальном мешке на пляже, неподалеку от лагуны Уитерспуна. Она умерла от чрезмерной дозы наркотиков.

Абзац. В момент убийства Стэнвика Каммингс находился на свободе.

Абзац. Репортер «Ньюс-Трибюн» видел Каммингса за рулем собственного автомобиля рядом с домом Стэнвика и сообщил об этом помощнику окружного прокурора Олстону Чамберсу.

Абзац. Нет доказательств того, что Стэнвик и Каммингс знали друг друга, хотя тест Стэнвика, Джон Коллинз, президент и председатель совета директоров «Коллинз Авиэйшн», несколько раз предлагал Каммингсу помощь для выявления и искоренения сети распространителей наркотиков на побережье.

Абзац. Поместье Коллинза граничит с домом Стэнвика.

Абзац. Джоан Стэнвик очень удивилась, увидев, что убитый — блондин. Ее муж был брюнетом и ранее никогда не красил волосы.

Абзац. Сегодня утром вдова убитого находится под наблюдением семейного врача Джозефа Делвина из Медицинского центра. По настоянию доктора Делвина она приняла снотворное и транквилизаторы.

Абзац. Страховой агент Берт Эберхарт подтвердил, что Стэнвик был застрахован на три миллиона долларов. Столь внушительная сумма страховой премии объяснялась, по словам Эберхарта, постоянным риском, которому подвергал себя покойный, испытывая экспериментальные самолеты.

Абзац. Стэнвик, уроженец Нонхигена, штат Пенсильвания, Н-о-н-х-и-г-е-н, окончил Колгейт-колледж и Уортон Бизнес Скул. Капитан военно-воздушных сил, совершил двадцать четыре боевых вылета. Дважды раненный, Стэнвик был награжден «Пурпурным сердцем».

Абзац. Он был казначеем «Рэкетс-клуба», членом Городского клуба.

Абзац. Помимо жены, у Стэнвика осталась дочь, Джулия, пяти лет. Его родители, Марвин и Элен Стэнвик, живут в Нонхигене, штат Пенсильвания. Записал?

— Мистер Флетч?

— Да?

— Это все произошло прошлой ночью?

— Нет, Этой.

— Но как вы можете сообщать об убийстве, даже называя имя убийцы, когда тело еще не найдено полицией?

— Главное, проследи за тем, чтобы фамилии и названия были написаны правильно. Хорошо, Бобби?

— Но вы говорите, что тело будет обнаружено в одиннадцать часов, а сейчас только десять тридцать.

— Да. Я хочу, чтобы этот материал прошел в утреннем выпуске.

— Но, мистер Флетч, этого еще не случилось.

— Ты прав, Бобби. К дому Стэнвика надо послать фотографов, но пусть они подождут, пока вернется вдова и найдет тело. А в утреннем выпуске можно использовать фотографии из фототеки.

— Хорошо, мистер Флетч.

— И еще, Бобби. Я, кажется, забыл указать возраст миссис Стэнвик. Ей двадцать девять лет.

— Понятно.

— Пожалуйста, не забудь вставить. Вот, пожалуй, и все.

— А что мне передать Кларе Сноу?

Рисунки Левона ХАЧАТРИЯНА

— О, да. «Дорогая Клара. Уезжаю. Наша встреча не состоится. Местный климат мне вреден. Фрэнк говорит, что от тебя нет толку и в постели. Целую. Флетч».

— Именно так и передать?

— Именно.

— Напечатать на бумаге?

— Ну конечно. Только позаботься о том, чтобы она не узнала, кто передал записку. Спокойной ночи, Бобби.

— Когда взлетаем, мистер Флетчер?

— Хоть сейчас.

— В вестибюле ждет женщина с ребенком. Почему-то она не хочет сказать, кого они ждут. Может, вас? Мы не относили их багаж в самолет.

— Нет, они ждут не меня.

— Мальчик упоминал какого-то «дядю Алана». А у нас сегодня заказан только один самолет.

Салли Энн Кашинг Кейвэнау и ее сын Уильям стояли в вестибюле с пятью чемоданами у ног. Сквозь открытую дверь кабинета мальчик поглядывал на Флетча.

— Удивительная женщина. — подумал Флетч. — Настоящая женщина. Таковую мог бы полюбить и Марвин Стэнвик, и его сын. Девушка, которую Алан никак не мог забыть, потому что не представлял себе жизни без нее. Она могла заставить юношу бросить бокс, а мужчину — испытательные полеты».

Мальчик не отрывал от него любопытного взгляда.

— Нет, они ждут не меня, — повторил Флетч.

Поднявшись в салон, Флетч плюхнулся в массивное кожаное кресло.

Чемодан и оба «дипломата» стояли в нише за занавеской в хвостовой части самолета.

Не прошло и десяти минут, как они без лишнего шума и суеты оторвались от земли.

Было одиннадцать часов вечера.

— Вы хотели бы что-нибудь выпить, мистер Флетчер?

— Да.

— И поесть?

— Обязательно.

— Какой напиток вы предпочитаете?

— А что у вас есть?

— Джин. Виски. Шотландское...

— А из еды?

— Курица. Бифштекс.

В десять утра следующего дня ему не придется стоять перед судом по обвинению в неуплате алиментов его жене Барбаре в сумме восьми тысяч четырехсот двенадцати долларов.

— Звучит заманчиво.

— Да, сэр.

— Вермут?

— Есть и вермут, сэр.

— Лимон тоже?

— Разумеется, сэр.

В десять утра он не будет стоять перед судом по обвинению в неуплате алиментов его второй жене, Линде, в сумме четырех тысяч четырехсот двадцати восьми долларов и сорока семи центов.

— Принести вам мартини, сэр?

— Два мартини.

— Да, сэр.

— Обязательно со льдом.

В десять утра он не будет стоять перед командиром военно-морской базы, под фотовспышками, и не получит «Бронзовую звезду».

— Хорошо, сэр.

— А потом принесите курицу.

В десять утра он не будет стоять в полицейском участке, ожидая ареста за подлог документов.

— После курицы принесите мне двойное шотландское.

— Да, сэр.

— Со льдом.

— Обязательно, сэр.

В десять утра обе бывшие жены переберутся в его квартиру, где и будут жить вместе.

— Затем приступим к бифштексу. Не слишком его зажаривайте.

— Это будет второй ужин, сэр?

— Да.

— Хорошо, сэр.

А чуть позже десяти часов судья подпишет ордер на арест мистера Джиллетта из «Джиллетт, Уорхэм и О'Брайен», обвиняемого в умышленном обмане слуг закона, находившихся при исполнении служебных обязанностей.

— Под бифштекс я бы выпил пива. У вас есть пиво?

— Да, сэр.

— Вот и отлично. Оно должно быть очень холодным.

— Как прикажете, сэр.

Флетч летел над Мексикой вместе с тремя миллионами в двух «дипломатах».

— Первый мартини подавать, сэр?

— Пожалуй, да. Мы же летим только до Рио.

А ПУШКИН-ТО ЗДЕСЬ ПРИ ЧЕМ?

Окончание. Начало на 18-й стр.

лышало население, остро нуждавшееся в знании защитных мер?

Разве исключалась обязанность прямого обращения к народу, если не оставалось никаких иных способов предупреждения населения об опасности?

Увы, голосов медиков слышно не было. И с этим уже ничего нельзя поделать. Конечно, обращаясь напрямую к народу, они многим бы рисковали, но не более тех медиков, которые выносили раненых с поля боя.

Описывая драматичность ситуации, в которой по собственной инициативе очутились представители нашей медицины и ядерной энергетики, Л. Булдаков сравнивает их с Д. Бруно, а их оппонентов и критиков — с инквизиторами.

«Разве инквизиторы, казнившие на костре Джордано Бруно — пишет академик — были необразованны и разве они не понимали, что прав Джордано? Понимали, но казнили потому, что открытие Джордано противоречило их концепции».

Думается, что пример с Д. Бруно не совсем удачен. Как известно, казнили его за ересь, которую едва ли можно представить открытием в философии. Суть ее сводилась к отрицанию надприродного бога и отождествлению бога и природы («пантеизм»). Более того, пантеизм у Бруно перерос в так называемый «гилозоизм» — учение об одушевленности предметов. О «несостоятельности и фантастичности» гилозоизма Бруно говорится, например, в «Философской энциклопедии».

Разумеется, методы ведения полемики, которыми пользовались отцы-иезуиты, достойны всяческого осуждения, хотя, как показывает горький опыт нашей истории, использование «силовых приемов» в научной и философской полемике по-прежнему актуально. Пишет об этом и сам Л. Булдаков.

«Новое, — как справедливо отмечает академик, — рождается в борьбе со старым». Вот и сейчас представители старых сил, «имевших в прошлом доступ к средствам массовой информации и аппарату подавления», стремятся возродить политические расправы и «так закрутить гайки, чтобы задуть ядерную энергетику, оклеветать медицину».

Читая слова Л. Булдакова о гонениях и травле, которым подвергаются наши медотвработники, можно подумать, что они уже пересели из своих кресел на скамью подсудимых.

Теперь о личном. Академик Булдаков обвиняет меня, как «имеющего доступ к средствам массовой информации и к аппарату подавления», в нагнетании необоснованных страхов, отмечая, что повышение уровня радиационного фона (в известных пределах, надо полагать — Б.К.) так же неопасно, как «неопасно, хотя и страшно, увидеть во сне черта с рогами или бабу-ягу». И дальше: «Эти явления, когда не опасно, но страшно, — утверждает он, — не что иное, как область интересов психиатра».

Серьезная установка. Последовательно претворяя ее в жизнь, следовало бы закатать в «психушки» всех, кто боится пауков, мышей, покойников, а заодно и всех верующих.

И последнее. Академик Булдаков сетует на то, что я учиняю погромы «мирному» атому и его жрецам. Однако я писал статью не о ядерной энергетике, а о людях, которые «более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Иоанн. 3.19—20).

Борис КУРКИН,
кандидат юридических наук

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1989 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Владимиру АНИСИМОВУ — за очерк «Звенкия без звенков?» (№ 19)

Игорю ГОНЧАРУКУ — за иллюстрации к роману Григория Глазова «Ночной пасьянс» (№№ 16—19)

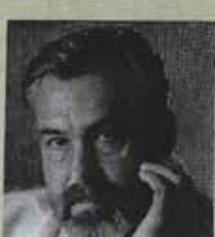
Даниилу ДОНДУРЕЮ — за серию статей «Живопись: XX век» (№№ 6, 7, 8 и 21)

Виталию ЕРЕМИНУ — за очерк «Мертвые души» (№ 17)

Борису ИСКАКОВУ и Александру БОЙКО — за беседу «Без иллюзий» (№ 12)

Альберту ЛЕХМУСУ — за фотоочерк «Вкус морошки» (№ 12)

Валерию МАЙОРОВУ — за очерки «Метастазы» (№ 10), «Власть имущие» (№ 20)

Сергею МИКУЛИКУ — за очерк «Наши за валюту» (№ 16)

Сергею МОРОЗОВУ — за цикл стихов (№ 21) (посмертно)

Аркадию ПАЛЬМУ — за статью «Еще раз про ложь на душу населения» (№ 7)

Артему ТРОИЦКОМУ — за статью «Продано!..» (№ 12)

Алине ЧАДАЕВОЙ — за очерк «Продается дом» (№ 6)

Владимиру ЧЕЙШВИЛИ — за фоторепортажи «Мы — живы...» (№ 7), «В ночь на 9-ое...» (№ 13)

Борису ЧИЧИБАБИНУ — за цикл стихов (№ 2)

Нине ЧУГУНОВОЙ — за статью «Школа балета» (№ 23)

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО
**Итоги конкурса
составления
задач-миниатюр**
Трехходовки, 1987—89

1-й почетный отзыв — М. Власов (д. Карбас Пермской обл.)
Белые: Крd7, Фb5, Кf2, Кh6 (4) — Черные: Крh4, Ch8, п.g6 (3)
Ложный след: 1. Кe4? (2. Фg5+) Крh3 2. Фf1+ Крh2 3. Кg4x, 2...Крh4 3. Фh1x, но 1...Сf6!
В решении игра меняется 1. Фb8! — 2. Фh2+ Крg5 3. Ке4x, 1...Крg5 2. Ке4+ Крh5 3.Фh2x, 2...Кр:h6 3. Ф:h8x.
2-й почетный отзыв — Х. Анимица (Донецкая обл.) и Б. Гладкий (г. Мариуполь)

Белые: Крd8, Фh5, Кh4, п.g3 (4) — Черные: Крf6, п.d7 (2)
1.Кре8! (цугцванг) Кре6 2.Фс5!, 1...d5 2.Фg6+, 1...d6 2. Крf8, 1...Крg7 2.Фf7+. В трех вариантах используется блокирование черной пешкой.

3-й почетный отзыв — Н. Зиновьев (г. Усть-Каменогорск)
Белые: Кре1, Ла1, Лb4, Се3 (4) — Черные: Крg2 (1)

1. Сg1! (цугцванг) Кр:g1 2. Лb2 — 3. 0-0-0x, 1...Крg3 2.Крf1 Крh3. 3. Ла3x. Два правильных мата после вступительной жертвы слона.

1-й похвальный отзыв — Н. Белик (г. Ульяновск)
Белые: Кре6, Ле4, Сс3, Кd7, пп. g6,g7 (6) — Черные: Крg8 (1)

Перемена игры в попытках 1.Кf6?, 1.Ле5?, 1.Лd4? и решении 1. Кре5!
2-й похвальный отзыв — В. Чаплыгин (г. Куйбышев)

Белые: Крс3, Фа8, Сс6, Ка2, п.f5 (5) — Черные: Крс5, п.c7 (2)
1. Ке7! Крd6 2. Фf8+, 1...Крb6 2. Фd8.

Близнец; переставить Ка2 на g6.
1. Ке7! Крd6 2. Фd8+, 1...Крb6 2. Фb8+.

3-й похвальный отзыв — А. Ивунин (г. Ржев) и П. Степанов (г. Свердловск)
Белые: Крf5, Лg7, Сс1, Кg8, п.g4 (5) — Черные: Крf8, п.h7 (2)

1. Кh6! (цугцванг) Кр:g7 2. Са3! Кр:h6 3. Сf8x, 2...Крh8 3. Сb2x, 1...Кре8 2. Сg5 Крf8 3. Лg8x. Еще один правильный мат содержится в ложном следе: 1. Ле7? Кр:g8 2. Ch6 Крh8 3. Левх, но 1...h5 (h6)!

Итоги предварительные. Замечания следует посылать в течение месяца после нашей публикации.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 23**

По горизонтали:

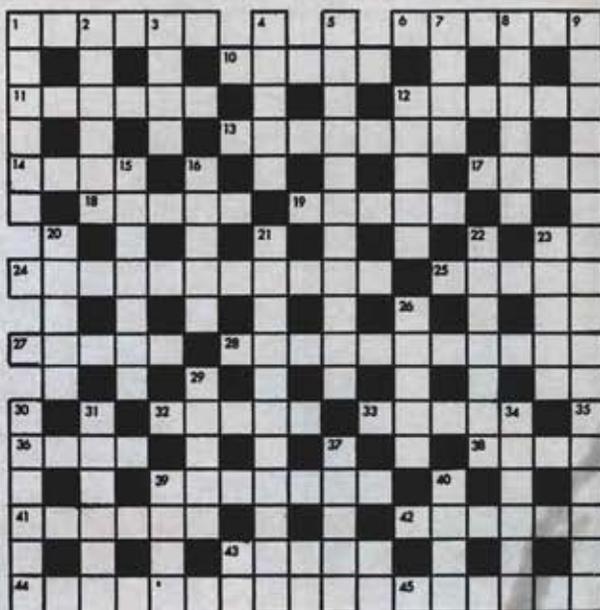
1. Угол. 4. Чека. 7. «Амок». 10. Роцца. 13. Тарантало. 14. Орхидея. 16. Узел. 17. Перо. 19. Женьшень. 20. Симонова. 21. Офорт. 22. Кондор. 27. Ковтох. 30. Паук. 31. Евфросина. 32. Саар. 35. Коробейник. 36. «Звездика». 38. Буссенар. 40. Торричелли. 44. Улар. 47. Церападус. 48. ...дело... 50. Глазет. 51. Сирена. 54. ...зелье. 56. Бразилия. 58. Наполеон. 59. Анже. 60. Адан. 61. Береста. 62. Тетрадь. 63. Уман. 64. Тире. 65. Утес. 66. Вязь.

По вертикали:

2. Градшток. 3. Латунь. 4. Чароит. 5. Кривonos. 6. ...равнина... 8. Мазь. 9. Калифорний. 10. Рапирист. 11. Щорс. 12. Реторта. 15. Ежик. 18. «Вахк». 23. Опак. 24. Дуар. 25. Швейцарец. 26. Универсум. 28. Вади. 29. Юрка. 33. Ибсен. 34. Мингчб. 37. Фомальгаут. 38. Баул. 39. Сказ. 41. Леер. 42. ...ирон. 43. Хамелеон. 45. Лазарет. 46. Резидент. 48. Дикобраз. 49. Легенда. 50. Губа. 52. Айны. 53. Хиатус. 55. Санеев. 57. Янам. 58. Натр.

КРОССВОРД

Составил В. Федосеев, Чебоксары

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Холодное оружие стрелыца. 6. Не разобравшись с о-ками, «Мартышка тут с досады и печали о камень так хватила их, что только... засверкали» (И. Крылов. «Мартышка и очки»). 10. Самая изящная форма японской поэзии. 11. Красный чай, предмет экспорта Тайваня. 12. Хищная птица, гроза пресмыкающихся. Селится там, где есть хотя бы отдельные деревья. 13. Один из восьми мааконов (земель) древней Эстонии. 14. Оградительный канат на палубе судна. 17. Лондон — Темза, Париж — Сена, Берн — ... 18. Первый поэт немецкого пролетариата. 19. Марийские гусли, известные у многих народов Поволжья. 24. ...взаимности — теорема Онсагера в области термодинамики. 25. Женский головной убор, обычный в XIX веке. 27. Ил (область) на юго-востоке Турции. 28. Старатель, добыт-

чик золота. 32. Певец-солист в народной музыкальной культуре Монголии. 33. Детеныш котика, норки, соболя. 36. Газ, обычный спутник природного метана. 38. Зверь, способный прыгнуть на семь метров в длину и на два — в высоту. 39. Каждая из тряпок, заменяющих недостающие стекла в окнах хаты Мануйлихи (А. Куприн. «Олеся»). 41. Житель Страны утренней свежести. 42. Открытые в Северной Америке в конце XIX века минеральные образования, первоначально ошибочно принятые за остатки древнейших животных. 43. Город на северо-востоке США. 44. Средневековый арабский поэт-философ, которого на Востоке по мировоззрению сравнивают с Л. Толстым. 45. Представительница народа, живущего на севере Европы и, видимо, самого древнего в этой части континента.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Французский физик, выдвинувший идею о волновых свойствах материи. 2. Декабрист, в 1824—1825 годах исполнявший обязанности цензора поэзии. 3. Река на юге Эстонии. 4. Скульптор, один из создателей эстонской национальной художественной школы XX века. 5. Название, данное в 1870 году Д. Менделеевым галлию, когда он еще не был открыт. 7. Станина. 8. Нидерландский физик, определивший удельный электрический заряд. 9. Делавар или могоканин. 12. Приток Эльбы, берущий начало в отрогах гор Фихтель. 15. Вид тяжелой кавалерии в европейских армиях XVI—XVII веков. 16. Форма устного поэтического творчества монголов. 20. Минеральное округлое зерно, камешек. 21. Волшебность, необычность, сказочность. 22. Дефи-

цит времени, подстерегающий шахматиста-тугодума. 23. Знаменитый шведский химик. Всю жизнь работал в аптеках, отказавшись от предложения Фридриха II занять пост профессора в Берлинском университете. 26. Киргизский кинорежиссер. Первый его художественный фильм — «Небо нашего детства». 29. Болгария — округ, Венгрия — медь, Румыния — ... 30. Бесподобный предмет. 31. Остров рядом с Таити. 34. Единица измерения электрического сопротивления. 35. Дельфин, отличный циркач в океанариумах. 37. Лирическая драма в японском театре но. 39. Изящная вещьца, которую Кити передала хозяйке бала, перед тем как танцевать вальс с Корсунским (Л. Толстой. «Анна Каренина»). 40. Буква греческого алфавита.

**КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ
Итоги второго задания**

Сетка и условия второго задания напечатаны в № 10. Жюри внимательно изучило присланные работы. К сожалению, и на этот раз далеко не все вникли в условия и точно выполнили их, а ведь это обязательное требование любого конкурса.

Сомнение у жюри сразу же вызвали работы, авторы которых якобы набрали 400 и больше очков (вплоть до 571-го), что возможно разве лишь теоретически. Оказалось, они начисляли себе очки не за каждую букву алфавита в начале загаданных слов сверх двадцати, как ясно сказано в условиях, а за каждое слово на такую букву. При правильном же подсчете у них обычно не набиралось и 200 очков. Из других нарушений, обнаруженных жюри, самое частое — загадывание однокоренных слов: прииск — розыск, Шееле — шеплит, змеядед — семеед и т.д.

Победителем конкурса мог стать Н. Васильев из Новоочебоксарска, но он загадал 4 национальных и 17 имен собственных. Мог им стать и М. Старобинец из Горького, если бы не загадал 4 имени из мифологии. А поскольку все они личные, то, прибавив к ним еще два загаданных им личных имени, получим

6 слов одного ряда, что грубо нарушает правила.

Победителем конкурса жюри признало ассистента Чувашского университета В. Федосеева. В своем кроссворде он загадал слова на 31 букву алфавита, при этом в них встречается 28 сочетаний из двух одинаковых гласных. Победитель набрал 338 очков. Его работу мы печатаем в этом номере. В Федосеева, а также А. Жирова из Николаева, А. Койфмана из Жмеринки Винницкой области и Э. Семенову из Казани редакция наградила дипломами «Смены» и предоставляет им право напечатать по кроссворду вне очереди.

Дипломами награждены также В. Мокий — Избербаша Дагестанской АССР, В. Морозов из Красноурьинска Свердловской области, Л. Смирнов из Риги, А. Сухоросов из Верхней Салды Свердловской области, Ю. Тюлебаева из Серова Свердловской области и В. Черепов из Душанбе. Никто из победителей не набрал меньше 303 очков.

Благодарим всех читателей, принявших участие в конкурсе.

Условия нового конкурса мы напечатать в одном из первых номеров наступающего года.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1502) ДЕКАБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН**
(заместитель главного редактора)
Борис ДАЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Оформление
Аршака ОГАНЕСЯНА
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

Сдано в набор 03.11.89.
Подписано к печати 17.11.89.
А 00410. Формат 70×108/16.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1496.
Цена 33 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

ЕВГЕНИЙ ЛЕЩЕНКО

На одной из персональных выставок Евгения Лещенко зрители интересовались, сколько же художников в ней участвуют. И когда узнавали, что один, — поражались. Очень уж широк круг изобразительных приемов.

Как определить творчество молодого харьковского художника? «Декоративная фантастика»? «Космический реализм»? Но суть не в названии. В его картинах — печаль и радость, дыхание ветра и запах стели... «На основе своего, национального — творить современное, — считает Евгений, — только тогда это будет иметь ценность».

Николай КОСЕНКО

От язычества до христианства.

Царь природы.

Упывающие грезы.